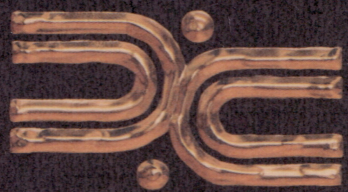

84-3-3-8
L.3

СЛОВО СЕДЬМОЕ

АБАЙ

АБАЙ

СТИХИ
ПОЭМЫ
ПРОЗА

0B

053 674 / 2. 6^н

ОРТАЛЫҚТАНДЫРЫЛҒАН
КІТАПХАНАЛЫҚ ЖҮЙЕ

АЛМАТЫ · МЕКТЕП · 2002

СЛОВО ОБ АБАЕ

Алихан БУКЕЙХАНОВ

«Абай, как это покажут его стихи, представлял недюжинную поэтическую силу и составляет гордость казахского народа. Еще не было казахского поэта, так возвысившего духовное творчество народа, как Абай. Чудные его стихи, посвященные четырем временам года («Весна», «Лето», «Осень» и «Зима»), сделали бы честь знаменитым поэтам Европы».

1905

Джордж КЕННАН

«Г. Леонтьев, которому я задал несколько вопросов о местной библиотеке, сказал мне, что она не только доставляет большое удовольствие ссыльным, но и расширяет умственный кругозор местных обывателей.

— Даже киргизы пользуются ею. Я знаю старика-киргиза — Ибрагима Конобай, который не только посещает библиотеку, но читает даже таких авторов, как Милль, Бокль и Дрэпер.

— Неужто в Семипалатинске есть киргиз, способный читать Милля и Дрэпера? — воскликнул удивленный студент.

— Смею Вас уверить, в первый же раз, как мы с ним встретились, он удивил меня просьбой объяснить ему разницу между индукцией и дедукцией. А потом я убедился, что он серьезно изучает английских философов и читает всех названных мною авторов.

— И Вы думаете, он понимает прочитанное? — допытывался все тот же студент.

— Я два вечера подряд экзаменовал его насчет «Умственного развития Европы» по Дрэперу, — видимо, понимает».

*«Сибирь и ссылка»,
Петербург, 1906*

Султанмахмут ТОРАЙГЫРОВ

«Мы должны теперь освобождать язык от головоломных элементов религиозного языка Самарканда, Туркестана, Бухары и Ташкента, создать язык искусства, пропитанный европейской культурой. Образец такого языка нам дал Абай. Надо учить язык Абая...»

1911

Ахмет БАЙТУРСЫНОВ

«Первый поэт казахов — Абай Кунанбаев. Ни в раннем, ни в позднем периоде истории казахов не известно имя поэта, превосходящего его по величию духа».

1913

ШАКАРИМ

«Ибрахим мырза жил в казахской степи, потому и не получил должного признания в мире. А был он гениальным поэтом, просветителем, философом. Он родился в ничтожной среде и прожил унижительную жизнь».

1914

Мыржакып ДУЛАТОВ

«Насколько мы будем удалены от дня смерти Абая, настолько будем сближаться с ним духовно, в этом не может быть и крупницы сомнения. Положение народа не может оставаться неизменным, со временем народ просветится, напитается плодами знаний и искусства, слава Абая будет расти изо дня в день. Потянутся люди к праху Абая, называя его первым своим поэтом, и тогда светом любви продлятся и укрепятся узы между народом и Абаем. Нам не суждено стать свидетелями тех дней, но дух наш услышит и возрадуется».

1914

Кудайберген ЖУБАНОВ

«Достаточно отметить лишь выдающийся вклад Абая в формирование нашего литературного языка, не говоря уже о его поэтическом мастерстве и других достоинствах. Нетрудно убедиться в том, что своей поэзией и прозой Абай значительно опередил своих предшественников, проложил новую дорогу, и столь совершенного поэта, как Абай, не было не только среди казахов того времени, но и у соседних народов».

ЖАМБЫЛ

Что это? Абая ли это портрет?
Могущества слава и песни расцвет!
Умом и отвагою равно велик,
Какой же с Абаем сравнится поэт?

Величье акына он гордо вознес,
Грядущего славным примером возрос.
Аргын и найман удивлялись ему,
Словам, уподобленным яркости звезд.

Течением мысли, как море, глубок...
А сердце мне шепчет: «Он был одинок...»
Без радости, но с душой непреклонной,
С досадою гений из мира ушел.

1940

Сабит МУКАНОВ

«Не все гении — поэты, не все поэты — гении. Абай был и тем,
и другим».

1945

Леонид ЛЕОНОВ

«Нужно поистине обладать крылатым умом и орлиным зрением, чтобы на перекрестке исторических судеб не потеряться. Могучим голосом надо обладать, чтобы поведать своему народу о далях, видных с поднебесной высоты, и, наконец, редкостной смелостью обладать надо, чтобы возвысить этот голос в условиях, царивших здесь столетия назад, и по слову знаменитого стихотворения, «гордо презирать невежество и тьму». Таким был Абай Кунанбаев — человек-маяк своего народа».

1954

Мухтар АУЭЗОВ

«Поклонник критического разума, просвещенный и пламенный борец за культуру, трагический одиночка в мрачной среде ханжей, стяжателей, косных седобородых старшин-феодалов, Абай был выдающейся фигурой не только в истории своего народа, но и в истории всего Ближнего Востока. Он шел вперед своим путем сквозь мрак и косность эпохи. Нашему поколению Абай с его бессмертными творениями, воспетыми соками народной казахской и русской классической поэзии, представляется явлением поразительным. Горным тенистым кедром высится он в истории своего народа. Он взял лучшее от многовековой культуры казахского народа и обогатил эти сокровища благотворным влиянием мировой и русской культуры».

1954

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ

Вблизи Чингизских гор его могила,
Исколотая желтыми цветами.
Голодными, немилыми, нагими
К могиле приходили на свиданье.

И пили, усмехаясь, горечь песен,
И, колыхаясь, колебались травы.
Цветы желтеют грустно,
Как отравы...
Вблизи Чингизских гор его могила.

1962

Чингиз АЙТМАТОВ

«Как олицетворение интеллектуальности, нравственной и духовной культуры своего народа Абай есть, несомненно, национальное достижение мирового порядка».

1967

ПОЭЗИЯ

БУДЬ
РАЗБОРЧИВ
В ПУТИ
СВОЕМ

* * *

Пока не знаешь — молчи.
Пока блуждаешь — молчи.
В бесцельных днях и в ночи
Пустых забав не ищи.
Чтоб человеком ты был
И вровень с веком ты был,
Ты пятерых побори
И пятерых избери.
Злословье, ложь, хвастовство,
Безделье и мотовство —
Вот пять врагов твоих, знай.
А разум и доброта,
Упорство, скромность и труд —
Вот пять друзей, согласись.
Увидев зло — отвернись,
К беде пороки ведут.
Добро увидев — о нем
Ты помни ночью и днем.
Коль с детства книги читать —
Ученым сможешь ты стать.
Не унывай, маловер!
Бери с великих пример.
Не говори: «Я не тот!»,
Учись — и знанье придет.
Никто не сможет помочь,
Коль ты, чуть вспыхнув, погас.
Учись не день и не час,
И будешь знаньем богат,
А знанье — истинный клад.
За мудрым следуй смелей.
Не слушай вздорных людей.
Что аксакал или бай
Расскажут — сам осознай.
Словам впустую не верь,
Их суть продумай, измерь.
Срами нещадно глупца.
За правду стой до конца.
Пусть пошлость нагло груба —
Тем легче с нею борьба.
Будь скромн, будь молчалив,
Мой горький опыт усвой.
О говорящем с тобой
Не думай: «Кто он такой?»

А думай: «Что говорит?».
Мы помним славных певцов,
И мудрецов, и вождей
Лишь по одним именам —
Их жизнь неведома нам.
Поверь, о юноша, мне:
Бесценны знания и ум.
Что чуждо их глубине,
Забудь, как суетный шум.
Достигни цели вполне,
Чтоб найденное сберечь.
На мудреца — сто глупцов —
Вот горькой истины речь.
Запомни, юный мой друг,
В речах, звучащих вокруг,
Правдивых слов не найдешь,
Для робких правда страшна,
Им в правде видится ложь.
Душа невежды мертва.
Пусты без мысли слова.
И сам учись и учи.
Лишь знаньем жив человек.
Лишь знаньем движется век.
Лишь знание — светоч сердец.
Лишенный учеников
Учитель — горький вдовец.
Людей суди по уму,
Но не по облику их.
Разумен будь и правдив
В делах и думах своих, —
Так мудрецы говорят.
Пойми совет их простой.
Да будет праведен путь
Твоей души молодой!

1886

Перевод **М. Петровых**

* * *

Будь разборчив в пути своем;
Если ты талантлив — гордись
И надежным лишь кирпичом
В стену строящуюся ложись.

Убегающий видит путь,
Догоняющий вслед спешит.

Воля с разумом их ведут.
Справедливость — вот свет души.

Если воля есть, ум живет,
Доброты же и правды нет —
Впереди огонь, сзади лед,
И никак не уйти от бед.

Удержи корысти порыв,
Похвалы не ищи, смотри —
Недостатки искусно скрыв,
Лишь в борьбе победу бери!

Волю дав хвастовства словам,
Не мечтай других превзойти;
Возбуждая зависть, и сам
Оступиться можешь в пути.

Тверже ногу, шагай смелей, —
И тогда не погибнет труд:
Речи тех, кто учит детей,
Как зерно в земле, прорастут.

1894

Перевод *Вс. Рождественского*

* * *

Если смолоду честь не терял,
Если щедро прожил для людей,
Если враг твою доблесть познал,
Если верен был дружбе своей,
Если доброе имя берег,
Если все доверяли тебе,
Если ты не плутал средь дорог,
Если сам не перечил судьбе,
Если жил, согревая сердца,
Если полной влюблялся душой,
Если что отдавал — до конца,
Если брал — возвращая с лихвой,
Если смело прошел перевал,
Если жить не осталось уж сил,
Если смерть свою не умолял, —
Значит, ты человеком прожил!

1892

Перевод *Е. Курдакова*

053 674

ОРТАЛЫҚ АНДЫРЫЛҒАН
КІТАПХАНАЛЫҚ ЖҮЙЕ

* * *

В приютской школе много вас,
Казахские ребята,
Надежда наша, наша честь,
Зачем сюда вы взяты?
Отец доволен: будет сын
Блюсти законы свято...
Но в совершенстве не постичь
И здесь им шариата.
Читать по-русски и писать
Хотели бы ребята,
А учат «просьбы» лишь одни
Строчить витиевато.
Им ложь иль правда — все равно,
Платили бы богато,
Они не будут голодать,
Коль брат пойдёт на брата...
А в том, что знанья их скудны,
Лишь леность виновата.
Пусты их души, но горды, —
Кому ж помогут их труды,
Коль знаний маловато?

Учитель русский говорил:
«Не станьте подлецами!».
На путь стяжательства и лжи
Они вступают сами.
А после русских в том винят...
Кто ж в их поступках виноват?
Семипалатинск-город?
Казахские просторы?
О Щедрине и о Толстом
Не слышали, куда там!
Стать каждый хочет толмачом,
А то и адвокатом.
Кто мыслит здраво — правде рад.
Не спорьте же с поэтом,
Я просто вам, как старший брат,
Хочу помочь советом.

Важна не выгода, а честь,
Учись, учись упорно,
Склонись над книгой — только в ней
Отыщешь правды зерна...
В мундир военный не рядись,
Не кланяйся покорно,

Не будь пустышкой и лгуном,
Себя хвалить — позорно.
Труд «для начальства» — вздор...
Блеснув,
Угаснешь в бездне черной.

Пока ты молод — береги
Свой пламень животворный!
Удел тупых людей таков:
Погрязнуть в лжи и лени;
Боясь решительных шагов,
Увязнуть в униженье;
Доступен им лишь мелкий труд,
Обман и жадность их ведут
Дорогой оскуденья.

Иди вперед, ищи, найди
Свой путь — широкий, верный.
Для тех, кто смел, зажжется свет
В дороге беспримерной!
Не смей пред баем спину гнуть —
Он жаден непомерно;
Правдивым будь, достойным будь,
Чтобы не смог тебя согнуть
Обманщик лицемерный...

Избрала цель душа твоя —
Шагай к ней терпеливо...
И над уездным есть судья,
Он судит справедливо.
Но можешь сам ты, без суда,
Бороться с тем, что лживо.
В ученье не жалея труда —
И смелый, светлый путь тогда
Откроешь прозорливо!

1886

Перевод С. Ботвинника

* * *

Удлиняются тени скорее,
Чем мы их появления ждем.
И багровое Солнце, не грея,
Удаляется за окоем.
И душа моя в сумерках серых,
На еще не забытых примерах
Погружаясь в раздумья, печаль,
Наблюдает прошедшую даль.
Пыль и пепел побед и тревоги
И от времени высохших троп
Там, где Время — скакун быстроногий —
Перешло, не спросясь, на галоп.
Там, где сердце, доверию радо
И за смелость не ждя похвалы,
Захлебнулось от меда и яда
На пиру из одной пиалы.
Никакого особого дива
Мне на завтра судьба не сулит.
Мысль моя, как щенок шелудивый,
На забытом кочевье скулит.
По какой-то неведомой воле,
Всем надеждам земным вопреки,
Я отменными зернами поле
Засеивал. А росли — сорняки.

1901

Перевод *М. Дудина*

* * *

К наукам я холоден в юности был,
Их пользу я видел, но смысла не знал.
По зрелости лет потянулся я к ним,
Увы, ухватить их я суть опоздал.
Кого тут винить, что остался ни с чем?
Учись в свое время — другим бы я стал.
Есть радость одна — это дети мои.
В ученье отдать я детей пожелал.
Но сына послал в медресе не за тем,
Чтоб службу служил и чины получал.
И сам я стремился возвысить свой ум.
И равных себе в красноречье не знал.
Но труд мой не ценят в народе, и я
Покой одиночества в жизни избрал.

1886

Перевод *Ю. Кузнецова*

* * *

Бестолково учась, я жизнь прозевал,
Спохватился, да поздно. Вот он, привал!
Полузнайка — я мнил себя мудрецом
И заносчиво ждал наград и похвал.

Я отсталых мечтал за собой вести,
А они меня сами сбили с пути.
Я — один, а наглых невежд не сочтешь,
И нелепые шутки ныне в чести.

Прямодушному злобно кричим: «Урус!»,
Знать, милее нам лицемерный трус.
Задумав человечность в наших сердцах,
Рвем своим недоверием дружбы союз.

Недоверье, как вихрь, ворвалось в наш дом,
Даже лучшему другу верим с трудом.
Нет прощенья ошибкам его! Залегла
В глуби сердца обида холодным льдом.

Нет для подлинной дружбы нигде межи,
Плещут волны любви через все рубежи.
То, что мы любовью и дружбой зовем, —
Лишь силоч для сердец, что соткан из лжи.

Ни друзей у меня, ни любимой нет,
Я устало пою на исходе лет.
О, каким необъятным казался мир
Той порой, как встречал я жизни рассвет!

Дружба — дар миродержца, вечная связь,
Речи друга с души твоей смоют грязь.
Я взлелеял дружбу, но злобный глупец
Растоптал ее, надо мною глумясь.

Я ищу эту дружбу — нет никого.
Кровью сердца зову — повсюду мертво.
Я приятелей тьму обрел без труда,
Но любимого друга — ни одного!

1886

Перевод А. Штейнберга

ТИХОЙ
НОЧЬЮ
ПРИ ЛУНЕ

ВЕЧНА

Как весенней порою шумят тополя!
Ходит ветер, цветочною пылью пыля,
Все живое обласкано солнцем степным,
Словно мать и отец, рада наша земля.

И смеется, и песни поет молодежь,
Да и старых по юртам ищи — не найдешь:
И со смертного ложа могли б их поднять
Песни, солнце, и ветер, и птичий галдеж.

На весеннем кочевье аулы сошлись,
В общей радости родственники обнялись,
А знакомые просто, шутя и смеясь,
Обо всем толковать по душам принялись.

Верблюжонка верблюдица громко зовет,
Блеют овцы, в кустах птичий гомон встает,
Мотыльки — над травой и в ветвях тополей,
Заглядевшихся в светлое зеркало вод.

Сколько птицы! В любом озерке и пруду
Тронь осоку — и лебедь пойдет в высоту.
Скачешь — смотришь, как спущенный сокол ручной
Из-под облака лебеда бьет на лету.

Возвращаешься — девушка крикнет:
«Постой,
Покажи, что добыл, молодой, холостой!».

И все девушки лучший надели убор,
И долины в тюльпанах, как пестрый ковер,
В приозерных низинах гремят соловьи,
Им кукушки зарей отзываются с гор.

На верблюдах товары привозит купец,
У хозяев двоятся отары овец;
Тяжек труд земледельческий — вспашка, посев,
Но земля все ж сторицей воздаст под конец.

Благодатною радостью мир напоен,
Бесконечно украшен создателем он!
Материнскою грудью вскормила земля
Все, что солнцем зачал в ней отец-небосклон.

Как не верить нам в милость природы-творца,
Если в мире весеннем щедрот без конца,
Если тучен наш скот, если вдоволь еды,
Если радостно бьются людские сердца?

Дух весны из тихони творит храбреца,
Стали щедрыми все, кроме злого скупца.
Все дивится ликующей силе земной,
Все живет, кроме черного камня-гольца.

Старики одряхлевшие, снега седей,
Согреваются, смотрят на игры детей;
В голубых небесах — певчих птиц голоса,
На озерах по заводям — крик лебедей.

В полночь — яркие звезды, большая луна,
Как же им не гореть, если полночь темна?
Но померкнут они, лишь наступит заря,
Животворного, ясного света полна.

Звезды прочь прогоняет невеста-земля,
Ведь жених ее — солнце, — о встрече моля,
Ждал всю ночь, и свидания час наступил,
И румянец зари покрывает поля.

Только ветер великих просторов земных
Долетит через тучи до звезд золотых
И расскажет, как счастлив с невестой жених,
Как весь мир согревается радостью их.

Ведь всю зиму земля, поседев добела,
Жениха своего терпеливо ждала.
И теперь она вновь, молода и светла,
Засмеялась, запела, как мак, расцвела.

Глянуть прямо на солнце — болеть слепотой.
Я, живущий великой его теплотой,
Только вечером видел, как сходит оно
В свой, повитый закатом шатер золотой.

1890

Перевод П. Шубина

ЛЕТО

Летом, когда тенисты деревья
И буйно цветут цветы на лугах,
И на широких речных берегах
Шумно раскидываются кочевья,
Так высока в степи трава,
Что спины коней видны едва.
Вволю насытившись, кобылицы
Не в силах, кажется, пошевелиться:
Тихо стоят они у реки,
Хвостами мух отгоняя лениво.
Лишь весело скачут, резвы на диво,
Жеребята и стригунки.
Гусей и уток крикливых стаи
То опускаются, то взлетают...
Смехом и криками оглашая
Степной простор далеко вокруг,
Женщины юрты ставят ловко.
Видны уверенность и сноровка
В плавных движениях белых рук.
Бай, объехав свои отары,
Довольный скотом и самим собой,
На статном коне трусит домой
К закипающему самовару.
Хозяйка льет из сабы кумыс.
Уже домочадцы в кружок сошлись,
А мальчик, посланный батраками,
Вертится рядом, ласться к маме,
Просит жалобно: «Мяса дай!».
В тени навеса готовят чай.
И в ожидании горячего чая,
На кошмах важно усевшись, бай
Ведут беседу между собой.
Пока один, не в меру болтливый,
Трещит не смолкая, другие учтиво
Кивают рассказчику головой.
Старец дряхлый в белой рубашке
Кричит чабанам: «Отгоните скот!».
Мечтает бедняга, что бай позовет
И угостит кумысом и барашком.
Табунщики на лошадях лихих,
В чапанах, поясом стянутых туго,
К аулу спешат, обгоняя друг друга, —
Усталыми кажутся лица их.
А группа юношей с ловчей птицей
На уток охотится и веселится.

Если выпущенный из рук
Стремительно беркут ввысь взвывается
И крупного селезня схватит вдруг...
Что было — прошло, и уже не вернется
К бедняге, дряхлому старику.
Он сделал все на своем веку
И, праздно стоя на берегу,
В угоду юношам громко смеется.

1886

Перевод А. Жовтиса

ОСЕНЬ

Ползет ненастье. Зябко и уныло
Сырая висит мгла с утра.
Играют кони в поле, ржут кобылы,
И годовалых взнуздывать пора.

В работе и заботах день недолог:
Выдывают шкуры, кожи мнут,
Плетут ремни, латают дряхлый полог,
Просушивают скарб и шерсть прядут.

Ни радостного возгласа, ни крика,
Ни яркого пятна среди жухлых трав.
По-нищенски печально и безлико
Деревья мерзнут, листья растеряв.

И только отлетающие стаи,
Спешащие к теплу иной страны,
Аулам остающимся бросают
Гортанный клик прощанья до весны.

Вздыхают старики, и зябнут дети...
И, коротая долгие часы,
Я по холмам брожу, где веет ветер,
Где бегают некормленные псы,

Откуда виден весь наш быт убогий
В осенней мгле темнеющего дня, —
Потертый войлок юрт, тоска дороги
И степи — без единого огня.

1888

Перевод Е. Курдакова

ЗИМА

В белой шубе, плечист, весь от снега седой,
Слеп и нем, с серебристой большой бородой,
Враг всему, что живет, с омраченным челом
Он, скрипучий, шагает зимой снеговой.

Старый сват, белый дед натворил много бед.
От дыханья его — стужа, снег и буран.
Тучу шапкой надвинув на брови себе,
Он шагает, кряхтя, разукрашен, румян.

Брови грозно нависли — нахмуренный вид;
Головою тряхнет — скучный снег повалит.
Злитесь он, словно бешеный старый верблюд,
И тогда шестистворная юрта дрожит.

Если дети играть выбегают во двор,
Щиплет нос он и щеки им злою рукой;
В армяке, в полушубке дубленом пастух
Повернулся к холодному ветру спиной.

Конь разбить безуспешно пытается лед,
И голодный табун еле-еле бредет.
Скалит жадную пасть волк — приспешник зимы,
Пастухи, день и ночь охраняйте свой скот!

Угоняйте на новое место табун,
Не беда, если вам не придется поспать,
Лучше вам с бедняками делиться скотом!
Не давайте волкам степей пировать!

1888

Перевод **Вс. Рождественского**.

* * *

Тихой ночью при луне
Луч в воде дрожит слегка.
За аулом в тишине
По камням гремит река.

Листья дремлющих лесов
Меж собою говорят.
Темной зелени покров
Землю всю одел до пят.

Горы ловят дальний гул,
Крик пастуший — в тишине...
На свиданье за аул
Приходила ты ко мне.

И отважна и кротка,
Ты прекрасна, как дитя,
Прибежав издалека,
Дух с трудом переводя.

Места не было словам.
Помню сердца частый стук
В миг, когда к моим губам
Молча ты прильнула вдруг.

1888

Перевод *Ю. Нейман*

* * *

В ночной тиши луна царит,
И отблеск на воде дрожит,
В глухом овраге дремлет мгла.
Река весенняя шумит.

В лесу деревья меж собой
Лепечут новою листвою.
Помолодевшая земля
Покрыта зеленью густой.

И ловит слухом горный край
Пастуший клик и песий лай.
А ты сюда не приходил?
Так приходи и ожидай.

Она бледнеет и горит,
Ей грудь дыхание теснит.
Пугаясь каждого куста,
То замирает, то дрожит.

Сердечной дрожи не уняв
И тайных слов не прошептав, —
Скажи, — стояла ли она,
Лицом к груди твоей припав?

1888

Перевод *Ю. Кузнецова*

* * *

Всадник с беркутом скачет в ранних снегах.
Будет зорок — добудет лису в горах.
Вот находка в пути: удобный наряд,
Конь хороший да спутник, забывший страх,
Да лисы осторожной обратный след,
Обнаруженный чудом в горных кустах.

У подножья горы — охотников сбор.
Всадник с беркутом скачет во весь опор,
Он сорвет клобучок у беркута с глаз —
Беркут крылья расправит, глядя в упор.
«Слишком низко мы скачем: уйдет лиса!» —
Так подумав, он взмлет к вершинам гор.

«Не спасет меня бегство», — лиса поймет,
И замрет она вдруг, и раскроет рот,
Заскрежещет зубами и глянет вверх:
И она хочет жить, у нее — свой расчет!
Будет зрелище! Ловчий, нетерпелив,
Презирая опасность, летит вперед.

Помнит беркут: лиса — из мощных врагов,
Сразу в дело пускает сорок клинков.
Но не вздумает медлить беркут-батыр:
Обнажит восемь лезвий, восемь штыков.
Зашумит он крылами и полетит,
Устремится на землю из облаков.

Вот сошлись, вот сцепились в блеске зари,
Словно единоборцы-богатыри.
Та — царица земли, тот — небесный царь.
Захотел человек — и эти цари
Бьются насмерть... А снег ослепительно бел,
Черен беркут, лисица красна...

Смотри!
Эта битва с купаньем девы сходна,
В час, когда на локтях поднимает она
Две косы смоляные, входя в ручей,
Молодая, нагая, легка, нежна,
С белоснежным телом, румяна лицом.

Эта битва тебе напомнить должна
Жениха и невесты первую ночь.
На постели им тесно... Лисе невмочь:
Беркут смял и свернул ее под собой.
Ловчий, быстро добычу ты приторочь!
И, гордясь победой над хитрой лисой,
Победители стать на отдых не прочь.

Скажут старшие, похвалив смельчака:
«Захвати в добычу три косяка!».
Ты доволен и рад. Стряхнув малахай,
Ты кладешь за губу щепоть табака.
Словно ягод в горах — пусть будет лисиц,
Чтоб охотника доля стала сладка.

Никакого не делаешь ты вреда,
Если ты приезжаешь на ловлю сюда.
В бренном мире нет мне занятья милей,
Я готов про охоту слушать всегда.
У кого пронцательный, ясный ум,
Тот, наверно, меня поймет без труда.

Не видна близоруким в степи трава,
Не понять верхогляду мои слова.
Но возникнет картина в душе твоей,
Если в каждое слово вникнешь сперва.
Только истинный ловчий меня поймет,
Тот, в чьем сердце прелесть охоты жива.

1882

Перевод С. Липкина

* * *

Ноябрь — преддверие зимы, пора в аул, пора!
На летних пастбищах гремят холодные ветра.
Но чтоб окрестные луга до снега не топтать,
Бай держит стадо далеко от своего двора.

У бая много пастухов и юрта хороша,
А бедный мерзнет сам в степи, скотину сторожа;
Он квасит кожи и дубит их в ледяном чану;
Жена, бедняга, ткет чекмень, от холода дрожа.

И для ребенка нет костра, и в юрту натекло,
И улетучилось давно последнее тепло;
А старикам — совсем беда, ложись и помирай:
И пищи нет, и солнца нет, и ветер воет зло.

Уж если бай пока что бьет свой самый худший скот,
То где ж бедняк себе еды и топлива найдет?
Коль даст богатый полмешка сухого кизяка —
Благодари скорей его, семью его и род.

Пускай над степью снеговой буран гремит опять,
Ведь байский сын одет и сыт, ему тепло гулять,

И батрачонок целый день обязан быть при нем
И со слезами на глазах ублюдка забавлять.

Бай не поможет бедняку. Зачем его жалеть?
А если даст кусок — гляди, длинна у бая плеть.
Трудись, бедняк, проклятый долг сторицей возврати.
Ведь баю — жить и богатеть, тебе — в могиле тлеть.

Печальна горестная жизнь голодных бедняков!
Владелец тысячных отар, верблюдов и быков,
Богатый бай, не будь скупцом, убийцею не будь,
Хоть эту зиму прокорми детей и стариков!

1888

Перевод *П.Шубина*

* * *

Разражаются серые тучи
Над землею гремучей грозой,
А душа от обиды живучей
Расточается горькой слезой.
От дождя проливного прекрасно
Зеленеет земная трава,
А от слез, расточимых напрасно,
Стонет грудь и болит голова.

1897

Перевод *М.Дудина*

* * *

Быстрый беркут любую добычу возьмет,
Пустельгу ценит этот, а ворона — тот.
Когда беркут взмывает высоко, то вслед
Запускают они своих птиц в небосвод.
Ворон, каркая, кружит, а где-то над ним
Пустельга свои песни пустые поет,
Но самим им добычу вовеки не взять.
Так и носятся в воздухе взад и вперед.
Только портят охоту, дразня и шумя.
Тот и этот хозяин в восторге ревет,
А что проку в том нет, никому невдомек.
Хвалят птиц своих после всю ночь напролет.
Пользы нет никакой ни уму, ни душе,
Но доволен потехою бедный народ.

1886

Перевод *Ю.Кузнецова*

ШЛЮ,
ТОНКОБРОВАЯ,
ПРИВЕТ

* * *

Язык любви живет без слова.
В нем полужест и полувзгляд —
Незаменимая основа
Двух объяснений наугад.
Как были тайные созданы
Нам этой азбуки важны.
Теперь, увы, ее познавья
Мне, к сожаленью, не нужны.

1894

Перевод **М. Дудина**

* * *

Словно месяц, изогнутый в небе ночном,
Отливает сверкающий лоб серебром.
Свет струится из черных, как полночь, очей,
Брови вскинули иссиня-черный излом.

Нос точеный у ней легок, узок и прям.
Розов отсвет ланит — удивленье очам,
Сердце, видя улыбку, пьянеет, когда
Блещут зубы, подобны во всем жемчугам.

Речь нежна и умна — тонкий лепет ручья,
Смех заливчато длится, как трель соловья,
Шея — шелк белоснежный — гибка и тонка,
Чист и свеж подбородок, прохладу тая.

Средний рост у нее, но величествен вид,
Тонок выгиб спины, взор открыто глядит,
Камышинкою легкой сгибается стан,
И два яблока зреют у ней на груди.

По-ребячески нежен ее локоток,
Пальцы гладки, проворны, блестит ноготок,
И, потупясь, смущенно туманится взгляд,
Если косы рассыпят свой черный поток.

1884

Перевод **Вс. Рождественского**

* * *

Хоть Солнце и Луна вдруг засияют вместе —
Мрак не сойдет с души моей и песни.
Ты можешь для себя найти другого в мире.
Нет в мире для меня — тебя прелестней.

Моя тоска в душе моей извечна,
Любовь — обманна.
Верность — быстротечна.
Я все стерплю: насмешки и упреки —
Ты для меня навеки безупречна.

1889

Перевод **М. Дудина**

* * *

Шлю, тонкобровая, привет!
Похожей не было и нет!

Когда тоскую по тебе,
Мне слезы затмевают свет.

Ты лучше всех. За сотни лет
Подобной не был мир согрет.

Одной тебе моя любовь,
Твой образ — он давно воспет.

И пусть я стану нищ и сед,
Но мне иной дороги нет;

Ты в сердце у меня живешь,
Во сне преследуешь, как бред;

И ни враги, ни злой навет,
Ни женщины чужой привет

Не смогут остудить во мне
Твоей красоты горячей след.

На тесном ложе хоть на миг
Припасть к пожару губ твоих,

Вдыхать пьянящий запах кос
И грудей маленьких, тугих,

В глазах бездонных и сухих
Увидеть страсть, глядеться в них

И понимать, что ты одна,
Что нет таких, как ты, других.

Тобой насытиться нельзя —
Рукою по шелкам скользя.

Я замираю, потрясен,
И ты огнем пылаешь вся.

Мы — вместе... Юрта нам мала.
Но ты не здесь, ты не пришла...

И все ж я — сокол, и тебя
Настигну, где б ты ни была.

В тебе — ни жадности, ни зла;
И горделива, и смела.

Ты час от часу ближе мне,
Ты мне все более мила.

Приди, приблизь свиданья час,
О, мой фазан, позволь хоть раз

Прильнуть к тебе и заглянуть
В горячий мрак бездонных глаз!

1889

Перевод П. Шубина

* * *

Где ж ты, пламя юности моей?
Не взволнуешь сердца почему?
Я постиг премудрость жизни сей,
Красоты ж не разгадать уму.

Зная цену хитроумью, лжи,
Не старайся слишком добрым быть.
Сердце силою вооружи,
Без усилий счастья не добыть.

Радостей любви не испытай,
Как поймете их значенье вы?
Если горе слишком тяжко — прав
Тот, кто не жалеет головы.

Друг тогда поистине хорош,
Если он с тобой в беде, в борьбе.
Если сам свой скот ты не пасешь,
Кто ж его пригонит вдруг к тебе?

Сам хозяин ты судьбы своей,
Труд — отрада, лень — жестокий бич.
Мало толку в пышности речей,
Если смысла знанья не постичь.

Надобно запомнить это всем:
Кто живет без цели, без забот —
Под конец останется ни с чем,
В рот само ничто не упадет.

1889

Перевод В. Звягинцевой

* * *

Ты — зрачок глаз моих,
Пламень душ золотых.
Сердцу мук не избыть,
Столь глубок шрам от них.

И мудрец весь седой,
Покачав головой,
Скажет: «Нет, среди живых
Не встречал я такой!».

Весь в слезах я брожу
И тоской исхожу,
Жемчуг слов дорогих
Для тебя нахожу.

Не страшись, что в тиши
Говорю от души.
Иль самой невдомек!
Дивный день предреши.

Ты поймешь до конца,
Что палит нам сердца.
Взор твой скрыт, скромн вид,
Но горяч жар лица.

Холодна ты вполне
И к другим и ко мне.
Боль тая, слезы я
По твоей лью вине.

Косы тьмой, тьмой ночной
Над зарей, над рекой.
Лоб широк, взор глубок...
Ты лицо приоткрой!

Яркий рот — сладкий мед,
Блеск зубов — словно лед.
Потерял я покой,
Взгляд живой сердце жжет.

Гибок стан и высок.
Гнет его ветерок.
Ты бела, словно снег,
Ты нежна, как цветок.

Пусть дотла сердце сжег
Взор, что чист и глубок.
Страсти раб, я ослаб,
От любви занемог.

Ты грустна — даль темна,
Ты ясна — нам весна.
Смех твой — звон соловья,
Вся душа им полна.

То гневна, то нежна...
Не пьяни допьяна!
Что мне дом без тебя,
Мне и жизнь не нужна!

Как восход, как закат —
Зоревой твой наряд.
Лишь взгляну на тебя,
Жаждой весь я объят.

Лучше ты во сто крат
Всех похвал, что твердят.
Должных слов не найду,
Что восторг утолят.

Знает млад, знает стар:
Красота — божий дар.
Нам Пророк повелел
Быть в сетях милых чар.

Мне слова не даны,
Стоны мне суждены.
Сердцу ты, только ты,
Шлешь мечты, даришь сны.

Все, как я, влюблены,
Все, как я, не нужны.
Сердца стон так звенит,
Что слова не слышны.

Но к тебе нас манит
Пламя ласк и обид.
Нежный смех чуть сверкнет —
Страсть сильнее закипит.

Кто не смел — не жигит,
Злая страсть нас томит.
Скоро ль день тот придет,
Что мой жар утолит?!

* * *

Бегут, струятся косы по спине,
Позванивают ленты в тишине.
Блеск шеи, чернь бровей и шапка-бархат —
Ну где еще такое встретить мне?

Глаза — как ночь в зеркальной глубине,
Взгляд опалает сердце и во сне.
Лик ясен, ряд зубов так безупречен —
Ну где еще такую встретить мне?

Изящный стан, точеные ступни,
Такая дева — редкость в наши дни.
И, глядя на нее, я восклицаю:
«Вот яблочко! Вот свет!.. А мы в тени».

Запястья ли коснусь рукой своей —
И к сердцу кровь прильнет еще сильнее.
Склонюсь ли ближе к нежной белой шейке —
И жар меня расплавит до костей.

1889

Перевод Ю. Кузнецова

* * *

Заплетенная круто коса за спиной
Вся в серебряном звоне о жизни иной.
И бобровая шапка над гибкою шеей,
А глаза — хоть умри — не пройдешь стороной!

Ты потонешь навек в черном зеркале глаз,
Перепутав случайно призыв и отказ,
Будешь маяться памятью белой улыбки
И ее жемчугами зубов напоказ.

Гибок стан ее. Милые ножки малы,
Обрисовываются изгибом полы,
А сама она — яблочко сладостной жизни,
В поле жизни прекрасней любой похвалы.

Если пальцем коснешься ее локотка,
Радость жизни поднимет тебя в облака,
Кровь толчками войдет в истомленное сердце,
Мука страсти смертельной с ней будет легка.

1889

Перевод М. Дудина

* * *

Чувства пылкие твои:
Лед и пламя, зной и холод.
Но тускнеет свет любви.
Да и ты уже не молод.

Прежде ты любил нежней,
Верен чувству дорогому.
Череду текущих дней
Ты осмыслишь по-другому.

Откровения любви
Вдруг покажутся пустыми.
Чувства прежние свои
Лень делить с людьми чужими.

Лень-то можно превозмочь,
Только жаль, что ум коснеет.
Твоего незнанья ночь
Даже мудрый не рассеет.

1883

Перевод Ю. Кузнецова

* * *

Холод, жар... Молод, стар, —
Каждый знал страсти власть.
Но, родник дивных чар,
Без следа сгинет страсть.

Ясный свет юных лет,
Вера в жизнь и мечту, —
С чем сравнить вешний цвет,
Юных лет красоту!

То, гордясь, говоришь:
«Помню я счастья дни!».
То, стыдясь, говоришь:
«Что мне в них, где они?».

Эти дни для тебя —
Смутный сон, жалкий бред.
О былом, прожитом
Толковать смысла нет.

Слов живых не дано,
Ты весь век жил темно
И чужих слов живых
Не поймешь все равно.

1883

Перевод М.Петровых

* * *

И краснеть, и бледнеть,
Сердцем дробь отбивать,
На других не глядеть,
Друг о друге вздыхать.

Так мы страсть узнаем:
Встреч влюбленные ждут,
Но, оставшись вдвоем,
Нужных слов не найдут.

На свидание к ней
С дрожью в сердце идет,
Легкий шелест ветвей
Другу весть подает.

В сердце трепет и страх,
В пальцах холод, ледок...
Жар — то весь на щеках,
То незримо глубок.

Жжет плечо, а меж тем
Пред глазами туман.
Кто целуется — нем.
Кто целуется — пьян.

Их скрывает листва,
Сверху полночь глядит.
И лепечет едва
Та, с кем рядом жигит.

Только б чуял плечом,
Только был бы любим...
И блаженство лучом
Их пронзает своим.

Кончив с робостью спор,
Пышут жаром тела,
И растроганный взор
Застит влажная мгла.

Глубь суждений, цвет слов,
Что б вы сделали тут?
Вас под пламенный кров
Не зовут, не зовут!

1891

Перевод *М. Тарловского*

* * *

Милый мой, дорогой,
Я тебе шлю привет.
Сожжена я тоской,
Знаешь ты или нет?

Жду вестей день-деньской,
Жажду их всей душой.
Где найду я покой,
Если ты стал чужой!

Сердца ты моего
Светом был; гибну я:
Без тебя все мертво,
Отцвела жизнь моя!

1897

Перевод **М. Петровых**

* * *

Душа моя унижена
Отсутствием твоим.
Твоя душа приближена
Велениям иным.
 Переживи веление
 Судьбы — мое терпение.

Душа скорбит и мается
Изменою твоей,
И немотой терзается
Язык мой, верный ей.
 Как боль унять — не ведаю,
 Но за тобою следую,
Тоскую до усталости
Я без тебя весьма,
А от тебя ни жалости,
Ни слуха, ни письма.
 И сердце черным-начерно
 Тревогою охвачено.
Я плачу. Тяжело нести
Печаль свою уже.
Дойдут ли слезы горести
К возлюбленной душе?
 И канет неурядица,
 И наши души сладятся.

1889

Перевод **М. Дудина**

* * *

Ах, что за жребий ждет меня!
Уйдешь, метнув
Надменный взор?
Иль, обманув,
Тайком, как вор,
Покинешь,
Слову изменя?

Зачем терзаешь ты меня?
Забыт супруг, —
Глядишь вокруг,
Ища других
Среди чужих,
Позором
Жизнь свою черня.

Гляди — душа моя в огне
Кричу, стена,
Внутри меня
Волнами пламя разлилось.
Мечусь,
Униженный, как пес, —
Истаивает жизнь во мне.

Кто знает о грядущем дне?
Придет, таясь,
Последний час,
Придя, не отойдет от нас.
Еще дыша,
Живет душа,
А вот — другой на смену мне.

Любви дорога нелегка;
Достиг — живешь,
А нет — так что ж?
Вся жизнь в мечтах
Прошла.
Меня ты вспомнишь
Хоть слегка?

Томит смертельная тоска,
Нет больше сил;
Я не свершил
Обета — уж в моих глазах
Смертельная
Мелькает мгла.
Ну что ж? Живи — хоть далека!

Коль сердце верное, — оно
Идет, не думая,
Вперед,
Не передумает
Стократ; не повелит глядеть
Назад,
Умрет за слово лишь одно.

Судить умеешь ты умно,
Так своего утешь раба,
Не говори, что не судьба,
Вернись, никто
Тебя за то
Не упрекнет, —
Мне так темно!

Как я люблю! Я удручен,
Но не скажу я ничего,
Когда придешь; ни одного
Не в силах слова
Молвить я, —
Безжизненна душа моя,
Рассыплюсь в прах, испепелен.

Твой взгляд еще ни разу мне
Не подарил любви огня.
Ты не вернулась и, меня
Ища, не кликала к себе.
Горячей крови
Нет в тебе.
Прощай! Ты слышишь ли мой стон?

Увы, не любишь ты меня!
Твоим сияющим лицом
И телом, пышущим огнем,
Велел Аллах
Мне наслаждаться
Лишь в мечтах,
Неблагосклонностью казня.

Стрелу метнула ты в меня
Слепую, — Бог судья тебе.
Но знай. Никто в своей судьбе
Не волен. Твой неверный шаг —
На справедливости весах.
Не будет он никем прощен
До рокового смерти дня!

1889

Перевод **Д. Бродского**

ОТВЕТ ДЕВУШКИ

Своим письмом к себе маня,
Сумел ты покорить меня;
Решай же сам мою судьбу, —
Мне без тебя не жить и дня.

Льстецов настойчивых гоня,
Жар неподдельного огня
В тебе я вижу, для тебя
Нет слов отказа у меня.

Твои слова умны вдвойне,
Я — словно масло на огне;
Слова горят в моей груди,
И закипает кровь во мне.

Умчишь с собою на коне —
Я буду счастлива вполне;
Уйдешь — несчастнее меня
Не будет девушки в стране.

Но милость любящей яви:
Меня на слове не лови,
Не увлекай, не унижай,
К себе в насмешку не зови.

Уж лучше сразу отрави, —
Потухнет жар в моей крови;
Мне легче умереть, чем лечь
С другим на ложе без любви.

О дерзкий сокол боевой,
Ты сыт добычею живой!
Немало девушек стоят
У входа в дом просторный твой.

Но если ты навеки мой,
Не надо мне судьбы иной,
Ты — белый сокол, я — фазан,
Бери и насыщайся мной.

Пусть шелковинкой полевой,
Тростинкою береговой
В твоих объятьях изогнусь,
Замру от страсти огневой.

Обдумала ответ я свой,
И простодушный и прямой,
Пойми слова мои, жигит,
Почувствуй сердцем и душой...

Запомнит юный и седой
Пусть девушки ответ простой,
И сложит песню, и зажжет
Сердца жигитов песней той.

И слово песни золотой
Пусть радостью, а не бедой
Звучит для всех, кто полюбил,
Для всех, кто сердцем молодой.

1889

Перевод **П. Шубина**

* * *

Наши девушки нежной цветут красотой,
Но ненадолго дан им душевный покой —
На прекрасной заре восемнадцати лет
Жизнь направит пути их суровой рукой.

Затаили лукавство, притворство одни,
Будто вовсе о страсти не знают они,
И уж слишком отважны другие, плетя
Сеть кокетства, ужимок, пустой болтовни.

Мы же хитрости девичьи знаем давно:
Тот им мил, кто всегда уважаем людьми.

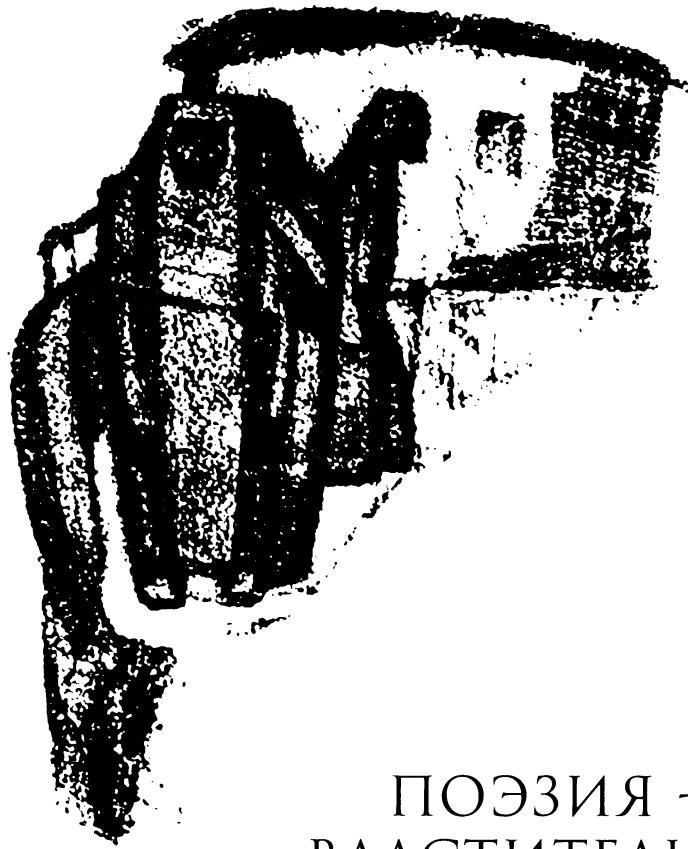
Так и юноши: эти, про стыд позабыв,
К недоступному свой устремляют порыв,
Те — скромны и тщеславия вовсе чужды,
Терпеливы, и каждый из них молчалив.

Но ценнее всех тот, кто в упорстве своем
Не растратил себя на тщеславье пустом,
Кто свой дух воспитал на полезном труде
И давно научился ходить за скотом.

1884

Перевод **Вс. Рождественского**

ПОЭЗИЯ -
ВЛАСТИТЕЛЬ
ЯЗЫКА

* * *

Поэзия — властитель языка,
Из камня чудо высекает гений.
Теплеет сердце, если речь легка,
И слух ласкает красота речений.

И если речь певца засорена
Словами, чуждыми родному духу, —
Такая песня миру не нужна.
Невежды голос люб дурному слуху.

Коран с хадисом славны вязью слов,
В них мысль узорно вплетена в реченья,
Когда б не рифмы, не соблазн стихов,
Пророки бы молчали, без сомненья.

Молящийся в мечети мудрый муж,
Ученые, чьи в полночь пылки споры, —
Все любят красноречие. Кому ж
Не любо ткать словесные узоры?

К стихам стремятся смертные равно,
Но лишь избранника венчают славой,
Того, чьей мысли золотой дано
Блистать стиха серебряной оправой.

На старых биев ныне погляжу:
Пословицами речь отягощали.
Иных певцов глупцами нахожу —
Из мусора стихи они слагали.

В толпе с кобызом пели и с домброй,
Хвалили всех, скитаясь по дорогам,
Бродили попрошайками порой,
Позоря песню, проклятые Богом.

Бродяга за подачку расточал
Душевный жар свой, теша встречных лестью.
На стороне чужой, ценой похвал,
Он добивался невысокой чести.

Он шел туда, где бай и где хвастун,
Но подаяньем не менял удела.
И дешевели звуки звонких струн,
И жажда песни в людях все скудела.

Как старый бий, пословиц не леплю,
Не бормочу, на грош меняя душу.
Слова скупые, верные люблю,
И ты простую речь мою послушай.

Кичливых мог бы славить богачей,
Красавиц легкой веселить забавой.
Бряцание пустых моих речей
В их жизни было б сладкою приправой.

Немногим по душе благой совет,
Иной безумец лишь упрямству верен.
Надеждой лишь для знати полон свет.
Простите, если мой укор чрезмерен.

Все норовят связать сосну с лозой,
Все жаждут жить спокойно и привольно.
Хвастун и льстец поймут ли оклик мой?
Найдется ли из тысячи достойный?

Плутам одна нажива дорога,
Иному хитрецом прослыть охота.
Затеяв драку: «Бей, — кричит, — врага!» —
Авось он под шумок ухватит что-то.

Терпенье, совесть, гордость — не в цене,
И к мудрости, и к чести люди глухи,
Не ищут знания — лишь в слепой возне,
Как шерсть, прядут пустую ложь да слухи.

1887

Перевод В. Звягинцевой

* * *

Поэзия — царица языка,
Она во власти только знатока.
В ней слову вольно и душе тепло.
Округлы формы, поступь так легка.

Кто допускает сор чужих словес,
Тот вовсе не поэт, а мелкий бес.
Читатели — все больше из невежд,
И не дано им слово знать на вес.

Аят и хадис дали слову сок,
Чтобы расцвел поэзии цветок.
Когда бы слово не являло мощь,
Не стал бы словом говорить Пророк.

Пророка, праведника, певца,
Ученого, святого мудреца —
Влекли слова, они слагали стих
По мере сил и милости Творца.

Стихи кропают многие шустро,
Но где избранник? Где его перо?
Кто может стих переложить, чтоб был внутри
Он золото, снаружи серебро?

Мой взгляд — в былом, я вижу старый быт,
Речь биев поговорками пестрит.
Что ни поэт, то неуч и глупец.
Из пустяков свои слова кроит.

Кобыз или домбра в руках у них,
Но служат недостойным песни их.
Прошли сквозь мир, кормясь за счет стиха, —
Так на чужбине унижали стих.

И тот и этот петь и выть привык,
Продав за хлеб и душу и язык.
Как попрошайка выть в чужой земле
О том, что край его родной велик.

Тщеславных обирали похвальбой,
Но впрок не шла нажива, и порой
Тому, кто слушал их разинув рот,
Стихи казались праздной болтовней.

Не буду поговорками играть,
И горло, как акын, срывать.
Стих стал другим, так стань другим и ты,
Мой слушатель, чтобы меня понять.

Когда бы стал я славить старину,
Богатырей, красавиц и луну,
Ты бы внимал пустым моим словам,
Пуская восхищения слюну.

В цепях судьбы влачась за годом год,
К благим советам слеп и глух народ,
Зато плодит бродяг, пройдох, невежд,
Прости, увлекся, сей ругая сброд.

Сосну связавши с вербой, так сказать,
Всяк думает, чтоб где-нибудь урвать.
Из тех, кто ищет славы и добра,
Избранника судьбы не отыскать.

Кто воровством богатство нажил, тот
Гордится тем, что ловкачом слывет.
Нагнав на баев страхи мнимых бед,
Он выгоду свою и тут найдет.

Талант, терпенье, совесть, доблесть, честь —
Все не по ним, хотя и выбор есть.
Бегут от знания, от глубоких дум,
Но ложь и сплетни теребят, как шерсть.

1887

Перевод Ю. Кузнецова

* * *

Стихами для забавы — не грешу,
За правду выдать сказку не спешу.
Для чутких душ, влюбленных в чудо жизни,
Для юных в назидание пишу.
Их души слово истины проймают,
А спесь и гордость это не поймут.

Иди ко мне с открытым сердцем, друг,
Входи смелей в стихов просторный круг.
Что из того, что с первого прочтения
Не все тебе понятным будет вдруг.
Потом тебе откроется пример
Моей души, оправленной в размер.

В моих стихах дев луноликих нет.
Отсутствует и сам Али-Хазрет.
Я старость чту и смерть не воспеваю.
К бесстыдству не указываю след.
Не брезгуйте открытием моим —
В нем скрытый смысл на глубине храним.

От пустомель родится пустобай,
С пустой душой глупец и негодяй.
Их очень много нынче расплодилось,
Бездельников, что наш позорят край.
Потехою для олухов таких
Не мучь себя и замолчи, мой стих.

Тебя, мой чуткий стихотворец-брат,
Я оградить от этой славы рад.
Не унижая своего искусства,
Нацеливай на будущее взгляд,
Гони льстецов и не потворствуй им,
Будь честью и достоинством храним.

1889

Перевод М. Дудина

* * *

Не для игры я стал стихи писать,
Не для того, чтоб сказки собирать.
Пишу, чтоб дать уроки молодым,
Что могут свои чувства изъяснять.
Меня поймет не твердолюб, а тот,
Чьи ум и сердце могут понимать.
Иди вперед без обходных путей,
Суть слов понять под внешностью сумей.
Я, может, странно говорю, но ты
Таких словес не знал в семье своей.
Что за народ! Ни слова не поняв,
Кричит: скажи нам что-то поновей!
«Хазрат Али» не стал я вспоминать,
Не стал о «светлой деве» сочинять,
На дряхлых стариков не стал я лгать,
Не стал мужей к бесчестию призывать.
Но если внешне речь моя бедна,
То все же смысл должны вы угадать.
Барымтачи от сильных род ведут.
До игр и баб охоч досужий люд.
Без разума, без чести, без забот,
Известны тем, что днем и ночью пьют.
И коль в глазах безумцев я смешон!
Молчи, язык, тебя здесь не поймут.
Мой брат, чья речь и дар на высоте,
Сдержи слова, оставь их при себе.
От них нет проку ни тебе, ни нам,
Они упав, растают в пустоте.
Франт, потаскун, спесивец, краснобай,
Ну что они, ну что они тебе?!

1889

Перевод Ю. Кузнецова

* * *

Этих воплей шум пустой
Трудно песнями назвать.
Трудно страждущей душой
Здесь опору отыскать.
Споры неучей, галдеж,
Поучения невежд...
Поневоле пропадешь
В этой жизни без надежд.

1897

Перевод Е. Курдакова

* * *

Всем пресытиться может душа,
Только песня всегда хороша.
Если ты вдохновенно поешь, —
Грудь ликует, свободно дыша.

Голос мой, заливайся и пой,
Гордых дум пусть закружится рой.
Пусть текут мои слезы ручьем,
Душу всю заполняют собой.

Кто шатается по свету, тот,
Как невежда, меня не поймет.
Только твердый душой человек
Этих звуков услышит полет.

А не вникнет в них — все равно,
Пусть волнуется сердце одно.
Пусть проверит мои слова:
«Живо горе, что село на дно».

Скорбь колышущимся огнем
Подымается в сердце моем,
И умру я, оставив стихи
Лишь для тех, кто поймет их потом.

Кто несчастней меня живет?
Пусть услышит меня народ.
Кому нужно слово мое,
Тот его пускай и возьмет.

Что мне пользы, коль вызовет стих
Восхищенье судей тупых?
Пусть уж лучше найдется один,
Кто поймет смысл мечтаний моих!

Много вас, но не каждый казах
Разобраться способен в стихах;
Ни познаний у вас, ни ума —
Вам волками бы рыскать в степях.

Вы сердца не хотите раскрыть,
Слухом стих вы привыкли ловить,
И лишь поверху ум ваш скользит...
Что ж впустую мне вам говорить!

1890

Перевод **Вс. Рождественского**

* * *

Птицы-песни во всех направленьях летят,
Коль певец многообразной думой богат.
Песня — тень от пленительной думы такой.
Пусть же ритм и мелодия слух покорят!

Песня, ввысь устремленная, льется струей,
Увлекая могучей своей красотой
Беспокойное сердце и жаждущий ум.
Но ее не поймет тугоухий, глухой!

Песнь летит и рождает порывы в сердцах,
И чудесны ее переливы в сердцах —
Радость, скорбь. Убаюкает сердце она,
Укачает его, как дитя, на руках.

Только пенью не всякому сила дана,
И бывает, что музыка чувств лишена.
Где то сердце, чтоб, слушая странный напев,
Волновалось, ему отвечая сполна?

Песня, нотой высокой начавшись, парит
И как будто бы «слушай меня!» говорит.
И тогда не услышишь ты звуков иных...
Вникни в музыку, сердцем с мелодией слит!

Песня умная нежно ласкает, как пух,
Песня глупая режет мучительно слух.
Есть мелодия, что, как слова мудреца,
Пробуждает и лечит возвышенный дух.

Песен суть я раскрыл,
Написав здесь шесть строф.
Красота моих слов —
Для достойных умов.

Если эти слова озадачат тупиц,
То обрадуют — верится мне — знатоков,
И любому, таящему пламя в груди,
Будет ясным значение сказанных слов.

Лето жизни сменяется долгой зимой,
А веселые юности игры — тоской.
Если песнь хороша и взволнует тебя,
Сразу жизнь засверкает зарей золотой!

1896

Перевод *А. Гатова*

* * *

Красивою песней под струнный звон
Ты весь охвачен в ночной тиши.
Песни меня забирают в полон.
Как я, люби их от всей души!

От дел привычных уйти спеша,
Я забываю весь белый свет.
Внимает песне моя душа,
И сердца пламенем я согрет.

Так воду нашедший в степи глухой
К ней приникает жадным ртом.
И что ему люди с их толкотней,
Его оттесняющие плечом!

Я вспоминаю былые дни:
То горе, то радость, то любовь.
И все, что было мечте сродни,
Живою плотью одето вновь.

Снова глотаю я прежний яд,
Я утопаю в нем с головой,
Люди, которые вокруг галдят,
Кажутся истиною самой.

И начинает земную лесь
Правдой считать душа моя,
Разве на свете отрава есть,
Какой бы не выпил до капли я?

1897

Перевод **Вс. Рождественского**

* * *

Случаются мгновения: тревога
Оставит душу. И небесный луч,
Как будто по благословенью Бога,
Рассеет с неба стаи темных туч,
Созвучия небесного чертога
На землю хлынут, и в земной тиши
Застывшие обида и тревога
Их волнами смываются с души.
И солнце светит в середине неба,

Как золото в нагой голубизне.
И в мире вдруг является потреба
Мечты о человеческой весне.
Тогда поэт, воспрянув мыслью снова,
И понимая дел и слова связь,
Усилием пророческого слова
Грехов вселенских обнажает грязь.
Он вдаль глядит своим орлиным взглядом,
И время, и пространство одолев,
И на коварство с ненавистью рядом
Обрушивает беспощадный гнев.
Он справедлив. Его душа права,
В ней жизнь и свет. Он не боится риска.
Доверенные совести слова
Слышны везде: и далеко, и близко.
И тем словам преграды в мире нет.
Он действует разумно и умело.
А то, что миру говорит поэт, —
Хулить и ненавидеть — ваше дело.

1896

Перевод *М. Дудина*

* * *

Гляжу: все едут на базар,
И каждый ищет свой товар.
Кому зерно — кому кораллы,
По разным надобностям в дар.
И каждый, вопреки обману,
Находит то, что по карману.
А слово — божий дар для всех —
Найдет признание и успех,
Само собой распространится,
От сердца к сердцу протечет
На радость всем и мне в почет.
И будущему пригодится.
Оно для всех, всем людям в дар,
О жизни наделенным думой.
«Зачем кораллы псу?» — подумай,
Когда поедешь на базар.

1886

Перевод *М. Дудина*

ВРЕМЯ -
ПРЯДИ ТУМАНА
ВДОЛЬ ГРЕБНЕЙ ГОР

* * *

Верить людям, что хвалят тебя, не спеши,
Станет мукой твоей хитрость льстивой души.
Верь себе, и тогда две опоры с тобой —
Труд и ум, — с ними путь свой земной соверши.

Бойся жизнь легковерьем себе омрачать,
Жажда славы томит — с ней сумей совладать.
Если вместе со всеми поверил в обман
И как все, суетлив, ты не всем ли под стать?

Горе злое придет — не клонись пред бедой,
Радость душу пьянит — ты останься собой.
В сердца глубь погрузись, его тайны познай,
Чистый перл там найдешь, и отныне — он твой.

1897

Перевод Э. Шехтмана

* * *

Природа смертна, вечен человек,
Он умер или нет — не кончен век.
Я разлучен был с Нею. О разлуке —
«Все это смерть», — один невежда рек.

Над нами широки судьбы права.
Мы часто в жизни держимся едва.
Но можно ли того назвать умершим,
Кто миру дал бессмертные слова?

Кто не полюбит жизни быстрину?
Ты хочешь видеть море — зри волну.
Себя ты не познаешь, друг мой, если
Ты не постигнешь мысли глубину.

Кто смерть хулил — тот жизни пел хвалу.
Я крайностей судьбою не слышу.
Кто жизни рад и равнодушен к смерти,
Того я жизнестойким не зову.

1895

Перевод Л. Озерова

* * *

Не бейся, сердце, чересчур,
Будь общей долей живо.
Несовершенен мир и хмур,
Все в этом мире лживо.

Ягненок, потерявший мать,
Опять в траве пасется.
Не надо сердце надрывать —
Пускай нормально бьется.

Чего же, сердце, ищешь ты
В тревоге неумной?
Куда среди этой немоты
Бредешь, как пес бездомный?
Нет ныне в верности нужды,
Ты ничему не радо.
Среди тревоги и вражды
Что еще тебе надо?

1892

Перевод *М. Дудина*

* * *

Я много разных слов сказал,
Обдумав, рифмой их связал.
Дорогу к совести и чести
И к исправленью указал.

Велеречива наша речь,
Ей к славе будущего течь.
А наши души нам не просто
От пустословья убережь.

Храни, народ мой, слова суть,
Вперед определяя путь.
Встречай со всеми праздник жизни
Достоинно, а не как-нибудь.

Не заблудись! А точно знай
Дорогу в ад и тропку в рай
И, принимая опыт мира,
Свой скот пасти не забывай.

1895

Перевод *М. Дудина*

* * *

Время — пряди тумана вдоль гребней гор,
Ты с надеждой глядишь в туманный простор,
Ты следишь за потоком безликих дней,
Вечной сменой их утомляя взор.

Дни — один в один, словно серая мгла,
Прилетят — улетят, расправив крыла;
Притаился меж них твой последний день,
Но узнать его в силах только Аллах.

«Я» — душа и сознание, а плоть и кровь —
Оболочка души, их к смерти готовь.
Пусть бессмертна душа, но тело умрет,
Так терпи же, крепись и не прекословь!

Ищет плоть наслажденья ночью и днем,
Но какая же малость сокрыта в нем!
Совесть, правда, любовь — лишь к ним ты стремишься
До поры, как заснешь непробудным сном!

За богатство — собой придется платить,
За почет — клеветой душу мутить;
Не обманешь ты жизнь! Оборвет она
Все довольство твое, как прелую нить.

Человек полагает: весь мир его,
Но Вселенной владеет лишь Божество,
Людам плоть их и вещи принадлежат
Неотъемлемо, кроме них — ничего.

Жаркой жалостью к страждущим наделен,
Ты работай для блага людских племен!
За любовь к любимым созданиям Творца
И тебя, словно сына, полюбит он.

Люди — разные, в каждом свой смысл и толк!
Помни это: пред сворой бессилен волк.
Милосердием и правдой всех наделять,
Всем на помощь спешить — вот наш первый долг!

Кто хорош, кто плох? Не поймешь до конца,
Зачастую ложь прикрывает сердца.
Только плуты себя восхваляют вслух,
Истый праведник о себе — ни словца!

1897

Перевод *А. Штейнберга*

* * *

Когда баран войдет в ручей, —
Ручей бараньим салом
Кровь распалит степным волкам
И суетным шакалам, —
Тогда душа моя в степях
Довольствуется малым.

Я своему Творцу не враг,
Но мне Вселенную никак
Всей дикой жадностью своею
Не захватить в один кулак.
Нет у меня на то опоры,
И мне не виден вещий знак.

Всех дней моих Творец — судья,
И ночи — господин,
Во всех делах наставник мой
Ответствен и един.
И я постичь его не в силах
В пустынях неба и земных равнин.

И ересь темная в ночи мой будоражит ум,
Я безутешен в мире том, тревожен и угрюм.
И сны, как обмороки ночью,
А днем — в ушах вселенский шум.
Пытаюсь гнать сомненья прочь
За грань души моеи.

Но не под силу этот труд и бесполезен ей,
Одним умом не разрешить
Сумятицу страстей.
Он — сотворивший мир для нас,
В том мире вездесущ.
Он — в прошлом мире прозорлив,
а в будущем — могуч.

И не стремиться нам нельзя
В усладу райских куш.
Пусть жизни узкая тропа изогнута, как лук,
Ее начало и конец не выпускай из рук,
Мир жизни собственной замкнув
В единой жизни круг.

* * *

Сердце — море, а радость его — жемчуга.
Жизнь для сердца, без радости — не дорога!
Море сердца становится морем печали,
Гаснет пламя в глубинах и гложут его берега.
Все от радости Сердца — и Совесть, и Дружба, и Честь,
Все, что в будущем будет, и в сумерках прошлого есть.
Все, чего не коснется сегодняшней прихоти норв,
И тщеславием с лестью рожденная месть.
Перед совестью старости опыт не лжет.
И мосты продолжения жизни не жжет,
Ради радости жизни в надежных глубинах
Море сердца свои жемчуга бережет.

1902

Перевод *М. Дудина*

* * *

Рос ты быстро, стремясь в небосвод голубой,
С гордой, смелой, беспечной и вольной душой.
Как широкий зеленый ковер спелой жатвы,
Ты привольно покрыл твердь равнины земной.

Много пагубных лет миновало с тех пор,
Вот и время серпа начинает свой сбор.
Все сполна испытал: зной и стужу, и слякоть,
Не сломился ты духом, и молод твой взор.

Истомилась душа: все труды и труды,
На лице твоём страшные знаки беды.
Словно во поле колос налитый, тяжелый,
Твою голову клонит в твои же следы.

Человек умирает, уж так суждено,
Но — творит, будто смерти ему не дано.
Вот покажется смерть, украдет твою душу,
Где окажется жизнь и с ней ты заодно?

Нынче живы народы, а завтра их нет,
Блеском краткого дня обольщаться не след.
Угадаешь ли ты, где очутишься завтра?
Ты пришел, чтоб уйти, вот и думай, мой свет.

1899

Перевод *Ю. Казакова*

* * *

Ты рос. Ты вверх тянулся смело
Всем мужеством души и тела.
Ты рос, как вешняя трава,
Как злак, не знающий предела.

Трудом немилосердных лет
Ты проложил по жизни след.
И вот настало время жатвы —
Держать пред будущим ответ.

Что видишь ты в седой золе
Костра, горевшего во мгле?..
А голова твоя, как колос,
Все ниже клонится к земле.

Не ради смерти, человек,
В бессмертье веря, кончишь век,
Не рысаком, а старой клячей
Судьба твоя закончит бег.

Многообразен путь земной.
Смерть не обходит стороной
Загадку жизни человека.
Ты это помни, милый мой...

1899

Перевод **М. Дудина**

* * *

Вот мотыльков беспечный рой,
Струясь, летит сквозь летний зной
В мгновенной радости скупой
Над обреченною травой.

А человек, он что ж, иной?
И он не властен над судьбой,
Спешит, хлопочет, лишь порой
Пытаясь путь осмыслить свой.

А время мутною рекой
Всех топит в бездне вековой,
И тех особо, кто порой
Перечит времени, слепой.

1902

Перевод **Е. Курдакова**

* * *

В мирных звуках часов безотрадное есть,
Наших дней убывает — несут они весть.
Целой жизни подобна минута одна:
Сколько в тьму их ушло безвозвратно — не счесть.

Похищает надежды часов строгий лад,
Приближает он тайно години утрат.
Нет ни в чем постоянства и верности нет,
Время, тенью мелькнув, не вернется назад.

В этих звуках — наш опыт, в свой срок надо знать,
Уступать ли желаньям иль их унимать.
Понапрасну все то, что постиг уж давно,
От себя ты таишь, ни к чему себе лгать.

Дни сплетаются в месяц, а месяцы — в год,
Годы мчат все быстрее, значит, старость грядет...
Коль обманет надежда, меня не оставь,
Безобманный мой Бог, мой последний оплот!

1896

Перевод Э. Шехтман

ТУЛПАРА
В СКАЧКЕ
НЕ ОБГОНИТ
КЛЯЧА

* * *

Наконец волостным я стал,
Все добро на взятки спустив;
Без горбов верблюды мои,
У коней не осталось грив.
Все же волостью управлять
Я не смог, а вроде ретив...
Если сильные позовут —
Оборачиваюсь на призыв;
Если слабые говорят —
Еле слушаю, вял, сонлив...
Близок съезд! Эта весть, как гром,
Прогремела, сердце пронзив.
Но тревоги не выдаю,
Улыбаюсь, а сам чуть жив.
Вот в один из обычных дней
Вижу нарочного у ворот:
«Уездный уже в пути,
Приготовь побольше подвод».
Я смутился — срок-то ведь мал.
Сердце — будто бы молот бьет.
Но стараюсь я, что есть сил,
Ошалев от своих забот.
Всех старшин, всех биев собрав,
Говорю им: «Время не ждет,
Заготовьте побольше юрт,
Уездный будет вот-вот!..»
Осмелев, пред народом речь
Я держу: «Мол, родной народ,
Оправдать я доверье готов,
Если милость Господь пошлет...»
Будто бы обо всех пекусь,
А на деле — наоборот.
Я, с уездным уединясь,
Все ругаю людей своих,
А потом возвещаю им:
«Не сгибал спины ни на миг. —
Похваляюсь: — Уездный сам
Верит в правду речей моих, —
Я подмигиваю: — Мол, ему
О сомненьях твердил больших...»
Начинаются толки, шум...
Тот хвастун, что был груб и лих,
Тот храбрец, что всех прижимал,
Вдруг на съезде сделался тих...
Но недолго длилась борьба:
Убедили одних, других,
Непокорных, в бараний рог

На съездах
разбирались
тяжбы между
населением
различных
волостей, иногда
и уездов.
Съезды прохо-
дили при участии
высших адми-
нистративных
лиц.

Посгибали в единый миг;
О великих и малых делах
Говорили, решили их...
Озверел науськанный бий, —
Что ему до тягот чужих?
Был изъят опознанный скот
Для своих хозяев прямых.
Кредиторы со всех сторон
Обступили людей простых...
Нету жалобщикам числа.
Гомонят: «Нам жизнь не мила!»
Управитель на ноги сел, —
Кто бедняжку станет жалеть?..
Я сил не щажу своих,
Я скачу с зари до зари,
Я мечусь туда и сюда,
Развевается мой халат.
Отпустил я совсем повода...
Чтоб уездный услышал, я
Посильнее бранюсь тогда, —
Кой-кого и палка моя
Саданула, тяжка, тверда.
Уж ретивых не вижу я,
Не осталось от них следа.
Расстегнул я ворот, жара,
Прохлаждаюсь — хватит труда!..
Управитель исправный, он
Шумно хвастается всегда,
Смех раскатистый у него,
Голос грохает; и когда
Он, случается, заговорит,
То слова текут, как вода.
Если входит к уездному он,
То другим волостям беда...
А бывает, народ строптив —
И уездный в гневе, тогда
Ноги попусту бьешь весь день,
Все бросаясь туда-сюда.
Сам я тоже едва ль хорош,
Мой характер — он как когда...
И хоть знаю, что скромным быть —
Добродетель большая, все ж
Не придерживаюсь ее.
И к рукам весь народ потом
Прибирать начинаю я.
Поначалу слегка, тишком,
Против сильных не говорю;
Их не тронув, я день за днем

Безобидных травлю чуть-чуть.
При уездном твердил об одном,
А теперь другое творю, —
Каждой мелочью, пустяком
Потихоньку довольствуюсь я.
Ни злодеем, ни мозгляком
Никогда не браню, рассердясь...
Собираю людей кругом,
За меня прошу их стоять.
«Ладно, ладно, — твержу, — незнаком
С плутовскими проделками я.
Да и хитрости нет притом...»
Пропади она пропадом, власть,
Зря к ней рвался — подошвы стер.
Что за прок от людей, когда
Чуть не каждый обманщик и вор!
Да, нерадостна жизнь моя!
Как посмотришь — стыд и позор!
Может быть, я в будущий год
Получу всех шаров набор...
Ну, а вдруг сегодняшним дням
Буду слать я грустный укор?
О, родные советники, вам
Заявляю сейчас в упор:
Тюрьмы множатся что ни год;
От хулы потускнел почет...
Мой от горести меркнет взор —
Не сдержать мне народ в руках.
Почему же такой позор
Допустил? Стал строптив народ!
Все мерещится — донесут...
Вдруг узнает про всякий вздор
Наш уездный — возьмется он,
На расправу жесток и скор,
Приберет он меня к рукам,
И под суд я пойду, как вор.
В бездну мерзкую бросит меня
Немилостивый приговор...
Все эти плуты — они
Сами ль выберутся на простор?
Будут жалобы подавать,
К справедливости будут взывать,
Нет того, что было встарь, —
Управителя скользок путь, —
Нынче всякий поклеп идет
На внимательнейший разбор.
Может собственный твой донос
Погубить тебя, в нем найдут

Выборы волостных управителей происходили баллотировкой шарами.

Ложь, неправду, пойдёт допрос.
Подсчитают поступки твои,
Все, что сделать тебе довелось, —
Ведь законники и хитрецы
Понимают каждый вопрос.
Лучше всякую бросить власть
Для того, пока не пришлось
В дом с решеткой стальной попасть.

1889

Перевод Д. Бродского

* * *

Грязный в словах и делах,
Жадностью обуян, —
Вот кто тебя, казах,
Губит, вводя в обман.

Забыв и совесть и честь,
Весь завистью налитой,
Он всех бы готов известь
Хулою и клеветой.

Ничто ему не позор.
Откажешь — ты враг навек.
Озлясь, грабитель и вор
Свершит на тебя набег.

Людьми ненавидим он,
А Богом проклят давно.
Пускай кругом уличен —
Отвертится все равно.

Он все припишет другим,
Хоть в доводах смысла нет.
Немало награблено им —
Он взятку сует в ответ.

Не вышло — на новый лад
Начнет вести канитель.
Угроз, оскорблений ряд...
Глядишь — достигнута цель.

На крайний случай готов
Подальше откочевать.
Его мечта — без трудов
Богатым и знатным стать.

Лежать на боку в дому,
Шататься с пира на пир
И на бесплатном корму,
Как скот, нагуливать жир.

Нет гордости мужа в нем,
Он вовсе лишен стыда:
Заброшен собственный дом,
Семья голодна всегда.

В товарищи он возьмет
Такого ж плута, как сам.
«Пройдохи», — зовет их народ.
Сегодня грозит он вам.

А завтра он друг на час,
На все лихое горазд,
Он оптом и в розницу вас
Сто раз предаст и продаст.

«Кто сведущий человек?» —
Спроси здесь любого ты.
«Тот, кто, пролгав весь век,
При помощи клеветы

Порочит, утратив стыд,
Равно своих и чужих,
И по начальству летит
С кипой доносов на них.

И там, опростав карман,
В аулах новый навет
Строчит, и ретив и рьян», —
Услышишь от всех ответ.

Ответ клеймящий — и что ж?
Кому он замкнул уста?
Снова такая же ложь,
Такая же клевета!

И снова плач без конца.
Коль все спокойно живут, —
Нет корма у подлеца,
Как пес бродячий, он худ.

Он жизни своей не рад...
Грош — дома цена ему.
Покой для него — что яд.
Он скряга в своем дому.

Он ищет в чужом утех,
Он враг тому, кто умен.
Он псами ругает тех,
Кто лучше живет, чем он.

Стал изобиловать край,
Врагами жизни людской.
На всех поднимают лай,
Куснут — хоть иди, хоть стой.

Язык ядовит у них,
Душа их — черная грязь.
На честных и на прямых
Бросаются, разъярясь.

Чтоб им привольно жилось —
Все очернят, что светло.
Пропитаны злом насквозь,
И все их деянья — зло.

Какая выгода им
Желать для других добра?
Им правда — что едкий дым,
Их ненависть к ней остра.

(Тьма ненавидит зарю!)
Под правду раскрасят ложь.
Честные, вам говорю:
Нет правды в них ни на грош!

Пора уж в конце концов
К столбу пригвоздить подлецов!

1887

Перевод *П. Карабана*

* * *

Управитель начальству рад,
Он не может от счастья дохнуть,
Если русский дарит халат
И большую медаль на грудь.

Но не вечно в почете тот,
Кто начальству стал чем-то мил.
Он галун на чапан кладет,
Но бесчестьем он честь купил.

То унижен, то вознесен,
Он всегда хвастовства не чужд.
Удивляюсь тому, как он
С важным видом вещает чушь.

Был зарезан баран, когда
Эту радость привез гонец.
Но в известии том — беда
Для того, кто видит конец.

Об удачах пусть говорят,
Не пойдет это счастье впрок.
Только малый ребенок рад,
Коль получит вкусный кусок.

У кого же рассудок есть,
Тот отметит насмешкой злой
Тех, кто сам позабыл про честь —
Прихвастнул своей наготой.

Словно девушка, гнешь ты стан,
Побрякушки душой любя,
Утешаясь тем, что капкан
Для других, а не для тебя.

Но возможно ль таким путем
Стать других умней и знатней?
Будь подальше, коль ты с умом,
От тщеславных, пустых людей.

Не исправишь глупцов пятерых
Тем, что десять прибавишь к ним, —
Нет плохого в делах твоих,
Если сам ты не ходишь к злым.

Пусть твердит: «Я достиг всего!»—
И вразвалку, гордясь, идет.
Так и плещут глаза его,
Коль вскочив, он кого ругнет.

Что ж! Свинья — это лишь свинья!
Не страшись понуканий злых.
Гордецов как исправлю я?
Лишь наука наставит их.

Ни к чему нам тот молодец,
Не поможет он все равно,
И получит скоро гордец
То, что сам заслужил давно.

1889

Перевод *Вс. Рождественского*

* * *

Звереет бай.
Скудеет край
Людьми с хорошей душой.
Правитель тут —
Презренный плут,
Народ обирает свой.

Не разберешь,
Где правда, ложь,
Где ноги, где голова.
Власть — за стеной,
Правитель свой
Дышать нам дает едва...

Ему цена
Везде одна!
С начальством угодлив, тих,
Но, ждя наград,
Вцепиться рад,
Как бешеный пес, в своих.

Ждем тщетно век,
Чтоб человек
Достойный был на посту.
Плут роет нам
По сорок ям,
Пуская в ход клевету.

Он щедрым был,
Он всех купил,
Чтоб волостным ему стать,
Семь шкур теперь
Сдирает зверь,
И внешность — нутру под стать.

Народу враг,
Он каждый шаг
Его сторожит везде,
Там — съезд, а тут
Уездный лют, —
Спасения нет нигде!

Нет братских уз,
Твой ближний — трус.
К кому ты пойдешь в беде?
Дымит костер
Взаимных ссор.
Споткнешься — опора где?

На склоне лет
Не мил мне свет,
Устала душа моя
От грязи всей,
Измен друзей,
Кому доверялся я.

А так взглянуть —
Мой славен путь,
Кадят мне со всех концов.
Но что за честь —
Пустая лесть
Фальшивых душой глупцов?!

1890

Перевод *П. Карабана*

* * *

Бай живет и охраняет свой скот,
Десять подарит — сотню уберезет,
А тот, кто добудет десять голов,
И девяносто в придачу урвет.
Друг друга преследуют, злобой дыша.
Съездит в город, попьет воды Иртыша,
Донос настрочит с грехом пополам
И, довольный, скачет домой, спеша.
Исхудали кони от частой езды,
Все карманы его от долгов худы,
Хитрецом и всезнайкой хочет прослыть,
Бог его надоумил на эти труды.
Кто молчит, говорят: «Испугался он».
Бай торопится сам обмануть закон.
У богатого исстари сила вся,
Обманщик избит, но не перевелся.
Чтобы честного человека травить,
Наготове любой держит злого пса.

1886

Перевод *М. Зенкевича*

* * *

Собаку я выкормил из щенка —
И зубы ее испытал.
Меткости я обучил стрелка —
И сам мишенью стал!

1899

Перевод *А. Жовтиса*

* * *

Хвастун, наглец,
Бездельник, льстец!
Когда приходит он,
Свой прячу лик,
Скрываюсь вмиг,
Растерян, возмущен.

Себя во всем
Он образцом
Считает, зол и груб.
Блудлив в речах,
Широк в гостях,
Он дома нем и скуп.

Их всюду — рой.
Они толпой
Пристанут, как с ножом.
Не дашь им — враг.
Охотясь так,
Живут лишь грабежом.

Злословье, лесть...
Где совесть, честь?
Торгуют клятвой, всем...
Всех ловят в сеть,
Чтобы раздеть;
Что вырвут — живы тем.

Весь этот сброд
Мутит народ,
Повсюду — ложь, обман.
Стал баем — свят,
Стал бием — брат,
И норовит в карман.

Но как ни чти,
Как ни плати, —
От них покоя нет.
Мерзавцы сплошь.
Кого найдешь,
Чтоб добрый дал совет?

И нет средь тьмы,
Кого бы мы
Любить и чтить могли.
«Батыры» те
Нас к нищете
И бедам привели.

Нагла их рать...
Попробуй сладь
Словами с подлецом!
Я им внимал,
Я им давал,
Раскаиваюсь в том.

1893

Перевод *П. Карабана*

* * *

Тулпара в скачке не обгонит кляча,
Соревнованье — не ее задача.
Кто целится в меня из-за угла,
Тому едва ли выпадет удача.

И стая псов не одолеет волка,
Волк — враг собакам страшно и надолго.
Но лезет в драку мелкая душа
И погибает, как всегда, без толка.

И — бесится на воле мелкота,
И от нее страдает правота.
И, кляузникам разным потакая,
Царит в Семи Палатах клевета.

1890

Перевод *М. Дудина*

ИЗМУЧЕН,
ОБМАНУТ
Я ВСЕМИ ВОКРУГ

* * *

О, казахи мои! Мой бедный народ!
Жестким усом небритым прикрыл ты рот.
Кровь — на правой щеке, на левой — жир...
Где же правда? Твой разум не разберет.

Ты и с виду неплох, и числом велик,
Почему же, скажи, так обманчив твой лик?
Ты не хочешь добрым советам внимать,
Режет всех без разбора твой серп-язык.

Власть не можешь явить над своим добром,
Спишь тревожным сном и тревожишься днем.
То заносчив, а то с обидой глядишь,
Постоянен в непостоянстве одном.

Всякий подлый, чванливый и мелкий сброд
Изуродовал душу твою, народ,
Не надеюсь на исправленье твое,
Коль судьбу свою в руки народ не берет.

Родич с родичем спорит из-за пустяков,
Богом отнят их разум, удел их таков!
Ни единства, ни чести, везде разлад.
Стало меньше в степях табунов, косяков.

Из-за денег и власти кипит вражда,
Ты бессилен, а спор ведут господа.
Если накопи этой не смоешь с себя,
В унижении, в страхе ты будешь всегда.

Разве можешь ты быть спокоен душой,
Если горки не в силах взять небольшой?
Если стойкости нет, если твердости нет,
Разве можешь ты быть доволен собой?
Если кто-либо верный укажет путь,
Ты клеймишь его неразумной хулой.

1886

Перевод С. Липкина

* * *

Вот и старость. Скорбны думы, чуток сон,
Ядом гнева дух угрюмый распален.
Мыслью не с кем поделиться! Кто поймет,
Кто ободрит, услышав твой тяжкий стон?

Всем рожденье и кончина суждены,
Дней минувших не вернуть из тишины,
Радость где-то остается позади,
Все проходит, все деянья непрочны.

Будь разумен, укрепляй свой дух в борьбе,
Лишь бездарный покоряется судьбе,
Лишь ленивец потрафляет большинству,
Скуден мыслью, неуверен сам в себе.

Людам низким не по нраву честный труд,
Самохвальством, плутовством они живут,
Но за подлость расплатиться срок придет:
Разбивается не в год, а в миг сосуд.

Должно жизнь свою сокровищем считать,
Разум острый и добро приобретать.
Не позор ли по аулам день-деньской
Время в шутках да кривлянье коротать?

Чужд невежде разум ясный, он скорей
Верит бредням, мыслью брезгует моею;
Разве каждый может правду оценить,
Небылице верит глупый — только ей.

Бредит дурень о багрянце заревом,
Об одеждах, шитых чудо-серебром.
С отвращеньем он относится к словам
Аксакала, что осведомлен во всем.

Мудрый зорко проникает в глубь вещей,
Расщепляет волос на сорок частей,
Он и судит, он и взвешивает грех,
А невежда вторит толкам площадей.

Враг народа шлет ему любви слова,
Ближних сгубит и оплачет, а едва
Свет удачи озарит кого-нибудь,
Воскликает: «Вот любимец божества!»

Тяжким бедам всенародным рад шайтан,
Ангел изгнан, ангел скорбью обуян,
Твердо знаю — не покается подлец,
Переидет он к сатане в победный стан.

Властелина корчит нагло плут любой,
Рать вербует втихомолку, с хитрецей.
Но не будет подлый первым среди людей,
Он себя же гонит к яме роковой.

Ведь не всякий путь указывать рожден,
Тот, кто честен и правдив, блюдет закон.
Волостным все норовит безмозглый стать —
Будет всеми, как собака, проклят он.

1886

Перевод Д. Бродского

* * *

Много слов говорил я в былом далеке,
Много дум о грядущем поведал в тоске.
Я считал, устыдится разумный, узнав,
Что скакал не туда на плохом рысаке.

Мы, другим не в пример, любим зря говорить,
Часто скачут слова — смысла их не схватить.
Ни прозрачным слезам, ни кровавым слезам,
Сколь ни льются, нельзя зиму душ растопить.

Я хочу, чтобы ты мне с доверьем внимал,
Чтоб не форму, а суть моих слов постигал.
Право, что тебе стоит прислушаться, брат!
Не для праздной беседы я их записал.

Сколько можно тебе бездорожьем брести?!
Твоя правда — на торном широком пути.
Как же так? Ни наук, ни усердия в труде,
Наш народ даже скот разучился пасти.

1895

Перевод Ю. Кузнецова

* * *

Умру. И стану вновь землей,
И мой язык насмешкой злой
Не тронет ледяным коварством
Сердец, обиженных судьбой.
Но рок судьбы нагрянет в срок
На твой порог и мой порок
И пересудит все ошибки
На перекрестках всех дорог.
Я, бедолага, в том кругу,
На том открытом берегу
За все, что не было и было,
Ответить дважды не смогу.
Ты в глубину мою взгляни,
В мои загадочные дни.
Там ныне светят всем, запомни,
Оставленные мной огни.
Я рос, и мой упрямый пыл
Костры в седой ночи палил
И путеводною звездой
Проводникам в дороге был.
Я там с собою принял бой
Своею волей и судьбой.
А за беду и униженья,
Потомок, сжался надо мной.
Нутро мое — огонь и яд,
В нем все терзанья догорят.
А песня — сплетница-чертовка —
Все миру выложит подряд.

1898

Перевод М. Дудина

* * *

Вот и старость... Свершиться мечтам не дано!
Поколение новое вижу. Оно
Научилось ловчить, но не хочет трудиться,
И повсюду стяжательство только одно.

Бай залезет в карман, говоря: «Дорогой!
В черный день все тебе возвращу я с лихвой».
Волостной и судья, поживясь, обещают:
«Если, мол, кто обидит, защитник я твой».

Всякий нищий берет: «Я трудом отплачу».
Избиратель: «Заплатишь — я шар опущу».
«Берегись, коль не дашь!» — заявляет пройдоха.
Вымогать удастся такому рвачу.

Друг нашептывает: «Коль не дашь, я готов
Перекинуться в стан твоих лютых врагов,
Не могу же тебя я обслуживать даром!..
И рассоримся мы до скончанья веков».

Убеждает пролаза: «Рублей не жалеи,
Чтоб задабривать ловких, полезных людей».
Есть охотников двести на сотню баранов...
Голова пошла кругом от мерзости всей!

Что же, мясо готовь и на пир приглашай
И того, кто стоит за тебя, угощай!
Все закаркают черною стаей вороньей:
«Кто щедрее, тому я слуга, — так и знай!»

Обещанья пустые — лжецам не в укор.
Забывать свою клятву — у нас не позор.
И рычит человек, словно злая собака:
«Искусаю тебя!» — вот и весь разговор.

«Избирайте любого! — начальник твердит, —
Так, чтоб выборный не наносил вам обид».
Но от этого лучше не стало народу,
И начальник, глядишь, недоволен, сердит.

Все уловкой прожить норовят плутовской,
Упрекнешь ловкачей — изведут клеветой.
Разве душу найдешь хоть одну, что довольна
Тем, что Бог человеку дарует, — судьбой?

Сын отца предает, брата старшего — брат,
Этой жизни собачьей кто может быть рад?
Те, кто совестью из-за наживы торгуют,
Будьте прокляты! Беды вас пусть поразят!

Все — родня и чужие — теперь на ножах,
Все друг друга преследуют, злоба в сердцах.
Гибнут гнезда людей, одержимых корыстью...
Ах, зачем ты их создал такими, Аллах!

Сгинь, душа, коль источена ложью дотла!
Сгинь, добро, что бесчестья рука принесла!
Сорок раз тебе горы сулят золотые, —
Но добиться ль тебе молока от козла?
Сгинь, наглец, что, стократно меняя личины,
Ждет еще похвалы за такие дела!

1886

Перевод *А. Гатова*

ВОСЬМИСТИШИЯ

Издали зовет,
От души идет,
 Заставляет нас трепетать;
Он всего острее,
Он всего быстрее,
 Может к месту лань приковать.
Многоликий, гибкий язык,
Ты в устах народа велик!

Нет, игле стальной
Никакой ценой
 Не поспеть за узорами слов!
Сможет жемчуг-нить
Умный оценить,
 А дешевка — радость глупцов.
Помолчите, слова, сейчас,
Тугоухий не слышит вас!

У невежды есть
Чванство, глупость, лесть
 Да веселье беспечных дней.
Он всегда с толпой,
Так и льнет к тупой,
 Так и следует всюду за ней.
Если мысль слепа или мысли нет,
При себе ты оставь свой бред!

Вся душа в огне,
Холод по спине,
 Лишь увидишь глупцов, их ложь.
Трижды умным будь,
Укажуй им путь —
 Похвалы у них не найдешь.
Но бесстыдству верны и тут.
Не дослушав, они заснут.

Им бы козни вершить,
Им бы сплетнями жить,
 Пустозвон заодно с хитрецом.
Что благой совет!
В нем и смысла нет:
 Сын не хочет ладить с отцом.
Пусть без устали мелют уста —
В голове одна пустота.

К счастью не придешь,
Измышляя ложь.
 Сплетни — промысел пустомель.
Чванство, хвастовство,
Пьянство, мотовство —
 Вот их жизни беспутной цель.
Мысли ищущей глубина
Никому из них не нужна.

Ты сердечным будь,
Человеком будь
 И трудись, не жалея сил.
Сплетни, болтовня,
Глупая брехня...
 Ты такой сам себе постыл.
Коль упорны твои труды,
Попрошайкой не будешь ты.

Ты пахать умей,
Торговать умей
 И достаток дома блюди.
Будь, жена, верна,
Муж, трудись сполна,
 И тогда — успех впереди.
Коль казах казаху не друг,
Будет жизнь постылой вокруг.

Защити свой скот,
Избегай забот,
 Не давай себя унижать.
Сгинь, насилья ночь!
Властолюбье, прочь!
 Да не смогут подняться опять!
Пусть проснутся совесть и честь,
Знай, в словах этих правда есть!

Коль ты слишком сыт,
Труд тобой забыт, —
 Развращен такой человек.
Споря о пустом,
Другу став врагом,
 Ты в ничтожестве кончишь век...
Клеветал ты, лгал, доносил.
А раскаяться хватит сил?

Кто учил тебя
Жить, разбой любя,
 Кто твоим советчиком был?
Но придет имярек,
Честный человек,
 Он остудит преступный пыл.
Заблужденья твои — как знать? —
Палачом твоим могут стать.

Нет, не плоть, а дух,
Как в огне, мой друг,
 Голова моя тяжела.
На щеке слеза,
Горе жжет глаза,
 И на душу тяжесть легла.
Где разврат, разгул и разбой,
Там беда берет власть над тобой.

Жизнь моя коротка,
А цель далека,
 И силы мои сочтены.
Улетают дни —
Не вернуться они,
 Мы в гордыне коснеть должны.
То, что прожито, — не вернуть,
Без запасов я вышел в путь.

Вижу: чести сын —
На сто сот один,
 А правдивых — ни одного.
Молодость ушла,
Голова бела,
 В суете не познал ничего.
Зря потел средь клевет и зол,
В унижении жизнь провел.

Краснобай и лжец,
И всезнайка-льстец,
 От тщеславья все их труды.
Эти любят лезть,
Любят кверху лезть,
 Униженьем народа горды.
Проклянут тебя и — пропал,
Позовут — в небеса попал.

Пусть народ пуглив,
Ну, а ты чем жив,
 Ты, пугавший родной народ?
Жаждой славы томим,
Ты следишь за ним —
 Что он делает, как живет.
Коль блудливая баба хитрит,
Жалок муж, что ее сторожит.

Что успеть ты смог,
Если сам одинок
 И шагаешь, растерян, с трудом.
Те, с кем дружен теперь,
Кому нужен, верь,
 От тебя отвернутся потом.
Чужеродный вор и хитрец
Одолеют тебя вконец.

Вся в крови голова,
Приподнялся едва,
 А угодничать снова спешишь.
Истомлен до костей,
Перед силой властей
 Ты опять, как всегда, лебезишь.
Где же совесть твоя — дай ответ.
В жизни этакой пользы нет.

Лишь собака брехнет,
Мальчик палкой взмахнет
 И погонится тут же за ней.
Люди хором стыдят,
На мальчишку кричат:
 «Перестань! Собаку не бей!».
Устыдился. То же с тобой
И с постыдной твоей судьбой.

Кто пытлив — смелей
Мир познать сумей.
 Было б только желанье познать.
А невежда слепой
Занят только собой,
 Лишь поесть бы ему да поспать.
И не тот, и не этот я,
Все ж судьба не завидна моя.

Я знаний искал —
От скитаний устал,
 Я глядел и туда и сюда.
Но и там и тут
Ложь и лень цветут,
 Ведь невежды боятся труда.
Если хочешь погибнуть скорей,
Стань на палубы двух кораблей.

Я с утеса кричал,
Мне простор отвечал —
 Отвечали и горы, и дол.
Но, услышав звук,
Я искал вокруг:
 Как, откуда тот звук пришел?
Был все тот же утес подо мной —
Отклик есть, но отклик пустой.

Всадник вдаль поскакал,
Пешеход отстал.
 Кто признает тебя, кто поймет?
Боль в груди сильна,
И слеза солона,
 Пламя жаркое сушит рот.
Если весь я горю в огне,
Не рыдать не под силу мне.

Камнем мягкий пух
Обернулся вдруг:
 Так жестка постель — не уснуть.
Но галдит толпа,
Весела, слепа...
 Что б подумать — в чем жизни суть?
Хитрость, ложь осаждают нас
В трудный час, испытанья час.

Велика семья,
Широка родня —
 Одиноким быть нет причин.
Велика семья,
Но не понят я,
 И живу среди людей один.
Как могила шамана, я
Одинок — вся правда моя!

1889

Перевод *Л. Озерова*

* * *

Не верь хвалам: лукавит подлый век,
Таит коварство в сердце человек.
Верь самому себе, спасут тебя
Труды и ум — отныне и навек.

Доверчивость излишнюю сдержи,
За славой не гонись — то призрак лжи.
К лицу ль тебе других ввергать
В обман и слепо верить в миражи?

В беде не гнись, в беде не отступай,
Но в счастье тоже меру соблюдай.
В глубь сердца погрузись: что там найдешь —
И есть твой клад. Смотри, не потеряй.

1897

Перевод *Ю. Кузнецова*

* * *

Измучен, обманут я всеми вокруг.
Меня предавали и недруг и друг.
Средь близких и дальних почти не найти,
Кто б не был причиною горестных мук.

Один — из-за выгод приятель тебе,
Споткнешься — покинет в неравной судьбе.
Не скажет тогда: «Я такой же, как он», —
И рядом не встанет в неравной борьбе.

Тот — низкий стяжатель, тот — взяточник, вор.
Для них твои цели и помыслы — вздор.
Пустые лукавцы, рабы суеты.
На ком остановишь с надеждою взор?

Трепещут за скот, за добро богачи,
В тревоге, насупясь, сидят, как сычи.
Там стадо угнали, ограбили тут, —
Ведь грабят кругом и воруют в ночи.

Торговлей не могут заняться купцы —
Бедняги не сводят с концами концы:
Поверишь на слово — не взыщешь потом,
Долгов не хотят признавать подлецы.

Судья презирает свой сан и закон.
К злодеям, к ворам снисходителен он, —
И множится зло, расцветая вокруг,
И нет преступленьям преград и препон.

Завидуют злобно свои своему.
Не внемлет, не верит никто никому.
И дети, и брат, и жена, и твой друг
Тебе изменяют в твоём же дому.

На честного тысячи плутов кругом, —
Как тут в одиночку бороться со злом?
Распутство и пьянство повсюду царят,
О дружбе, о пользе нет мысли ни в ком.

Где солнце смеялось земле и цветам, —
Осенняя слякоть и сумерки там.
Скандалы и распри мертвят, как зима.
Раздолье — мерзавцам, разор — беднякам.

К заслугам, к летам — уважения нет,
Стяжатели вылезли гордо на свет.
За деньги все рады позорить и чтить,
Мгновенно в любой перекусившись цвет.

1886

Перевод П. Карабана

* * *

Жигиты, дорог смех, не шутовство,
Несходны внешний вид и естество.
Но если кто-то от души смеется,
То искренности верь, люби его.

Один пропустит все мимо ушей,
Другой проникнет в смысл твоих речей.
Есть и такой, кто понимает слово,
Но истолкует к выгоде своей.

Уж если любишь ты, так всей душой!
Сгори в огне, но на своем ты стой!
А розовые юноши линяют,
Как только прикоснешься к ним водой.

К порывам юные сердца зову.
Я человечность ставлю во главу.
Кто корыстолюбив и бессердечен,
Тот мелкий человек по существу.

Так будь отзывчивым, как друг и брат,
И поделись со всеми, чем богат.
Да будет дружба искренней и честной —
И все дурные чувства замолчат!

Я собирающимся дам совет
Не портить пререкательством бесед.
Друг к другу проявите уваженье,
Которого у нас обычно нет.

Единодушие — отрада нам,
Неведомая неучам, глупцам,
Достойный человек не выдаст тайны
И клеветы не пустит по следам.

Твой пыл советую тебе сдержать,
На бабнике — бесчестия печать.
Жигит разборчив — не кобель, какому
Любая сука с улицы под стать.

Не увлекайся внешней красотой,
Не поддавайся страстности слепой.
Не обольщайся женщиной красивой, —
Узнай, характер у нее какой.

Мгновенно гаснет пламя страстных нег
У тех, кто в смене жен проводит век.
Кому лицо подруги верной скучно,
Тот просто недостойный человек.

Той женщине хвалу я воздаю,
Что душу знает наизусть твою,
Внимает каждому биенью сердца
И хочет жизнь тебе отдать свою.

Опасность женская краса таит,
Доступная для многих волокит.
«Кто может устоять передо мною?» —
Так чванная красавица твердит.

Хвала тому, кто действует, кто смел,
Кто гордым сердце пронести сумел!
А от неряхи, бабника, тупицы
Жди только сплетен и позорных дел.

Коль ты любим женой и любишь сам,
То это невдомек одним глупцам.
Где умный муж с женою благонравной,
Счастливую семью мы видим там.

Когда не легкомысленна жена,
Не даст злословью повода она.
Свежа, гибка, подобна стеблю розы, —
В ее дыханье счастье и весна.

К богатству байской дочки не тянись,
Калымом малым бедной — не прельстись.
Но, если это дочь людей хороших,
Не будь глупцом, не упускай — женись!

Когда сидишь ты с другом у стола,
Пускай жена не морщится со зла.
Пусть уважение проявит к другу,
Лицом светла и сердцем весела.

Разборчивее выбирай друзей,
Отбрось развязных шутников скорей.
Но к разуму и красоте стремленье,
К познанию рвенья оценить умей.

Работать не желает молодежь:
И без труда, мол, тоже проживешь!
И смех ее дешевый — зубоскальство.
Ей свойственны корысть и ложь.

Плутуют молодые пошляки,
Им низкое торгашество с руки,
Повсюду склоки, драки и скандалы,
Друг друга предают за пустяки.

Лишь малыши дружны между собой
И, ласковые, тешатся игрой.
Но все-таки в конце игры повздорят,
И тут начнется потасовка, бой.

Когда в слезах придет домой малец,
Мать раскричится и бранит отец.
Сходна и жизнь с такой игрой и дружбой.
Когда же этому придет конец!

Среди друзей случается такой,
Что тайно роет яму за спиной.
Верь лишь тому, в ком есть и честь и совесть,
Не мелочен лишь человек большой.

Пока у многих узкий кругозор,
И слово клеветы — орудье ссор.
Считают предприимчивым сутягу,
Который измышляет всякий вздор.

1886

Перевод *А. Гатова*

* * *

Я сам здоров. Душа моя болит,
Когда друзья становятся врагами.
И думать справедливость не велит,
Какая кара следует за нами.
Иной батыр бушует, крут и лих,
В своем дому у бешенства во власти,
А на глазах людских он квел и тих,
И рабски молчалив, и безучастен.
Где ж твой характер, спесь твоя, хитрец,
Где ж твоя сила, что тебя взбесила,
И, предлагая вольности венец,
В тебе достоинства не воскресила?
Ты стелешься угодливой душой
Перед явлением высокой власти,
И в ощущение выгоды большой
Обманное испытываешь счастье.
Ты в хитрой изворотливости смел,
От совести отделяваясь смело,
Шесть из пяти присваивать умел,
Проигранное завещая дело.
Ты в тяжких тяжбах был самым собой,
Угадывал в них сто развязок разом,
Но, каверзный выигрывая бой,
Домой с подбитым возвращался глазом.
Привычной осторожности не верь,
В твоих делах успех недолго длится.

Не хлопай дверью! Может, в эту дверь
Тебе еще придется возвратиться.

1889

Перевод *М. Дудина*

* * *

На сорок лоскутьев тоскою
Растерзано ты — каждым днем...
Как же сердцу дожить в покое,
Изверившемуся во всем!

Те — взяты землей, те — враждою,
А как их любило ты!
Вражда и беда шли чредою,
И вот — ты среди пустоты.

Лишь старость одна пред тобою
Во мраке, и выхода нет.
Беспечных утешит любое,
А где нам с тобою ответ?

А как ты горишь болью злою!..
Мечты! Оглянись на них
И вспомни величье былое
Желаний бесплодных твоих.

1899

Перевод **М. Петровых**

* * *

О порыв души огневой,
Твой отточен и меток луч,
Словно молния перед грозой,
Что прорвалась из черных туч.
О язык мой, о пыл стихов,
Непронятен ты для глупцов!

Дерзновенных помыслов пыл
Превратил мой язык в копье,
Чтоб в бою он сил не щадил
И явил искусство свое.
Но по-прежнему спит народ,
И ничто его не проймает.

Слово, понятое умом,
Ускользает, как звук пустой,
Но по жилам течет огнем,
Коль берешь его всей душой.
Люди учат, поют мой стих,
Но он темен еще для них.

1898

Перевод **Вс. Рождественского**

* * *

Человек — ничтожной плоти тлен и прах,
Смерть для каждого равна в своих правах.
И кичиться перед кем-то превосходством —
Знак надменного блуждания впотьмах.

Не вчера ли ты ребенком был, старик?
Все течет, и жизнь уносит каждый миг.
Возлюби же в брэнном мире волю Бога,
Это — высшее, что в мире ты постиг.

1899

Перевод **Е. Курдакова**

МОТИВЫ АБАЯ

I

Не знаю, как я жил до нынешнего дня,
И пройдено, и видено немало.
В любви и в спорах сердце отпылало,
Покой в душе моей. Былого нет огня.

Что в этой жизни остается для меня?
Мне, грешному поэту, не пристало
Себя Аллаху посвятить, стихи кляня;
Аллаха мое сердце не искало.

Приумножать стада, увольте, не хочу.
И степью управлять, увы, не по плечу.
Не облегчить людские мне страданья.

И свои мысли, и живуя свою речь —
Все это в СЛОВО остается мне облечь.
Тебе, о человек, мои признанья!..

II

Не изменить судьбы, увы, не изменить,
Смех, игры, похвала, пиры, друзья, творенья,
И женщина, чью страсть, казалось, не забыть, —
Все это жизни мимолетные явленья.

Вкусивши раз, нам не уйти от наважденья,
Влечет и губит нас невидимая нить.
Пусть зыбок этот мир, нам незачем тужить;
Дано судьбою это чувство пресыщенья.

О быстротечность счастья! — Начало и конец.
И пусть ты, мусульманин, мудрец или глупец,
Аллаху все одно, нет разницы большой.

Зря ищешь свой приют ты в хаосе пространства,
Живому существу нет в мире постоянства.
Изменчив человек — и сердцем и душой.

III

О мой народ, послушай речь поэта,
Самовлюбленности чалму приподними,
Ты мое слово сокровенное прими,
Внимай всем сердцем моему совету.

Как жажду утоляешь в полдень лета —
Так чашу мудрости из рук моих возьми.
Глотками пей, не расплещи все это.
И ты все это светлым разумом пойми.

И пусть жигиты праздные узнают,
Как уберечься им от пагубных вещей;
Их карточный азарт сопровождают

И лень, и вино, распутство среди ночей.
И души их пороки развращают,
Впиваясь в кровь и в плоть — страшнее нет клещей.

Б. Канопьянов

БАЛЛАДА

Красотка-девушка у хана жила,
Все отдавал он той, что сердцу мила.
Ходила в золоте, в цветистых шелках,
Толпа служанок с ней повсюду была.

«Как бык плодлив, так вол шумлив», — говорят.
Пирует старый хан, прославлен, богат.
А девушка от брачных ласк старика
В пучину бросилась, срывая наряд.

Что сердцу юному до пышных затей!
Друг сердца девушке всей жизни нужней.
А кости дряхлые, что жаждут вернуть
Былую молодость, зачем они ей!

Со стариками ль жизнь связать молодым!
Не сдастся сердце — лесья рассеется, как дым.
Невесты старше ты на двадцать пять лет —
Не станешь мужем ей, пусть отдан калым.

Жен молодых глупцы томят взаперти,
Девичью молодость украв на пути.
Откуда к старику любовь прилетит!
Она ж не телка, чтоб насильно вести!

У бая старого в деньгах сила вся,
Но снова юным стать за деньги нельзя.
Презренный, чью-то дочь купив за калым,
Ты, старый, дурнем стал, о счастье прося.

Что на уме у нее — старик не решит,
Но ладят меж собой, живут без обид.
Опутала тебя, а ты уже рад.
Смотри, что с тобой бесовка творит!

Бай старый, берегись, тебе говорят!
Доверившись жене, ты будешь рогат.
Пропавший человек, коль счастье нашел,
Едою и женой хвалясь всем подряд.

С безвинной байбише бранится старик,
Но молодуху лишь смешит этот крик.
Сухой курай — одна, другая — цветок.
Когда же снег и зной сжились хоть на миг!

Виляние хвостом не скрасит твой брак,
И по спине хлопки не сблизят никак.
Между сердцами год пути, долгий год.
Как их соединишь ты, старый дурак!

1896

Перевод *М. Петровых*

ПОЭМЫ

ИСКАНДЕР

Вот сын Филиппа Искандер,
Он Македонией владел,
Он был храбрец. Но кто мне скажет:
Где честолюбию предел?!

Филипп почил. И, полный сил,
Себя царем провозгласил
Наш Искандер и на соседей
Он глаз свой алчущий скосил.

Собрал он войско, и тогда
Он без особого труда
Стал опрокидывать престолы,
Жечь села, грабить города.

Он много стран завоевал,
Он кровь людскую проливал.
Оружьем покорив народы,
Он власть на силе основал.

Уже последний пал сосед, —
А все ему покоя нет!
Тогда вдруг Искандер задумал
Завоевать весь белый свет.

Кровавый вепрь и зол, и дик,
Людей он презирать привык.
Придворные недаром звали
Его владыкою владык.

Он стал царем царей, и вот
О нем уже молва идет!
На путь далекий снарядившись,
Он отправляется в поход.

До дальних гор и до долин
Дошел — и, наконец, один,
Сопротивленья не встречая,
Он стал Вселенной властелин.

Он шел и шел. Упрям и строг,
Попал туда, где нет дорог,
В пустыню, мучаясь от жажды...
Вот так испытывает Бог!

Была так жажда велика,
Что средь палящего песка,
Уже готовился владыка
Навеки потерять войска.

И вот настал тот миг, когда
С конем, почившим навсегда,
Он, лежа рядом, вдруг заметил,
Что вдалеке блестит вода!

И вот владыка из владык
Пополз и видит, что родник
Журчит, и алчными губами
Он к сладостной воде приник.

И рыбы вяленой кусок
Он сунул в воду и — о Бог! —
Вдруг рыба стала сладкой! Это
Никто понять так и не смог.

Воскликнул царь: «Вот это да!
Напейтесь! Славная вода!
И мы пойдём. И там, в долине,
Мы завоюем города!

Попей и напои коня!
На свете нет сильней меня,
В богатую страну, наверно,
Ручей нас приведет, звеня».

И в край тот, что лежит вдали,
Рядами воины пошли,
Гремя железным снаряженьем,
Под музыку, в густой пыли.

Шли долго воины, и вот
Средь гор ущелье предстает.
И встало войско пред ущельем
У странных золотых ворот.

А на воротах был замок,
Царь приналег, да так, что взмок...
Но совещаться начал с войском:
Открыть ворота он не смог!

Кто подхалимством окружен, —
Тот самодур. Им был и он,
Наш Искандер, — все время слышал
Он только лесть со всех сторон.

Стал Искандер от гнева ал.
Замок он в испугенье рвал
И бил в ворота кулаками.
«Я требую открыть!» — орал.

И пред владыкою владык
Вдруг старец сгорбленный возник.
«Ведут сии ворота к Богу, —
Входить нельзя», — сказал старик.

«Я — Искандер, я царь царей!
Я царь всех стран и всех людей!
Что за страна лежит пред нами,
А ну-ка отвечай скорей!».

«Хоть всей Вселенною владей,
Ты сам же раб своих затей.
Себя смири! Не задавайся!
Ты честолюбец, ты злодей!».

«Я тот, кто вечно хочет в путь!
На мир хотел бы я взглянуть!..
Чтоб я с людьми мог поделиться,
Ты подари мне что-нибудь».

И в щель открывшейся двери
Просунут сверток был. «Бери!
Но ты понять сумей, однако,
В чем смысл того, что там внутри!».

Царь заглянул: ну и дела!..
И плюнул Искандер со зла,
Пред ним лежал раскрытый сверток,
В нем кость запрятана была.

«Я оскорблен! Наверняка
То шутка злого старика!».
И кость никчемную брезгливо
Его отбросила нога.

Но Аристотель, друг царя,
Взял кость в ладони, говоря:
«То кость, однако ж, не простая!
Она нам послана не зря».

Был в спорах он непобедим,
Тот друг царя. Царь горд был им...
«Взять золото и кость! Давайте,
Что тяжелее, поглядим!».

И вот мудрец весы достал
И взвешивать спокойно стал.
И кость пошла все книзу, книзу,
И вверх и вверх пошел металл.

Владыка, побледнев со зла,
Кольчугу, ту, что тяжела,
Как гиря, скинул с плеч на чашу...
Но кость ее перемогла!

И царь промолвил: «Ну и ну!
Кость перевесит всю казну!
Найдите то, что тяжелее,
Чем кость, — обшарьте всю страну!».

Владыку разбирает злость!..
Мудрец набрал землицы в горсть,
Слегка посыпал кость, и сразу
Вверх стала подыматься кость.

И растерялся тут гордец:
«Так растолкуй же мне, мудрец!
Скажи мне: что это за чудо,
И в чем же дело, наконец?».

«То кость глазничья. Алчен, лют
Взор человека. Адский труд
Глаза насытить! Горсть землицы
Насытит лишь, когда умрут!

В безумье алчущий живет, —
Он вечно давит кровь и пот...
Глаза ж его, когда погибнет, —
Такая кость, как эта вот.

О, мой властитель, не гневись!
Затем ворота заперлись,
Чтоб кое-что тебе напомнить,
Чтоб мысль твою направить ввысь».

И вот владыка из владык
Главою гордою поник.
Он понял всю тщету мирского
И к дому двинул напрямик.

Вот весь — недолгий — мой рассказ,
Я сочинил его для вас,
Чтобы напомнить: нет предела
Для злобы ненасытных глаз!

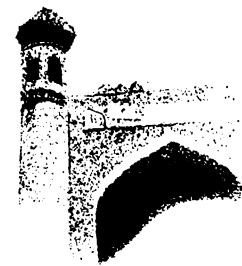
Про бренность помни бытия,
Живи, от ближних не тая
Заветных помыслов. Будь честен!
Да будет чистой жизнь твоя!

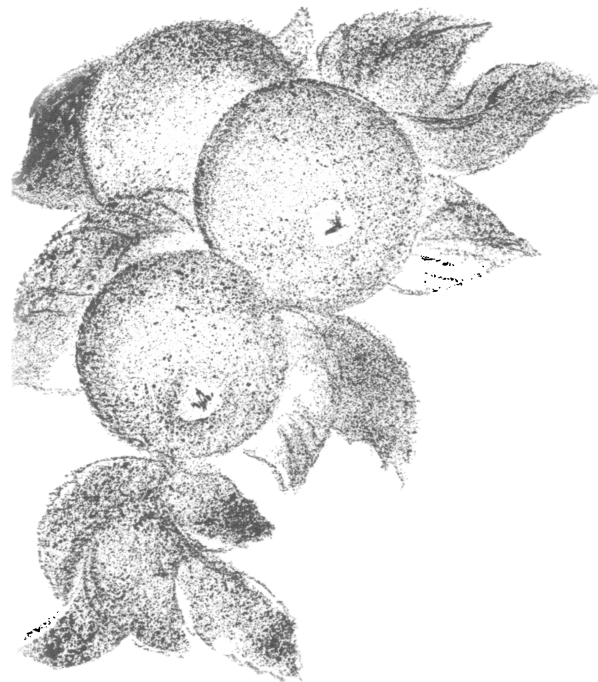
К чему тебе успех дрянной
Или фальшивый друг иной,
Когда в лицо тебя он хвалит,
А после хает за спиной?

Лишь губошлеп кричит, сипя,
Свою особу лишь любя.
Честь за себя стоит по праву...
И отвечает за себя.

1889

Перевод **Е. Винокурова**

МАЗГУД

О, Мухаммед, Аллаха друг, открой,
Как описать, что давнею порой
В Багдаде в дни Гаруна аль-Рашида
Жил-был Масгуд — разумник и герой.

...Масгуд собрался за город пойти
Пройтись и вдруг увидел по пути,
Что старика разбойник нагло грабит, —
Старик несчастный при смерти почти!

Старик кричал. Но был разбойник лют!
Прохожие? Да разве те спасут?
На страшного разбойника без страха
Набросился разгневанный Масгуд.

Масгуд к стене разбойника прижал,
Разбойник мигом вытащил кинжал.
Старик с земли поднялся невредимым.
Но, вырвавшись, грабитель убежал.

Старик упал спасителю на грудь...
(Успел разбойник все-таки пырнуть
Масгуда в бок!). Старик сказал: «Запомни!
Добром меня ты вспомнишь как-нибудь!».

Старик твердит спасителю: «Жигит,
Нет, подвиг твой не будет позабыт.
Случилось так: ты спас меня от смерти...
Аллах тебя за это наградит!

Такими вот, как я, полна страна:
Я не батыр, не хан. Да, спасена
Тобою жизнь простому человеку,
И мне известна мужества цена!

Я странник. Да, я беден, да, я стар,
Я странствую с базара на базар
И из села в село. Я здесь случайно.
Но я прошу принять мой скромный дар.

Меня Аллах от смерти нынче спас,
В тяжелый миг послав на помощь вас.
Ради Аллаха я прошу — придите!..»
И он назначил место, день и час.

«Я заступился, — сделал все, что мог.
И то совсем не подвиг — просто долг.
Но я приду туда, куда хотите.
Раз вы решили, что так хочет Бог!».

И за город явился наш Масгуд
В урочный час. Старик уже был тут.
Стоял он у разрушенной гробницы.
А рядом яблоня. На ней плоды растут.

Старик сказал Масгуду: «Видишь, вот
Растут плоды. Сорви же смело плод:
Зеленый, или красный, или белый —
Тот, что милее, тот, что смотрит в рот!

Съешь белый — станешь сразу всех умней,
А желтый съешь — богаче всех людей.
А красный съешь — все женщины на свете
Тебя возлюбят до скончанья дней».

Стал думать над словами старика
Масгуд — была задача нелегка!..
«Ни белый и ни желтый мне не нужен!».
И потянулась к красному рука.

«Масгуд, ты выбрал плод, который ал.
Потом не кайся, сам его сорвал!
Но объясни мне, почему, однако,
На этот алый плод твой выбор пал?».

«Да, вправду мудрость — свет, а глупость — тьма,
И умным быть хотел бы я весьма!
Но все ж не быть мне властелином мысли.
Боюсь, хлебну я горя от ума!

Найду ль себе я вровень мудрецов?
Я должен буду жить среди глупцов.
И, не найдя ни честных и ни умных,
Я потеряю ум в конце концов.

Себя я на терзанья обреку,
Спать перестану и впаду в тоску.
Себя я доведу до смерти, тщетно
Вдолбить пытаюсь мудрость дураку.

Когда б я стал богаче всех людей,
То скажут про меня, что я злодей.
И обкрадут. И снова станешь нищим,
Каким богатством в мире ни владеи.

Богатство бы мне горе принесло.
Оно б меня от злобы не спасло.
Меня б всю жизнь терзали клеветой.
Нет, что ни говори: богатство — зло!

Богатство — зло, одно спасенье — труд.
Спешит к богатству не мудрец, а плут.
Но в наше время это все забыто,
И бескорыстной дружбы не поймут.

Любой сейчас не стоит ни гроша,
А ну не дать попробуй ни шиша,
Псом назовут. Все станут псами! Будет
Несчастною вовек твоя душа!

А красный плод вкушу — и я любим!
Мной будут бредить женщины одним!
Полмира женщин! Сколько миллионов?
Я к ним пойду, пойду к друзьям моим.

Такое войско за себя собрать!
У каждого ведь есть жена иль мать.
И если царь иль кто другой обидит,
Есть у кого защиту отыскать!

Вражда на свете — род идет на род!
Все злится этот, все воюет тот.
И если на меня вдруг замахнутся,
То женщина оружие отберет.

Мне нужен этот плод, который ал.
Я сам его рукой своей сорвал,
Его я выбрал, все, как надо, взвесив,
Да, на него мой выбор сразу пал».

«Ты прав, мой друг, ты очень прав, мой брат.
И выбор твой хорош! Я рад, я рад! —
Старик благословил: — Ну, на здоровье!
Ты без того и славен и богат».

Был тот старик на весь известен мир.
То был святой, то был мудрец Кыдыр.
Старик Кыдыр благословлял Масгуда.
Молчал пред ним склонившийся батыр.

И тот, кого благословил старик,
Стал, по преданью, славен и велик,
Прозваньё получил Шамси-Жихана,
Он стал как солнца лучезарный лик.

В те дни, кто в злобе уходил во тьму,
Кто вечно шел в крови, в огне, в дыму,
Тот обращался к женщинам нередко
За помощью — к их сердцу и уму.

Шамси-Жихан
(искаж. араб.)
— дословно:
солнце Вселен-
ной

Да, это было в старые года.
Сейчас же нет ни чести, ни стыда!..
...Когда бы не могилы дорогие,
Я бы ушел отсюда навсегда!

А как Масгуд? Известно стало мне,
Везиром был Масгуд в одной стране...
И как-то ночью тот спасенный старец
К Масгуду вдруг является во сне.

«Предупреждаю, скоро будет тьма.
И будет дождь. Зловредный дождь весьма!
Лишь будет он неделю. Кто напьется
Водицы дождевой, сойдет с ума.

Неделю будет черным небосклон.
Дождь все зальет. Все опоганит он.
И только тот, кто чистою водою
Сумеет запастись, лишь тот спасен!».

И вот Масгуд с утра, нетерпелив,
Идет к халифу. И велит халиф
Водою запастись. Двор ждет несчастья,
Водою бочки до краев налив.

И вот беда явилась на порог:
День наступил тот, что мудрец предрек!
Все плакали, стонали и галдели.
Никто в стране ни спать, ни есть не мог.

И вдруг толпа, орущая не в лад,
Ворвалась дико во дворец и в сад.
Хан и правитель видят пред собою:
Безумные и скачут и кричат.

И вышел хан, решителен и прям,
И речь сказал, как бы сказал сынам:
«О, бедный мой народ, ты обезумел!
Одумайтесь! Ступайте по домам!».

Толпа же все ломилась напролом.
Вопила и стояла на своем:
«Хан и правитель потеряли разум!
Давайте-ка скорее их убьем!».

И так правитель молвил: «Рад не рад,
А видно, с ними нам придется в лад
Кричать. Другого я пути не вижу!
Иначе нас задушат, как котят».

И, выпив той воды по полглотка,
Перед толпою оба старика
Предстали вдруг, кривляясь и беснуясь...
Толпа молчит, покорна и кротка.

Спокойно, не крича, в свои дома
Толпа людская разошлась сама.
Случилось, что безумие людское
Двух мудрецов смогло свести с ума.

Мораль нужна легенде этой? Вот:
Толпа безумна. Ну а умник тот,
Кто мраку попустительствовать будет?
Тот собственную участь проклянет!

1887

Перевод Е. Винокурова

КНИГА СЛОВ

СЛОВО ПЕРВОЕ

Хорошо я жил или плохо, а пройдено немало: в борьбе и ссорах, судах и спорах, страданиях и тревогах дошел до преклонных лет, выбившись из сил, пресытившись всем, обнаружил брэнность и бесплодность своих деяний, убедился в унизости своего бытия. Чем теперь заняться, как прожить оставшуюся жизнь? Озадачивает то, что не нахожу ответа на свой вопрос.

Править народом? Нет, народ неуправляем. Пусть этот груз взвалит на себя тот, кто пожелает обрести неисцелимый недуг, или пылкий юноша с неостывшим сердцем. А меня сохрани, Аллах, от непосильного бремени.

Умножать ли стада? Нет, не стоит заниматься этим. Пусть дети растят скот, коль им надобно. Не стану омрачать остатки дней своих, ухаживая за скотом на радость проходимцам, вора́м и попрошайкам.

Заняться наукой? Как постичь науку, когда не с кем словом умным перемолвиться? Кому передать накопленные знания, у кого спросить то, чего не знаешь? Какая польза от того, что будешь сидеть в безлюдной степи, разложив холсты, с аршином в руке? Знания оборачиваются горечью, приносящей преждевременную старость, когда нет рядом человека, с кем можно поделиться радостью и печалью.

А может, посвятить себя богослужению? Боюсь, не получится. Это занятие требует полного покоя и умиротворения. Ни в душе, ни в жизни не ведаю покоя, уж какое благочестие среди этих людей, в этом краю!

Воспитывать детей? И это мне не под силу. Воспитывал бы, да не ведаю, как и чему учить. Какому делу, с какой целью учить, для какого народа воспитывать их? Как наставить, куда направить, когда сам не вижу, где бы дети могли приложить свои знания? И здесь не нашел я себе применения.

Наконец решил: бумага и чернила станут отныне моим утешением, буду записывать свои мысли. Если кто найдет в них нужное для себя слово, пусть переписет или запомнит. Окажутся ненужными мои слова людям — останутся при мне. И нет у меня теперь иных забот.

СЛОВО ВТОРОЕ

В детстве мне приходилось слышать, как казахи смеялись над узбеками: «Ах вы, сарты широкополые, камыш издалика носите, чтобы крыши покрыть, при встрече лебезите, а за спиной друг друга браните, каждого куста пугаетесь, трещите без умолку, за что и прозвали-то вас сарт-сурт».

При встрече с ногаями тоже смеялись и ругали их: «Ногай верблюда боится, верхом на коне устает, пешком идет — отдыхает; и беглые, и солдаты, и торговцы — из ногаев. Не ногаем, а нокаем бы следовало вас называть».

«Рыжеголовый урус, этому стоит завидеть аул, как скачет к нему сломя голову, позволяет себе все, что на ум взбредет, требует «узун-кулака» показать, верит всему, что ни скажут», — говорили они о русских.

«Бог мой! — думал я тогда с гордостью. — Оказывается, не найти на свете народа достойнее и благороднее казаха!». Радовали и веселили меня эти разговоры.

Теперь вижу — нет такого растения, которое бы не вырастил сарт, нет такого края, где бы не побывал торговец сарт, нет такой вещи, которую бы он не смастерил. Живут миряне в ладу, вражды не ищут. Пока не было русских купцов, сарты доставляли казахам одежду для живых и саван для умерших, скупали гуртами скот, который отец с сыном между собой поделить не могли. Теперь, при русских, сарты раньше других переняли новшества. И знатные баи, и грамотные муллы, и мастерство, и роскошь, и учтивость — все есть у сартов.

Смотрю на ногаев, они могут быть хорошими солдатами, стойко переносят нужду, смиренно встречают смерть, берегут школы, чтут религию, умеют трудиться и наживать богатства, наряжаться и веселиться.

Мы же, казахи, батрачим на их баев за жалкое пропитание. Нашего бая они гонят из своего дома: «Эй, казах, не для того настлан пол, чтобы ты его грязными сапогами топтал».

Сила их в том, что неустанно учатся они ремеслу, трудятся, а не проводят время в унижительных раздорах между собой.

О просвещенных и знатных русских и речи нет. Мы — не ровня и их прислуге.

Куда сгинули наши былые восторги? Где наш радостный смех?

Сарт-сурт — треск, трещотка.

Ногаями казахи называли татар.
Нокай — бестолковый, тупой.

Узун-кулак — длинное ухо, т.е. быстрое распространение слухов.

СЛОВО ТРЕТЬЕ

В чем кроется причина разрозненности казахов, их неприязни и недоброжелательности друг к другу? Отчего слова их неискренни, а сами они ленивы и одержимы властолюбием?

Мудрые мира давно заметили: человек ленивый, как правило, труслив и безволен; безвольный — труслив и хвастлив; хвастливый — труслив, глуп и невежествен; глупый — невежествен и не имеет понятия о чести, а бесчестный побирается у лентяя, ненасытен, необуздан, бездарен, не желает добра окружающим.

Пороки эти от того, что люди озабочены только одним — как можно больше завести скота и стяжать тем самым почет у окружающих. Когда б они занялись земледелием, торговлей, стремились к науке и искусству, не произошло бы этого.

Родители, умножив свои стада, хлопчут о том, как бы стада у их детей стали еще тучнее, чтобы передать заботу о стадах пастухам, а самим вести праздную жизнь — досыта есть мясо, пить кумыс, наслаждаться красавицами да любоваться скакунами.

В конце концов их зимовья и пастбища становятся тесными, тогда они, употребив силу своего влияния или занимаемого положения, всеми доступными для них средствами выкупают, выманивают или отнимают уголья соседа. Этот, обобранный, притесняет другого соседа или вынужденно покидает родные места.

Могут ли эти люди желать друг другу добра? Чем больше бедноты, тем дешевле их труд. Чем больше обездоленных, тем больше свободных зимовий. Он ждет моего разорения, я жду, когда он обнищает. Постепенно наша скрытая неприязнь друг к другу перерастает в открытую, непримиримую вражду, мы злобствуем, судимся, делимся на партии, подкупаем влиятельных сторонников, чтобы иметь преимущество перед противниками, деремся за чины.

Потерпевший не будет трудиться — добивается достатка иным способом. Ни торговля, ни земледелие не интересуют его, он будет примыкать то к одной, то к другой партии, продавая себя, прозябая в нищете и бесчестии.

Воровство в степи не прекращается. Будь в народе единство, не стали бы люди мирволить вору, который, ловко пользуясь поддержкой той или иной группировки, только усиливает свой разбой.

Над честными сынами степи чинятся уголовные дела по ложным доносам, проводятся унижительные дознания, загодя находятся свидетели, готовые подтвердить то, чего не видели и не слышали. И все ради того, чтобы опорочить честного человека, не допустить его к выборам на высокие должности. Если гонимому ради своего спасения приходится обращаться за помощью к тем же негодяям, он поступает

ся своей честью; если не идет к ним на поклон — значит, быть ему несправедливо судимому, терпеть лишения и невзгоды, не находя в жизни достойного места и дела.

Достигнув власти хитростью и обманом, волостные не замечают тихих и скромных, а стараются наладить отношения с людьми, подобными себе — увертливыми и ухватистыми, рассчитывая на их поддержку, а пуще всего — опасаясь их вражды.

Сейчас в обиходе новая пословица: «Не суть дела, суть личности важна». Значит, добиться намеченного можно не правотою предпринятого дела, а ловкостью и хитроумием исполнителя его.

Волостные избираются сроком на три года. Первый год их правления проходит в выслушивании обид и упреков: «Не мы ли тебя выдвигали?». Второй год уходит на борьбу с будущими соперниками. И третий — в предвыборных хлопотах, чтобы снова быть избранным. Что остается?

Наблюдая, как народ чем дальше, тем больше погрязает в распрях, я пришел к выводу: в волостные нужно избирать людей, которые получили пусть небольшое, но русское образование. Если таковых нет, или есть, но их не хотят выдвигать, пусть волостные назначаются уездным начальством и военным губернатором. Это было бы полезно во многих отношениях. Во-первых, тщеславные казахи стали бы отдавать детей на обучение; во-вторых, волостные не зависели бы от прихоти местной знати, а подчинялись бы только высшему начальству. Дабы не плодить неизбежные доносы и клеветы и не давать им ходу, следовало бы оградить назначаемого от всяческих проверок и испытаний.

Мы имели возможность убедиться в бесполезности выборов биев-судей в каждой волости. Не всякому под силу вершить правосудие. Чтобы держать совет, как говорится, на «вершине Культобе», необходимо знать своды законов, доставшиеся нам от предков, — «Светлый путь» Касым-хана, «Ветхий путь» Есим-хана, «Семь канонов» Аз Тауке-хана. Но и они устарели со временем, требуют изменений и непогрешимых вершителей, коих в народе мало, а то и вовсе нет.

Люди, хорошо знающие казахов, говорили: «Если биев двое, то споров — четыре». Отсутствие верховного судьи и четное число биев только усложняют решение споров. Зачем наращивать количество биев? Не лучше ли выбрать из каждой волости по три образованных и толковых человека, не определяя срока их пребывания на посту, и смещать только тех, кто обнаружит себя в неблагоприятных делах.

Пусть бы споры решались двумя судьями и посредником, выбранным истцами. И только не сыскав истины у этих людей, не придя к мировой, спорящие обращались бы к одному из трех постоянных судей. Тогда бы суды не затягивались.

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ

Люди внимательные давно заметили — глупый смех равносителен опьянению. Опьянение ведет к проступкам, разговор с хмельным причиняет головную боль. Предаваясь пустому смеху, человек теряет совесть, отстраняется от дел, совершает непростительные ошибки, за что ожидает его возмездие, если не на этом, так на том свете.

Человек, склонный к размышлениям, всегда вдумчив, собран, будь то в делах мирских или перед судом смерти. Собранность в делах и мыслях — основа благополучия. Значит ли это, что мы должны постоянно предаваться унынию? Разве может душа лишь печалиться, не зная веселья и смеха? Нет, я вовсе не за то, чтобы мы только и знали что горевать беспричинно. Но стоит задуматься о своей беспечности, опечалиться этим и постараться избавиться от беспечности, заняв себя полезным делом. Не пустое веселье, а полезный и разумный труд исцелит душу.

Только слабые духом могут затвориться в себе, предаваясь горьким раздумьям, не находя утешения.

Если смеешься над глупостью человека дурного, смейся, не радуясь чужой глупости, а гневно. Такому смеху не будешь предаваться часто. Смех с досады — горький смех.

Смейся восторженно, искренне радуясь, когда видишь человека, обретшего благо, свершившего дела добрые, достойные подражания. Хороший пример учит сдержанности, вовремя остановит, не допустит опьянения.

Не всякий смех заслуживает одобрения. Существует же среди прочего смеха такой, что не идет из груди Богом данным путем, а рядится да пустым звоном рассыпается единственно ради того, чтобы прожурчать красиво.

Человек рождается на свет с плачем и уходит скорбя. В промежутке между этими двумя событиями, так и не изведав истинного счастья, не распознав до конца ценности и неповторимости дарованной ему жизни, он бездумно прожигает ее в унижительных ссорах и недостойных спорах. Спыхватывается, когда жизнь уже на исходе. И только тогда начинает понимать, что ни за какие сокровища мира невозможно продлить ее хотя бы на один день.

Жить хитростью, обманом, попрошайничеством — удел бездарных проходимцев. Веруй в Бога, надейся на свое умение и силы. На честный и самоотверженный труд даже твердь земная ответит всходами.

СЛОВО ПЯТОЕ

Печаль омрачает нам душу, леденит тело, сковывает волю и, наконец, изливается словами из уст или слезами из глаз. Я видел, как люди молились: «О, Аллах, сделай нас беспечными, как младенцев». Мнят себя страдальцами, обремененными тяжкими заботами и несчастьями, будто они разумнее детей. О заботах же их можно судить по пословицам: «Если жить осталось до полудня, делай запасы на день», «Нищему и отец становится чужим», «Скот для казаха — плоть от плоти его», «У богатого лик светел, а у бедного — все равно, что точило», «Жигит и волк добудут пищу в пути», «Стада почитаемых мужей находятся в людях, заботятся они о своем добре от безделья», «Рука, умеющая брать, умеет и давать», «Кто сумел нажиться, тот и прав», «Приносящий дары срывает завесу отчуждения», «Если на бая надежда плоха, то и на Бога не надейся», «Если голоден, скачи к дому, где поминки», «Берегись озера глубокого да народа немилосердного». Подобных пословиц множество.

О чем они говорят? Не о науке и знаниях, не о мире и справедливости радеет казах, ему бы разбогатеть, да не знает — как? Вот и ловчит, хитрит, чтоб хоть лестью выманить богатство у других, не удастся — будет люто враждовать со всем светом. Отца родного не прочь обобрать и не сочтет это позором для себя. Не принято у людей осуждать тех, кто добывает себе скот обманом, подлостью, попрошайничеством, разбоем или другими ухищрениями...

Чем же отличается их ум от детского? Дети боятся раскаленного очага, взрослых не утратить и адовым огнем. Дети, стыдась, готовы сквозь землю провалиться, а взрослые не ведают стыда. В этом их превосходство над детьми? Не раздай мы им того, что имеем, не позвошь мы им разорить себя, не опустишь мы до их уровня — они готовы отвернуться от нас.

И это народ, к которому мы тянемся душой?

СЛОВО ШЕСТОЕ

Одна из казахских пословиц гласит: «Начало успеха — единство, основа достатка — жизнь».

Но у каких людей бывает единство, и как они добиваются согласия между собой, казахи не знают. Полагают, что это — общность скота, имущества, еды. Если так, то какой прок от богатства и какой вред от нищеты? Стоит ли трудиться ради богатства, не избавившись прежде от родственников? Нет, единство должно быть в умах, а не в общности добра. Объединить можно людей различных по происхождению, религии и духу, щедро раздаривая им скот. Добиваться единства ценой скота — вот начало нравственного падения. Братья должны жить в согласии не потому, что находятся в зависимости один от другого, а надеясь на свои умения и силу, уповая каждый на собственную судьбу. Иначе они и Бога забудут, и делом не займутся, а станут искать напасти друг на друга. Погрязнут во взаимных обидах, будут клеветать, хитрить и обманывать друг друга. Как тут добиться единства?

«Жизнь — основа достатка». О какой жизни идет речь? О бытии ради того, чтобы душа тела не покинула? Но такое существование и собаке дано. Тот, кто дорожит такой жизнью, трепещет перед страхом смерти, становится врагом жизни небесной. Спасаясь, бежит от врага и слывет трусом, уклоняется от работы и слывет лодырем, превращается в противника истинного благополучия.

Нет, речь тут о другой жизни. О той, когда жива душа и ясен ум. Если ты жив, но душа твоя мертва, слова разума не достигнут твоего сознания, ты не сумеешь зарабатывать на жизнь честным трудом.

Бездельник, лживый зубоскал,
Нахлебник и нахал.
В душе холуй, на вид удал,
Не ведает стыда.

Будучи таким, не сочти себя за живого. Праведная смерть предпочтительнее такой жизни.

СЛОВО СЕДЬМОЕ

Ребенок рождается на свет, наследуя два начала. Первое из них требует еды, питья и сна. Это — потребность плоти, без этого тело не может служить пристанищем для души, не будет расти и крепнуть. Другое — тяга к познаниям. Младенец тянется к ярким вещам, берет их в рот, пробует на вкус, прикладывает к щеке. Встрепенется, услышав звуки дудки или свирели. Подросши, бежит на лай собаки, на голоса животных, на смех и плач людей, теряет покой, спрашивая обо всем, что видят глаза и слышат уши: «Что это? Зачем это? Почему он так делает?». Это уже потребность души, желание все видеть, все слышать, всему учиться.

Не раскрыв для себя видимых и невидимых тайн Вселенной, не объяснив всего себе, человеку не стать человеком. И бытие души такого человека тогда ничем не отличается от бытия иной твари.

Изначально Бог отличил человека от животного тем, что наделил его душой. Почему мы, повзрослев и поумнев, не ищем и не находим удовлетворения тому любопытству, что в детстве заставляло нас забывать о еде и сне? Почему мы не избираем путь тех, кто ищет знаний?

Нам бы неустанно ширить круг своих интересов, множить знания, которые питают наши души. Нам бы понять, что блага души несравненно выше телесных, и подчинить плотские потребности велению души. Но нет, не стали мы делать этого. Кликушествуя и каркая, не продвинулись мы дальше навозной кучи у аула. Душа правила нами только в детстве. Повзрослев и окрепнув, мы не позволили ей повелевать собой, подчинили душу телу, на все окружающее смотрим глазами, но не разумом, не доверяемся порывам души. Довольствуясь внешним видом того, что охватывает взор, не пытаемся вникнуть во внутренние тайны, полагая, что ничего не теряем от этого незнания. На замечания и советы людей умных отвечаем: «Ты живи своим умом, а я своим проживу», «Чем быть богатым чужим умом, лучше быть бедным, да по-своему». Мы не способны оценить их превосходства над нами, не понимаем смысла сказанного ими.

Нет ни искры в груди, ни веры в душе. Чем отличаемся мы от животного, если видим только глазами? В детстве мы были лучше. Тогда мы были человеческими детьми — стремились узнать как можно больше. Сейчас мы хуже скота. Животное не знает ничего, но и не стремится ни к чему. Мы не знаем ничего, но готовы спорить до хрипоты, отстаивая свою темноту, стремимся свое невежество выдать за знания.

СЛОВО ВОСЬМОЕ

Станет ли кто прислушиваться к нашим советам или внимать наставлениям? Кто-то волостной, а кто-то бий. Имея намерение учиться уму-разуму, разве стали бы они избираться на такие должности? Эти люди считают себя достаточно умными и стремятся к власти, чтобы учить и воспитывать других, будто бы достигли полного совершенства, и единственное, что им осталось — это других наставлять. Им ли слушать нас, да и захотели бы слушать, найдется ли у них на это время? Головы их заняты заботами: как бы ненароком не провиниться перед начальством, не обозлить вора, не смутить народ, не остаться внакладе, а найти выгоду. Кому-то надо пособить, кого-то вызволить. Все недосуг...

Богачи? Те ни в чем нужды не знают. Пусть на день, но им дано богатство, им кажется, что они владеют сокровищами чуть ли не половины мира, а чего им не хватает, то купят за скот. Взоры их высоко, а помыслы еще выше. Честь, совесть, искренность для них не дороже скота. Был бы скот, уверены, можно подкупить самого Бога. Скот заменяет им все — родину, народ, религию, родных, знания. Где им прислушиваться к чужим советам? Прислушался бы, да времени нет. Надо скотину напоить-накормить, выгодно продать, от вора и волка уберечь, от холода укрыть да найти человека, который бы занялся всем этим. Пока все уладит-утрясет, до похвальбы доведет. Недосуг и ему!

А вор-злодей да мошенник лукавый так или иначе никого слушать не станут.

Бедняки, что смиреннее овцы, озабочены своим пропитанием. Что им советы, знания, учение, когда все это не нужно богатым. «Не трогайте нас, беседуйте с теми, кто больше нашего понимает», — говорят они, будто, если беден, так и знания не нужны. Им ни до кого нет дела. Имея то, что имеют другие, они и горя бы никакого не знали.

СЛОВО ДЕВЯТОЕ

Я сам казах. Люблю я казахов или не люблю? Когда б любил, одобрил бы их нравы, нашел бы в их поведении какую-нибудь малость, что принесла бы мне радость или утешение, позволила бы довольствоваться не теми, так иными их качествами, и не померкла бы надежда моя. Но нет этого. Когда б не любил, не стал бы говорить с ними, делиться сокровенными мыслями, советоваться, входить в их круг, интересоваться их делами, спрашивая, что там делают, что происходит, полеживал бы себе спокойно, нет — так вовсе откочевал бы от них. Надежды такой, что они изменятся или я образумлю, исправлю их, тоже не питаю. Не испытываю ни одного из этих чувств. Как же так? Должен бы склониться к чему-то одному.

Я хоть и живу, живым себя не считаю. Не знаю, от досады ли на людей, от недовольства ли собой, а может, и по какой иной причине. Внешне жив, внутри все мертво. Сержусь, но не испытываю гнева. Смеюсь, но не могу радоваться. Слова, произносимые мной, и смех кажутся мне не моими. Все чужое.

В молодые годы и не помышлял о том, что можно оставить свой народ, любил казахов всей душой, верил в них. Когда же довелось узнать людей, когда постепенно угасла моя надежда, обнаружил: нет уже той силы, которая позволила бы покинуть родные края, породниться с чужими. Поэтому в груди у меня сейчас пустота. А вообще думаю: может, оно и к лучшему? Умирая, не буду страдать: «Увы, не привелось изведать еще такой-то радости!..». Не терзаясь сожалениями о земном, утешусь надеждой на предстоящее.

СЛОВО ДЕСЯТОЕ

Люди молят Бога о ребенке. Зачем человеку ребенок? Говорят, надо наследника оставить, чтобы сын кормил родителей на старости лет, молился за них после их смерти. Только и всего?

Что значит оставить наследника? Боишься, после смерти твое имущество окажется без хозяина? Тебе ли печалиться о вещах, которые останутся после тебя? Или тебе жаль оставить их людям? Какие сокровища ты нажил, чтобы жалеть о них?

Хороший ребенок — в радость, плохой — в тягость. Как знать, какого ребенка даст тебе Бог? Или тебе недостаточно унижений, которые ты вынес за свою жизнь? Или мало гнусностей сотворил ты своими руками? Почему тебе хочется еще породить ребенка, вырастить его таким же негодяем, обречь его на те же унижения?

Хочешь, чтобы сын молился за тебя после твоей смерти? Если в жизни ты делал людям добро, кто не помолится за упокой твоей души? Но если ты чинил только зло, что тебе молитвы сына? Разве он совершит за тебя те благодеяния, которых ты сам не совершил?

Если просишь ребенка для радостей потусторонней жизни, значит, заведомо желаешь ему ранней смерти. Если просишь для радостей этой жизни, разве родится у казаха такой сын, который бы, возмужав, окружил родителей заботой, ограждал их от мук? Твоему ли народу, такому ли отцу, как ты, воспитать подобного сына?

Ты хочешь, чтобы он кормил тебя, когда ты одряхлеешь? И это пустое. Во-первых, доживешь ли ты до немощной старости? Во-вторых, вырастет ли твой сын настолько милосердным, чтобы заботиться о твоей старости? Если у тебя есть скот, кто не возьмет на себя заботы о тебе? Не будет скота, еще неизвестно, кто и как будет кормить тебя. Также неизвестно, будет твой сын множить добро или примется транжирить нажитое тобой.

Хорошо. Скажем, Бог услышал твои молитвы, дал тебе сына. Сумеешь ты дать ему хорошее воспитание? Нет. Не сумеешь. Мало тебе своих грехов, погрязнешь еще и в грехах сына.

С самого начала жизни будешь обманывать ребенка, суля ему то одно, то другое. И будешь радоваться, что удалось обмануть. Кого будешь винить, когда он вырастет лгуном? Учишь его сквернословить, поносить других, чуть что — защищаешь: «Не троньте этого упрямца». Потакаешь его озорству. Отдавая в учение, выбираешь муллу за малую плату, лишь бы научить ребенка читать и писать, учишь хитрости и подлости, вселяешь в его душу недоверие к сверстникам, прививаешь дурные склонности. Это и есть твое воспитание? И от этого ребенка ты ждешь милосердия?

Люди так же молят Бога и о богатстве. Зачем человеку богатство? Ты молил Бога? Молил. Бог тебе дает, а ты не берешь! Дал он тебе силы, чтобы ты мог трудиться и наживаться. Разве ты тратишь эту силу на праведный труд? Нет. Бог дал тебе силы, чтобы ты мог учиться, дал разум, способный усвоить науки, но неизвестно, на что ты потратил их. Кто не сумеет разбогатеть, если будет трудиться без лени, добиваться без усталости, творить с умом?! Но тебе ведь не это нужно, тебе хочется получить богатство, запугивая, выпрашивая, обманывая других. Разве это мольба? Это попрошайничество, разбой, чинимый утратившим совесть и честь.

Ну, скажем, выбрал ты этот путь, добыл себе скот. Так используй его на то, чтобы получить образование. Не для себя, так для сына. Без просвещения нет ни веры, ни блага. Без знаний ни намаз, ни посты, ни паломничества не достигнут цели. Я еще не встречал человека, который бы, добыв богатство разбойным путем, использовал его на благое дело. То, что добыто собачьим путем, и тратится по-собачьи. И не остается от такого богатства ничего, кроме горечи разочарования, злобы, душевных мук.

Пока богатство в его руках, он кичится им. Растратив, хвалится тем, что и он когда-то был богат. Обеднев, опускается до попрошайничества.

СЛОВО ОДИННАДЦАТОЕ

Чем промышляет, как живет народ? Есть два средства. Одно из них — воровство. Вор надеется разжиться краденым; бай думает умножить свои стада, вернув похищенное с лихвой; власть имущий, обещая баю сыскать и возратить пропажу, а вору — избежать правосудия, обирает обоих. Обыватель плутует, донося на вора властям, в то же время оказывая ему мелкие услуги и скупая у него ворованное по дешевке. И другое — мошенники надоемливает людей на хитрости, о которых они и не помышляют; подстрекают: сделай так — и станешь знатным, сделай эдак — добудешь несметные богатства, обретешь славу неуязвимого, устрашишь недругов. Разжигая нездоровые страсти, натравливая людей друг на друга, надеются сгодиться кому-нибудь из них, на том и греют руки.

Так и живут: вельможный — помогая баю и пособляя вору, бедняк — подыгрывая власть имущим, поддерживая их в спорах, примыкая то к одной, то к другой партии, за здорово живешь поступаясь собственной честью, продавая жену, детей, сородичей.

Не будь вора и мошенника, задумался бы народ. Он бы и рад трудиться честно, тянуться к добру и знаниям, когда бы бай довольствовался тем, что имеет, а бедняк, не теряя надежды и веры, добивался бы того, чего ему не хватает.

Простой люд невольно посредничает в грязных делах. Кому под силу искоренить сие зло? Неужели канут в забвение понятия чести и совести, клятвы и верности?

Нашлась бы сила, способная укротить вора, но кто и каким путем образумит бая, из алчности потакающего лукавым наущениям мошенника?

СЛОВО ДВЕНАДЦАТОЕ

Когда кто-то учит других Слову Божьему, хорошо ли, плохо ли делает он свое дело, у нас язык не повернется запретить ему проповедь, ибо нет ничего предосудительного в делах благонамеренных. Пусть наставляет, если даже сам недостаточно просвещен. Но ему следует помнить два непреложных условия.

Прежде всего он должен утвердиться в своей вере, во-вторых, пусть слишком не довольствуется тем, что знает, а постоянно совершенствуется. Если кто оставляет учебу, не завершив ее, тот лишает себя Божьего благословения, от его наставлений прока не жди. Что толку, если, обернув голову чалмой, строго соблюдая посты, совершая моления, он напускает на себя благообразие, но не знает, в каких местах требуется повторение или в каком месте может прерваться тот или иной намаз?

Кто небрежен, не соблюдает себя в строгости, не умеет сострадать, того нельзя считать верующим. Без бережливости и внимания не удержать в душе иман — веру.

СЛОВО ТРИНАДЦАТОЕ

Иман — есть незыблемая вера в Единого и Всемогущего Создателя, о бытии и существовании которого дано нам знать из посланий через его Пророка, да благословит Аллах его имя!

Существует двоякий путь верования.

Одни принимают веру, убедившись в ее необходимости и справедливости, укрепляют ее в себе разумными доводами. Эту веру мы называем «якини иман».

Якини иман
(араб.) —
истинная вера.

Другие веруют, черпая познания из книг и со слов муллы. Этим людям требуется особая приверженность к предмету своей веры, твердость духа, дабы выстоять перед соблазнами тысячи искусителей и не дрогнуть даже перед лицом смерти. Это есть «таклиди иман».

Таклиди иман
(араб.) —
традиционная
вера.

Чтобы сохранить в себе иман, необходимо иметь отважное сердце, твердую волю, уверенность в своих силах. Но как нам быть с тем, кто не имеет знаний, позволяющих отнести его к приверженцам «якини имана», или не имеет твердых убеждений, легко поддается соблазнам и уговорам, из корысти называет черное белым, белое — черным, клянется, выдавая ложь за правду. Как назвать его сторонником «таклиди имана»? Сохрани нас, Аллах, от таких людей. Каждый должен помнить — не существует имана помимо упомянутых.

И пусть вероотступники не рассчитывают на беспредельность Божьей милости, они не заслуживают ни прощения Аллаха, ни защиты Пророка. Будет проклят тот, кто принимает за истину ложные пословицы: «Острие меча сильнее клятвы», «Нет греха, которого не простил бы Аллах».

СЛОВО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Есть ли у человека что-либо драгоценнее его сердца? Называя кого-то человеком с сердцем, люди почитают его за батыра. Другие качества сердца они себе ясно не представляют. Милосердие, доброта, умение принять чужого за родного брата, желая ему благ, которые бы пожелал себе, — все это веление сердца. И любовь — желание сердца. Язык, повинувшись сердцу, не солжет. Только лицемеры о сердце забывают. Те же, кого молва кличет «человеком с сердцем», часто оказываются людьми не стоящими похвалы. Если у них не в чести учтивость, верность данному обету, отвращение от зла, способность вести за собой заблудших, а не плестись за толпой жалким псом, умение смело постоять за правое дело, когда это трудно, не отступить от истины, когда это сделать легче легкого, то в груди тех, кого люди почитают за батыров, бьется не обыкновенное, а волчье сердце.

Казахи ведь тоже дети человеческие. Многие из них сходят с пути истины не от недостатка разума, а от того, что не имеют в сердце мужества и стойкости, чтобы принять советы умного и следовать им. Многим из тех, кто уверяет, будто совершил зло по незнанию, я не верю. Есть у них знания, но постыдное безволие и лень заставляют их пренебрегать этими знаниями. Оступившись раз, редко кто находит в себе силы для исправления.

Те, кого люди называют крепкими жигитами, храбрыми жигитами, ловкими жигитами, чаще всего подбивают друг друга на темные, скверные дела. Их слепое подражание друг другу, безумная удаль приводят к несчастьям.

Если человек, предавшись дурным поступкам, безудержному бахвальству, не в силах остановиться и взыскать с себя, не пытается очиститься перед Богом или собственной совестью, как назвать такого жигитом?

Впору задаться вопросом — ч е л о в е к ли он?

СЛОВО ПЯТНАДЦАТОЕ

Между умными и глупыми людьми, по-моему, есть существенная разница.

Родившись на свет, человек не может жить, не увлекаясь интересными вещами. Дни увлечений и поисков остаются в памяти самыми светлыми днями его жизни.

Разумный человек интересуется достойными, серьезными делами, упорно добивается своей цели, и даже воспоминания о перенесенных невзгодах на пути к ней ласкают слух и радуют сердце. В нем не найдешь и тени сожаления о прожитых годах.

Легкомысленный человек тратит время на ничего не стоящие, пустые, бессмысленные затеи. Хватившись, обнаруживает, что лучшие годы пролетели напрасно и позднее раскаяние не приносит ему утешения. В молодые годы он ведет себя так, будто молодость бесконечна, не сомневается, что впереди его ждут еще более заманчивые утехи и радости. Но очень скоро, утратив былую силу и гибкость, он оказывается не годным ни на что.

И еще одно искушение подстерегает людей, страстно увлекающихся. Достижение успеха или приближение к нему дурманит им головы, пьянит. Хмель застигает разум, заставляет совершать оплошности, человек невольно привлекает к себе внимание окружающих, становится объектом людских пересудов и насмешек.

Разумные в такие критические моменты не теряют рассудка, сдержанны и не выставляют своих чувств на всеобщее обозрение.

Глупый же скачет на неоседланном коне, воздев глаза к небу, словно обезумев, потеряв в пылу шапку и не обращая внимания на то, что полы его чапана покрывают зад лошади...

Вот что я видел.

Желаешь быть в числе умных людей, спрашивай себя раз в день, раз в неделю или хотя бы раз в месяц: как ты живешь? Сделал ли ты что-нибудь полезное для своего образования, для земной или потусторонней жизни, не придется ли тебе потом испить горечь сожаления?

Или же ты сам не заметил, не помнишь, к а к и ч е м жил?

1893

СЛОВО ШЕСТНАДЦАТОЕ

Казах не беспокоится о том, угодны ли Богу его моления. Он делает только то, что делают другие — встает и падает, молясь. С Богом обходится примерно как с купцом, явившимся за долгом: «Это все, что имею, хочешь — бери, не хочешь — не из-под земли же я достану тебе скот». Не будет утруждать себя, думая, ломая язык, обучаясь, заботясь об очищении веры. «Это все, что знаю, не братья же за учебу на старости лет. Главное — не попрекнули бы, что не молюсь, а что язык коряв — не беда».

Разве у него язык устроен не так, как у других?

СЛОВО СЕМНАДЦАТОЕ

Воля, Разум и Сердце обратились однажды к Науке, чтоб разрешить спор: кто из них важнее.

Воля сказала: «Эй, Наука, ты ведь знаешь, без меня ничто не достигает совершенства: чтобы познать себя, надо упорно учиться, а без меня этого не сделать; служить Всевышнему, поклоняясь ему, не ведая покоя, можно только с моей помощью. Нельзя, если меня нет, добиться в жизни богатства, мастерства, уважения, карьеры. Разве не я оберегаю людей от мелких страстей и держу их в узде, не я ли предупреждаю их от греха, зависти, соблазнов, не я ли помогаю им собрать свои силы и в последнюю минуту удержаться на грани пропасти? Как могут спорить со мной эти двое?».

Разум сказал: «Только я способен распознать, какое из твоих слов полезно, а какое — пагубно, будь то в земной или загробной жизни. Только мне дано постигнуть твой язык. Без меня не избежать зла, не найти выгоды, не постичь знаний. Почему эти двое спорят со мной? На что они годятся без меня?».

Сердце сказал: «Я — владыка человеческого тела. Кровь идет из меня, душа обитает во мне, без меня жизнь невысказана. Я лишая сна, заставляю ворочаться тех, кто лежит в мягкой постели, вынуждаю их думать о бедных, не имеющих крова, мерзнущих и голодающих. По моей воле младшие почитают взрослых и снисходительны к меньшим. Но люди не стараются сберечь меня в чистоте и от этого страдают сами. Будь я чистым, не стало бы я делать различий между людьми. Я восторгаюсь добродетелью, я восстаю против зла и насилия. Человеческое, совесть, милосердие, доброта — все исходит от меня. На что годятся эти двое без меня? Как они смеют спорить со мной?».

Выслушав их, Наука ответила:

«Воля, ты все верно сказала. В тебе еще много достоинств, о которых ты не упомянула. Ничего нельзя достигнуть без твоего участия. Но ведь в тебе таится и жестокость, равная твоей силе. Ты тверда в служении добру, но не меньшую твердость проявляешь и в служении злу. Вот что плохо в тебе.

Разум! И ты прав. Без тебя невозможно добиться в жизни чего-либо. Благодаря тебе мы узнаем о Создателе, посвящены в тайны двух миров. Но это не предел твоих возможностей. Лукавство и коварство — тоже творения твоих рук. И добрый, и злой опираются на тебя, ты верно служишь и тому, и другому. Вот в чем твой изъян.

Моя задача — помирить вас. Хорошо бы, повелителем и вершителем в этом споре явилось Сердце.

Разум! У тебя множество путей-тропинок. Сердце не может следовать по каждой из них. Оно не только радуется твоим добрым замыслам, но и сопутствует тебе в них с охотою. Но оно не последует за тобой, если ты замыслил недоброе, и даже отстранится от тебя с брезгливостью.

Воля! В тебе много силы и мужества, но и тебя Сердце способно удержать. Оно не станет препятствовать в деле благоразумном, но в деле ненужном повяжет тебя по рукам.

Вам следует объединиться и во всем повиноваться Сердцу. Если вы все трое мирно уживетесь в одном человеке, то прахом с его ног можно будет исцелять незрячих. Не найдете согласия, я отдам предпочтение Сердцу. Берегите в себе человечность. Всевышний судит о нас по этому признаку. Так сказано и в Писании», — сказала Наука.

СЛОВО ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Человек должен одеваться скромно, содержать одежду в чистоте, быть опрятным. Тратить на одежду больше, чем позволяют средства, обременять себя излишней заботой о внешности могут только щеголи.

Щеголи проявляют себя по-разному. Один холит лицо, лелеет усы и бороду, нежит тело, ступает с важностью — то брови вскинет томно, то пальцами стучит, то локоть в сторону отставит. Другой же подчеркнуто небрежен в своем щегольстве и старается прослыть к тому же простецким парнем — как будто нечаянно, вскользь обронит про лучшего скакуна и свои богатые наряды, мол, ничего особенного; усердствует, привлекая к себе внимание тех, кто стоит выше; вызывает зависть в равных себе, а среди низших слывет примером недостижимой изысканности и роскоши. О нем говорят: «О чем можно тужить, имея такого коня и одеваясь как он?».

Все это и нелепо, и стыдно.

Пусть никто не увлечется этой блажью, иначе трудно будет ему вернуть истинно человеческий облик.

В слове «кербез» вижу родство со словами «кер» и «керден», предостерегающее людей от этих пороков.

Человек должен отличаться от других умом, знаниями, волей, совестью, хорошим нравом. Думать, что можно возвыситься иначе, может только глупец.

*Кербез — франт,
щеголь.*

*Кер — чванливый.
Керден — спесивый.*

СЛОВО ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Дитя человеческое не рождается на свет разумным. Только слушая, созерцая, пробуя все на ощупь и на вкус, оно начинает познавать разницу между хорошим и плохим. Чем больше видит и слышит дитя, тем больше узнает. Многого можно усвоить, внимая словам разумных людей. Недостаточно обладать разумом. Только слушая и запоминая наставления знающих, избегая пороков, можно стать полноценным человеком.

Но если человек в постижении мудрых речей неуместно восторгается или, наоборот, вял, рассеян, не переспрашивает непонятого, не старается вникнуть в суть сказанного или же не делает для себя никаких выводов, хотя чувствует их справедливость и пользу, что толку от того, слушает он или не слушает?

О чем говорить с человеком, который не знает цену слову?
Как сказал один мудрец, лучше пасти свинью, которая признает тебя...

СЛОВО ДВАДЦАТОЕ

Все мы знаем — ничто не властно над судьбой. Человеку свойственно чувство пресыщения, оно не возникает по желанию, а определяется судьбой. Изведав однажды пресыщение, уже не освободиться от него. Если даже собравшись с силами, отбросишь его, оно будет настигать и одолевать тебя.

Чем только человек не пресыщается! В большей или меньшей мере ему надоедает все — еда, развлечения, щегольство, пиры, компании, стремление превзойти других, женщины. Рано или поздно обнаружив порочность, бессмысленность всего, он разочаровывается и охладевает.

Жизнь человека, его судьба, так же, как и все, что существует на свете, переменчивы. Ничему живому на земле не дано состояние покоя. Откуда же взяться постоянству чувств?

Испытать пресыщение дано людям умным, которые в жизни стремятся к совершенству, многому знают цену, разборчивы, способны постичь никчемность и суетность земного бытия. Постигшим скоротечность и тленность земной радости сама жизнь кажется постылой.

Я подумал: блажен тот, кто глуп и беспечен.

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Трудно удержаться от самодовольства, будь оно в большей или меньшей степени. Я отметил два вида его: это г о р д ы н я и б а х в а л ь с т в о.

Горделивый человек сам себе дает высокую оценку. Прилагает все усилия, чтоб не прослыть в народе невеждой, легкомысленным, не сдерживающим своих обещаний, невоспитанным, чванливым, бессовестным лгуном, злопыхателем, мошенником. Понимает всю унижительность этих пороков, стремится быть выше их. Это свойство человека разумного, совестливого, возвышенного. Он согласен с тем, чтоб о нем не говорили ничего хвалебного, и сделает все возможное, чтоб его имя не поносили.

Другой же, бахвал, усердствует, чтоб о нем говорили как можно больше. Пусть все знают, что он — батыр, богат, родовит... Он упускает из виду, что люди непременно скажут и то, чего человеку не очень хотелось бы слышать о себе. Не то чтобы он забыл об этой стороне известности, просто даже не обращает внимания на эту непременно изнанку славы. Такие хвастуны обычно бывают трех видов.

Первый из них одержим желанием прославиться в чужих краях, среди незнакомых ему людей. Он невежда, но в нем еще теплятся некоторые человеческие качества.

Другой хочет стать известным и быть хваленым в своем роду. Невежество этого — полное, человечности явно недостает.

Третий ищет, чем бы похвастаться перед своими домочадцами или в своем ауле, ни один человек со стороны не одобрил бы его похвальбы. Вот этот — невежда из невежд, и он уже н е ч е л о в е к.

Тот, кто желает заслужить похвалу среди чужих, будет стараться отличиться в своем роду. Тот, кто желает быть хваленым в своем роду, будет добиваться похвалы у своих близких. Тот, кто ищет похвалы у близких, уверен, добьется ее, расхваливая и вознося до небес самого себя.

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Думаю, кого среди казахов сегодня я бы мог любить или уважать? Уважал бы ба я, да нет нынче такого; если и есть, он не хозяин своей воли и своего богатства. Враждует с одними, из осторожности раздает скот другим, оказываясь в итоге обязанным доброй сотне людей. Думает, оказал милость, откликнувшись на их покорные просьбы. По глупости своей так думает. Он сам находится в зависимости от них. Ни щедрым, ни милосердным его не назвать. На родной земле со своим народом бьется, добром сорит, распинаясь перед недостойными. Там, где баи не находят между собой согласия, плодятся всякого рода проходимцы, страшат их и живут за их счет.

Стал бы уважать мы р з у. Но не встретить в наши дни истинно щедрых, а тех, кто без толку раздает скот направо и налево, больше, чем собак. Одни раздают скот добровольно, желая сыскать выгоду, другие — поневоле, иной так суетится, стараясь мырзой прослыть, будто приложили ему к одному месту просоленную кошму, да только чаще всего тоже оказывается жертвою лиходеев.

Уважал бы волостного и б и я. Однако нет в степи божеской управы и суда. Власть, заслуженная низкопоклонством или купленная за деньги, дорогого не стоит.

Хотел бы уважать с и л ь н о г о, но вижу — все у нас крепки на худое дело, готовых на добрые дела — не сыскать.

Найти бы человека у м н о г о и ему оказать почести. Но нет человека, чей бы ум был скор в служении делу совести и справедливости, а на хитрость и вероломство всяк горазд.

Уважал бы у б о г о г о и н и щ е г о, но ведь и его не сочтешь безгрешным. Не смотри, что на лежащего верблюда не может сесть. Будь у него сила, найдется и сноровка прихватить для себя что-нибудь тишком.

Остался кто? Х и т р е ц да х в а т. Этих нам не унять! Они других и разорят, и по миру пустят...

И что же, кого нам любить, за кого молиться? Смердящие волостные и бии — не в счет. Остается тот т и х и й б а й, живущий по причине своей кротости согласно пословице «Коль ищешь достатка, избегай раздоров». Этот у всех в немилости, хотя и раздает одну половину своего богатства, а другую половину тщится уберечь от вора и насильника.

Делать нечего, — его нам жалеть, за него молиться.

Никого другого я не нашел.

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

Есть одна радость и одно утешение, которые проклятием висят над казахом.

Р а д у е т с я он, встречая скверного человека или чьему-то дурному поступку, которого он сам не совершил, радуется и говорит: «Сохрани нас, Аллах, от такого-то! Ведь и он считает себя человеком, рядом с ним мы — люди совсем чистые, совсем светлые». Разве Аллах сказал, что ему достаточно быть лучше такого-то? Или, может, умные люди пообещали, что он не будет зачислен в плохие, коли разыщет человека, превосходящего его в невежестве и порочности? Разве станешь лучше, равняясь на мерзавца? Добру учатся у добрых людей. Можно понять того, кто на скачках приходит одним из первых и интересуется, сколько лошадей впереди него. Но какой смысл спрашивать, сколько скакунов осталось позади? Какая радость знать проигравшему, пять или десять скакунов он обогнал?

В чем казах находит у т е ш е н и е? Он говорит: «Не мы одни такие, все так поступают, не следует выделяться, лучше быть с большинством. Той, который празднуешь со всеми, самый большой той». Разве Аллах велел ему существовать только в толпе? Или Аллах уже не властен над толпой? Или у Всевышнего не хватит оков на толпу? Разве высокой наукой овладевает любой человек? Или она под силу лишь единицам? Может, люди все до единого одарены гением? Или гениальность осеняет только одного из тысячи? Разве толпу нельзя унижить? Разве будет легче от того, что половину людей поразит недуг, а другая половина останется здоровой? Разве не нужен один человек, хорошо знающий местность, когда тысячи блуждают, не зная ее? Что лучше для путников, если разом оголодают все лошади или будет сытой хотя бы половина их? Что лучше, когда пострадает от джута весь народ или уцелеет хотя бы половина его? В чем утешение одному дураку от того, что рядом находятся тысячи других безмозглых? Покорит ли невесту негодный жених, заявив, что у всего его рода дурно пахнет изо рта? Утешится ли невеста, узнав, что не только ее суженый обладает этим изъяном?

Той — праздник, пиршество.

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ

Абай приводит здесь неточные цифры. По итогам переписи населения 1897 года, казахов, проживавших в областях, сопредельных с Российской империей, насчитывалось 4 млн. 84 тыс. (Володарский Я.Е. Население России за 400 лет. XVI—XX вв. М., 1973. С.111).

Говорят, нынче на земле живет более двух миллиардов человек. Из них нас, казахов, более двух миллионов.

Казахи отличаются от всех других народов своим стремлением к богатству, поиском знаний, постижением искусства, проявлением чувства доброжелательности, силы, хвастовства или враждебности.

Мы враждуем, разоряем друг друга, следим друг за другом, не давая ближнему своему и глазом моргнуть.

Есть на свете города с численностью жителей более трех миллионов. Есть на свете люди, которые трижды обошли шар земной.

Неужели нам так и жить, подстерегая друг друга, оставаясь ничтожнейшими из всех народов на земле? Или все-таки наступят светлые дни, когда люди забудут воровство, обман, злословие, вражду и устремятся к знаниям, обучатся ремеслу, начнут добывать богатства честным, достойным путем.

Вряд ли наступят такие дни. Сейчас на каждые сто голов скота зарятся двести человек. Разве они утихомятся, пока не уничтожат друг друга?

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ

Хорошо бы дать казахским детям образование и вполне было бы достаточно научить их сначала хоть тюркской грамоте. Но наша земля — Дар-аль-Харб, к тому же, чтобы отдать детей учиться, надобно скопить богатство, необходимо знать персидский и арабский языки. Голодному ли сохранить ясность ума, радеть о чести, питать прилежание к учению? Скудость достатка, межродовые раздоры способствуют развитию в людях таких дурных наклонностей, как воровство, насилие, стяжательство. Будет скот — значит, брюхо будет сыто. А там появится и тяга к знаниям, ремеслу. Начнут люди подумывать, как бы получить образование или хотя бы детей чему-нибудь научить.

Нужно учиться русской грамоте. Духовные богатства, знания, искусство и другие несметные тайны хранит в себе русский язык. Чтобы избежать пороков русских, перенять их достижения, надо изучить их язык, постичь их науку. Потому что русские стали такими, какие они есть, узнавая иные языки, приобщаясь к мировой культуре. Русский язык откроет нам глаза на мир. Изучив язык и культуру других народов, человек становится равным среди них, не унижается никчемными просьбами. Просвещение полезно и для религии.

Тот, кто живет раболепствуя, готов продать мать с отцом, родных и близких, веру и совесть ради милостивого похлопывания по плечу. Иной не смотрит на то, что зад оголился, ему лишь бы заслужить одобрительную улыбку чиновника.

Русская наука, культура — ключ к мировым сокровищницам. Владеющему этим ключом все другое достанется без особых усилий.

Казахи, обучающие детей в русских школах, пытаются использовать их грамотность как знак превосходства в распрях с сородичами. Избегай этих намерений. Стремись научить детей честным и разумным трудом добывать свой хлеб, пусть другие последуют доброму примеру, тогда мы не будем терпеть произвол вельможничающих русских, коль у них нет единого для всех закона. Нужно учиться, чтобы узнать то, что знают другие народы, чтобы стать равными среди них, чтобы стать защитой и опорой для своего народа. Пока из той молодежи, что получила русское образование, не вышло выдающихся личностей. Потому что родители и родственники портят их, сбивают с праведного пути. И тем не менее они намного лучше тех, кто не получил никакого образования. Жаль только, что всей их образованности хватает лишь на то, чтобы растолковывать чужие слова. Состоятельные люди редко отдают своих детей в учение, они скорее всего отдадут детей бедняков на поругание и унижение русским учителям. Чему они могут научиться, эти несчастные?

Дар-аль-Харб (араб.) — территория, где не господствует мусульманский религиозный закон.

Ссорясь с родственниками, некоторые восклицают: «Чем терпеть ваши обиды, отдам сына в солдаты, а сам отращу волосы и бороду!». Не боятся такие люди ни божьей кары, ни людского позора. Чего может достичь отпрыск такого человека, если даже и получит образование? Да и многое ли даст ему это образование? Далек ли уйдет он от других? Учится абы как: пришел, посидел, ушел. Никакого стремления, никакого усердия. Отец с трудом соглашается отдать ребенка в учение даже тогда, когда кто-то другой берет на себя все расходы. А если платить самому, разве он согласится расстаться с добром ради обучения ребенка?

Мой тебе совет — можешь не женить сына, не оставлять ему богатых сокровищ, но обязательно дай ему русское образование, если даже придется расстаться тебе со всем нажитым добром. Это стоит любых жертв.

Бога почитай, людей стыдись! Если хочешь, чтобы сын твой стал человеком, отдай его в учение! Не жалея добра!

Останется он необразованным негодяем, кому от этого польза? Станет ли он утешением для тебя? Будет ли счастлив сам? Облагодетельствует ли свой народ?

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ

Казах бывает рад до безумия, когда его скакун на состязаниях приходит первым, борец, выставленный им, побеждает в поединке, борзая или ловчий сокол отличаются на охоте. Не знаю, бывает ли в его жизни большая радость? Пожалуй, нет!

Но что за удовольствие находит он в том, что одно животное превосходит другое в ловкости и быстроте, или в том, как один человек повергает наземь другого? Ведь не он опередил и даже не сын его поборол кого-то. А оттого все, что у казаха нет большего врага, чем другой казах. Бурно восторгаясь по ничтожнейшему поводу, один старается своей радостью досадить другому, породить в нем зависть.

Известно, вызывать в людях зависть намеренно — значит, нарушать шариат, вредить своим делам, противиться здравому рассудку. Что за утешение приносит им чужая злоба? Почему это доставляет им удовольствие? И почему те, другие, огорчаются их успехам, чувствуют себя чуть ли не униженными?

Кровных скакунов заводят то в одном, то в другом ауле, ловчая птица, хорошая собака оказываются в руках то одного, то другого. И силачи не все родом из одного аула. Все эти достижения не являются плодом творения человеческих рук. Однажды опередивший, однажды осиливший не остаются быстрее и сильнее навсегда. Так почему люди, зная об этом, досадуют так, как если бы обнаружили их собственные черные замыслы или постыдные дела? Огорчаются, словно их с землей сровняли?

Нетрудно догадаться: невежественный человек радуется всякому пустяку, не стоящему внимания. Радуясь, он теряет рассудок, хмелеет, не помнит, что говорит и творит. Стыдится не того, чего надобно стыдиться, и, совершив дело неприглядное, не покраснеет.

Вот они, признаки невежества и безрассудства. Скажи ему об этом, будет слушать и поддакивать: «Да-да, все верно». Но не вздумай поверить его словам, он — один из тех, многих. Видя глазами, понимая умом, он, словно безвольное животное, не в силах отказаться от порочного. И никому не под силу обуздать, переубедить, образумить его. Взяв за правило дурные поступки, уже никогда не отречется он от них. Только великий страх или смерть способны разлучить его с вредной привычкой.

Не встретить человека, который, признав свою неправоту, пытался бы обуздать себя.

СЛОВО ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ

Это слова Сократа, сказанные им ученому, одному из своих последователей, Аристодему, о служении всемогущему Создателю. Аристодем часто подсмеивался над верующими.

— Эй, Аристодем, как ты думаешь, есть на свете люди, творения которых были бы достойны восхищения?

— Их множество, учитель, — ответил тот.

— Назови хотя бы одного из них.

— Меня восхищают поэзия Гомера, трагедии Софокла, умение иных перевоплощаться в чужие образы, также я восхищаюсь живописью Зевксиса, — Аристодем назвал еще несколько известных имен.

— Кто, по-твоему, достоин большего восхищения: тот, кто создает безжизненное изображение человека, или Всевышний, сотворивший человека с его разумом и живой душой?

— Достоин последний. Но только в том случае, если его творения созданы силой разума, а не волей случая.

— В мире много полезных вещей. Польза одних очевидна, о назначении других нельзя судить по внешнему виду. Как ты думаешь, какие из них сотворены силой разума, какие — случайно?

— Разумеется, вещи, польза которых очевидна, — творения разума.

— Хорошо. Создавая человека, Всевышний наделил его пятью органами чувств, зная об их необходимости человеку. Он дал глаза, чтоб видеть, без них мы не могли бы наслаждаться красотами мира. Чтоб можно было открывать и закрывать глаза, даны веки, чтоб уберечь их от ветра и сора, даны ресницы, чтоб отвести от глаз пот, стекающий со лба, даны брови. Не будь у нас ушей, мы не могли бы слышать ни грохота, ни нежных звуков, не смогли бы наслаждаться пением и музыкой. Не имей мы носа, не могли бы различить запахов, нас не тянуло бы к ароматам, не отвращало бы от зловония. Не имея языка и нёба, не отличали бы сладкое от горького, мягкое — от жесткого.

Разве все это не на пользу сотворено?

Наши глаза и нос расположены близко ко рту, чтобы мы могли видеть и обонять запах того, что едим. Другие необходимые нам, но вызывающие брезгливость, отверстия находятся далеко от благородных органов, расположенных на голове.

Разве это не свидетельствует о том, что Бог создавал нас обдуманно?

Подумав, Аристодем признал, что Создатель поистине всемогущ и создавал свои творения с огромной любовью.

— Тогда скажи мне, все живое, что создано, питает нежную любовь к своему детенышу, все живое ненавидит смерть, старается прожить как можно дольше, заботится о продлении рода. Все создано для жизни и продолжения ее. Разве не из любви Бог создал их любящими, созидающими жизнь?

— Эй, Аристодем, — продолжал Сократ, — как ты можешь думать, что кроме тебя, человека, никто не обладает разумом? Разве не напоминает человеческое тело крупницу земли, по которой он ходит? Разве влага твоего тела — не капля всей земной влаги? Откуда у тебя разум? Откуда бы он ни был, только благодаря душе, данной тебе, ты стал вместилищем столь высокого разума. Ты только видишь совершенство, цельность и гармонию закона, по которому создана природа, видишь, поражаясь, но не охватить тебе сознанием того, что видишь.

Как ты думаешь после этого, природа — бесцельное порождение случая или создание Творца — обладателя неизмеримого разума? Если не волей разума, то силой нерушимой закономерности, соизмерившей благоразумие и назначение всего созданного, объясняется тайна, которая не подвластна человеческому сознанию.

— Верно все, что ты говорил, — ответил ученик, — ясно, что Создатель обладает поистине великим разумом. Я не оспариваю его всемогущества. Но не перестаю удивляться тому, что всеильный Создатель нуждается в моих молитвах.

— Аристодем! Ты ошибаешься. Если существует кто-то, кто печется о твоём благополучии, — ты в долгу перед ним. Неужели ты нуждаешься в объяснении такой простой истины?

— Откуда мне знать, заботится он обо мне или нет?

— Тогда посмотри на всех животных и посмотри на себя. Разве мы одинаково воспринимаем действительность? Человек способен думать о своём прошлом, настоящем и будущем. Животное же смутно помнит своё прошлое и настоящее, а о будущем и не помышляет. Сравни внешний облик человека и животного. Человек стоит прямо, на двух ногах, чтобы зреть окружающее. Он способен подчинить своей воле любое животное. Животные же надеются только на свои ноги, на свои крылья, не умеют подчинить себе своих собратьев. Создай Бог человека таким же беспомощным, как животное, тот бы ни на что не годился. Человек сотворен владыкой всего живого на земле. Будь у животных человеческий разум, вряд ли их внешний облик соответствовал бы ему, способствовал в труде, обучении других, красноречию и добродетели. Подумай, разве бык способен построить город, изготовить инструменты, оказаться искусным мастером? То, что Бог наделил человека высоким разумом и поместил этот разум в столь совершенное, гармонически сочетающееся в себе духовную мощь и нравственную красоту тело, — доказательство того, что Бог создал человека, заботясь о нём. Разве после этого человечество не обязано поклоняться Богу?

Так закончил учитель беседу.

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ

Мусульмане! Существуют на свете богатые и бедные, здоровые и хворые, разумные и глупые, добрые и злые. Если кто спросит, отчего это так, вы ответите — такова воля Аллаха.

Но случается, Аллах вознаграждает богатством всеми презираемого лодыря, а другой, поклоняясь Богу, честно трудится и все-таки живет в нужде, кое-как питает жену и детей. Безобидный, тихий человек часто болен и немощен, а какой-нибудь мошенник и вор наделен дюжим здоровьем. У одних и тех же родителей один из детей рождается умным, другой — глупым. Аллах призывает всех быть добродетельными, жить честно. Готовя праведным место в раю, грешникам — муки ада, одних он направляет по верному пути, других — по ложному. Разве это не противоречит божьему милосердию, его справедливости? И люди, и все их имущество принадлежат Аллаху. Он обращается со своей собственностью так, как ему заблагорассудится.

Как нам понять его деяния?

Твердить, что Создатель безгрешен, — значит, признав его несовершенства и погрешности, продолжать молчать об этом из страха? В таком случае чего может добиться смертный своими стараниями и усилиями? Все творится по воле Создателя. Людям не в чем винить друг друга. Разве творя добро и зло, они не исполняют волю Господа?

Разумный человек должен знать, долг верующего — творить добро. Правое дело не может бояться испытания разумом. Если не дать свободу разуму, то как быть с истиной: «Да познает меня обладающий разумом?». Если существует в нашей религии изъян, то как запретить разумному думать о нем? На чем бы основывалась религия, не будь разума? Чего стоит добро, творимое без веры? Нет, ты должен понять и поверить в то, что добро и зло созданы Богом, но не он творит их; Бог создал богатство и бедность, но не он сделал людей богатыми и бедными; Бог создал болезни, но не он заставляет людей страдать от них. Иначе все — тлен.

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ

Есть среди казахских пословиц заслуживающие внимания, но есть и такие, которые не несут в себе ничего божеского либо человеческого.

Говорят: «Если живешь в нужде, забудь о стыде». Да будет проклята жизнь, не ведающая стыда! Если же это добрый совет не брезговать любой тяжелой работой, будучи в услужении, то в таком труде нет ничего постыдного. Заработать свой хлеб честно, вместо того чтобы перебиваться милостыней или прозябать в безделии, — удел совестливого человека.

«Ловкий может и снег зажечь», «Умелой просьбой можно все выпросить» — вот они, Богом проклятые слова! Чем жить, уповая на ловкость и вымаливая крохи с чужого стола, не лучше ли брать богатства у земли, трудясь в поте лица?

«Если безвестно имя твое, подожги поле». Какая необходимость в дурной славе?

«Лучше один день быть бурой, чем сто — выхолощенным верблюдом». На что нужна жизнь одного дня, проведенная в безумствах, приносящих только опустошение?

Бура — верблюд-производитель.

«При виде золота и ангел сходит с праведного пути». Да быть им жертвой на пути ангела! Зачем ангелу золото? Сказав это, люди оправдывают свою же алчность.

«Богатая казна милее отца с матерью, собственная жизнь дороже золотого дворца». Какую цену можно дать за жизнь того негодяя, которому казна кажется милее отца с матерью? Только лишенный ума и чести человек может променять отца с матерью на золото. Родители наживают добро, заботясь о благе детей, и тот, кто равняет родителей с казной, совершает богопротивное дело.

Нужно быть осторожными, повторяя пословицы, порожденные ханжеством и недомыслием.

СЛОВО ТРИДЦАТОЕ

Бытуют у нас так называемые болтливые хвастуны — на сорока из них не уедешь дальше аула. На что они годятся? Кому какая польза от них? Нет у них ни здравого ума, ни самолюбия, ни широты взглядов, ни глубокого мышления, не отличаются они ни силой, ни доблестью, ни человечностью, ни совестью.

Бросит иной из них небрежно через плечо: «Ах, оставьте! Кто кого лучше? Чья голова, думаете, приторочена к чужому седлу? Разве он кладет мясо в мой котел или дает мне дойный скот?».

Или вскинется с отчаянной решимостью: «Мне ли жизнь свою щадить? Да чего она стоит? Ради благородного дела готов хоть под пули, хоть в ссылку. Все одно, смерти не миновать!».

Встречался вам когда-нибудь казах, действующий в соответствии с подобными словами? Я не видел среди них смирившихся перед властью смерти, но ведь они никогда не выкажут и страха перед ней. При случае любой из них с жертвенной готовностью рассечет себе горло ладонью: «Да быть мне зарезанным на месте!».

Когда б эти слова были искренни, их хозяин мог бы сразить нас если не умом, так неслыханной храбростью. Но как нам назвать того, чья угроза рассчитана на трусов, от страха готовых забраться в любую щель при серьезных стычках? Если это всего-навсего напускная отвага, с помощью которой он добивается признания малодушных: «Уж больно страшен гнев этого кафира!».

Бог мой! Будь он прекрасен душой, щедр и бескорыстен, смел и верен слову, разве не угадывались бы эти достоинства по одному его виду?!

А этот — один из тех нечестивцев, о которых говорят: «Бесстыжому лицу и челюсти неумные даны».

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Существуют четыре правила, способствующие восприятию и запоминанию услышанного:

во-первых, нужно утвердиться духовно и быть непреклонным;

во-вторых, слушать советы умных людей со вниманием и открытым сердцем, с готовностью и желанием уяснить смысл сказанного;

в-третьих, вдумчиво, неоднократно повторять про себя эти слова и закреплять их в памяти;

в-четвертых, следует избегать вредных свойств ума; если даже придется подвергнуться искушению этими силами, не поддаваться ему.

Вредные свойства ума: беспечность, равнодушие, склонность к беспричинному веселью, тяга к мрачным раздумьям и губительным страстям. Вот эти четыре порока способны разрушить и ум, и талант.

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ВТОРОЕ

Тем, кто стремится усвоить науку, необходимо знать условия, без которых невозможно достичь цели.

Во-первых, обретая знания, не ставь себе задачи получить через них какую-нибудь выгоду. Чтобы заняться наукой, прежде всего нужно полюбить ее, иметь стремление к ней. Если ты ценишь знания как высшее благо, каждое открытие новых истин принесет твоей душе покой и удовлетворение. Крепко запоминай то, что ново для тебя, тогда появятся стремление к поиску, любовь к науке, память хорошо усвоит и запечатлеет в себе то, что видел и слышал.

Если же мысли твои заняты другим, а науку ты постигаешь из жажды накопительства, твое отношение к знаниям будет таким же, как отношение мачехи к пасынку. Когда душа и мысли поистине склонны к науке, она становится благосклонной — легко дается. С половинчатой склонностью она и воспринимается половинчато.

Во-вторых, изучая науки, ставь перед собой ясные и благородные цели, не стремись приобрести знания для того, чтобы иметь возможность спорить с другими. В разумных пределах споры помогают обрести твердость в убеждениях, но чрезмерное увлечение ими только портит человека. Охотники до словесной перебранки чаще всего затевают споры не для выяснения истины, а чтоб блеснуть своими знаниями, одержать верх над другими. Такие споры рождают зависть, они не прибавляют человечности, не служат науке, напротив, сбивают людей с толку. Это — занятие смутьянов. Тот, кто сбивает с праведного пути сотни людей, не стоит мизинца того, кто возвратил на путь истины хотя бы одного человека!

Да, споры — один из путей науки, но тот, кто втягивается в них, рискует стать самодовольным спесивцем, завистливым сплетником. Такому человеку в спорах не чужды и ложь, и злословие, и брань, унижающие человеческое достоинство.

В-третьих, если ты добился истины, не отступай от нее даже под страхом смерти. Если твои знания не способны убедить тебя, не думай, что кто-то другой оценит их. Если ты сам не ценишь своих знаний, как ждать признания других?

В-четвертых, существуют два метода, способствующие приумножению знаний. Одно из них — мулахаза, другое — мухафаза. Способности должны находиться в непрестанном совершенствовании. Не усилив их в себе — не умножить знаний.

В-пятых, в девятнадцатом Слове сказано о четырех губительных недостатках ума, среди них тот, что называется б е с п е ч н о с т ь ю,

Мулахаза
(араб.) — тонкое искусство ведения полемики.

Мухафаза
(араб.) — твердость в отстаивании своих позиций.

п р а з д н о с т ь ю ума. Душа моя, заклинаю, остерегайся этого зла! Оно губительно и для Бога, и для человека, и для разума, и для чести. Оно — враг всему! Но там, где жива совесть, этому недостатку нет места.

В-шестых, сосуд, хранящий ум и знания, — характер человека. Воспитывай свой характер! Предавшись зависти, легкодумию, то и дело попадая под влияние чужих речей и сиюминутных увлечений, можешь утратить твердость характера. Не будет пользы от учения, если нет надежного хранилища для знаний.

Чтобы достигнуть намеченной цели и быть верным своему долгу, в характере человека должны быть постоянство, решимость, сильная воля, способные сберечь трезвость рассудка и чистоту совести.

Все должно служить делу разума и чести.

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

Хочешь быть богатым — учись ремеслу. Богатство со временем иссякает, а умение — нет. Тот, кто продает плоды своего ремесла без обмана, в народе считается святым. Но тех, кому Бог даровал хоть какое-нибудь ремесло, не минуют и пороки.

Во-первых, они не ищут на стороне лучших мастеров, чтобы перенять их опыт и не стремятся достичь большего мастерства. Довольствуясь тем малым, что имеют, считают, что этого вполне достаточно, и предаются лени.

Во-вторых, нужно трудиться неустанно. А им стоит приобрести две-три головы скота, как они начинают воображать себя утопающими в благополучии, начинают бездельничать, чваниться, дело свое делают спустя рукава.

В-третьих, стоит кому-нибудь обратиться к ним с просьбой: «Ты, братец, — умелец, ты щедр» или «Что тебе стоит сделать для меня то-то и то-то», как они начинают думать с самодовольством, что дожили до дней, когда люди начали обращаться к ним с просьбами. Возгордясь, поддавшись лести, они теряют свое драгоценное время, дают повод торжествовать лукавому льстецу.

В-четвертых, такие люди домогаются приятельских отношений с кем бы то ни было. Достаточно пройдохе подарить им какую-нибудь мелочь, пообещать помочь, назвать другом, они и рады, что оказались нужны кому-то, что годятся в друзья. Тут-то и сказываются их наивность, незнание жизни. Доверившись лживому языку, безумно радуясь приветствию мнимого друга, они стараются сделать для него все. Если ему чего-то не хватает, делятся с ним собственным добром, забывают о еде, одежде, о своих заботах и обязанностях, когда поджимает нужда, бегают, выпрашивая взаймы. Угождая другим, тратят без пользы время, остаются без доходов, втягиваются в раздоры из-за долгов, теряют свой человеческий облик, живут в нищете и бесславии.

Почему так происходит? Порой люди, способные провести кого угодно, сами легко оказываются обманутыми.

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ

Все знают, что люди смертны, что смерть приходит не только за старыми, и, взяв кого-то, она никогда не возвращает его. Казах верит в это поневоле, а не потому, что доходит до этой истины путем глубокого размышления.

Казахи твердят, что верят тому, что есть Бог, который спросит после смерти за все, за добро оплатит добром и накажет за зло, что наказание и награда его отличаются от мирских, воздаяния его бесконечно щедры, а кара неизмеримо жестока. А мне не верится в их слова. Потому что они не веруют искренне и осознанно. Поверь они в это, творили бы добро соответственно своей вере и не знали бы печали. Разве возможно убедить их в чем-то другом, когда даже в эти истины они веруют смутно? Каким путем исправить их? Можно ли назвать их истинными мусульманами?

Тот, кто хочет избежать мучений на этом и на том свете, должен помнить: не бывает в душе одновременно двух радостей, двух страстей, двух противоречий и двух горестей. Это невозможно. Тот, для кого земные радости и земные печали выше забот и радостей потустороннего мира, — не мусульманин.

Насколько казах — мусульманин, судите теперь сами. Если бы встретились ему две вещи, одна из которых предназначена для потусторонней жизни, вторая — для земной, и предстояло бы ему выбрать что-то одно, казах не упустил бы случая выбрать вторую, полагая, что приобретет первую в другой раз, а если не будет случая, Аллах великодушно простит его за выбор. Перед судом смерти этот человек будет клясться, что не променял благо потустороннего мира на земные радости. Как ему верить после этого?

Человек человеку друг. Потому что все в жизни — рождение, воспитание, чувство сытости, голода, печаль, горе, форма человеческого тела, путь, которым являешься на свет и которым уходишь из него, — все у всех одинаково; и в другом мире — смерть, погребение, тление, допрос на Страшном суде — все общее. Как знать, проживешь ты еще пять дней или нет? Все люди гостят друг у друга, сам человек — гость в этой жизни, так стоит ли злословить, враждовать из-за богатства, завидовать чужому счастью, коситься друг на друга из-за пустяков?

Преклоняться не перед Богом, а перед человеком, молить не о благословении своего труда, а о том, чтобы добро для тебя было отнято у других, — разве с подобной просьбой следует обращаться к Аллаху? Разве Создатель может ради одного унижать и обездоливать другого?

Не имея ни здравого ума, ни образования, не умея связать двух слов, упрямо настаивать на своем, тягаться с мудрыми, — разве это достойно звания человека?

И что это за человек?..

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ПЯТОЕ

Хаджа — совершивший паломничество — хадж в Мекку.

Суфи — представитель мистического течения в исламе.

Мулла — служитель религиозного культа у мусульман.

Жомарт — щедрый, занимающийся благотворительностью.

Шахид — пожертвовавший собой за веру.

Призвав к Суду хаджей, суфи, мулл, жомартов и шахидов, Всевышний строго спросит с них. Поставит отдельно тех, кто был хаджой, суфием, муллою, жомартом и шахидом, но совершал благие дела при жизни лишь ради того, чтобы жить в почете. И поставит отдельно тех, кто служил ради Аллаха, старался быть угодным ему.

И скажет тем, кто возносил ему хвалу из корысти: «Вы при жизни служили ради того, чтобы к вам обращались уважительно — хаджеке, молдеке, софеке, мырзеке, батыреке. Здесь этого не будет. Ваша счастливая жизнь кончилась, кончилась ваша власть над людьми. Здесь вы не то что почитаемы будете, а наоборот, спросится с вас за все. За все придется отвечать! Я дал вам жизнь, наделил богатством. Вы же использовали это для наживы, обманывали людей, прикрываясь заботой о потустороннем мире».

Тем же, кто старался честно служить, он скажет: «Вы жизнью своей и всеми делами старались угодить мне. Я доволен вами. Для вас мною уготовано место почетное, проходите же! Возможно, здесь вы встретите друзей и тех, кому делали добро, или тех, кто содействовал вашим добрым намерениям. Радуйтесь же!».

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЕ

В хадисе нашим Пророком, да благословит Аллах его имя, сказано: «У кого нет стыда, у того нет и веры». В народной пословице говорится то же самое: «У кого есть стыд, у того есть иман». Становится очевидным: стыд — есть неотъемлемая часть имана. Но что такое стыд?

Существует стыд, порожденный невежеством. Это то же, что застенчивость ребенка, который стыдится вымолвить слово или подойти к незнакомому человеку, хотя никакой вины его ни перед кем нет. Не имея вины перед шариатом, перед собственной совестью, стыдиться того, чего не следует стыдиться, — верный признак глупости и низкородности.

Истинный стыд тот, который испытывают, совершив поступок, противный законам шариата, совести, человеческому достоинству. Такой стыд бывает двух видов.

Один из них — когда стыдишься не за себя, а за провинность другого. Стыдишься, потому что сострадаешь человеку, и думаешь: «Япырай, что стало с этим человеком? Почему он вдруг поступил так недостойно?» — краснеешь за него.

Другой стыд вызван своей совестью, собственной провинностью перед шариатом, перед своей совестью и человечностью, допущенной по ошибке или случайно. Может, никто кроме тебя и не знает о твоей провинности, но твой разум и естество терзаются, наказывают себя. Ты не находишь себе места, не можешь смотреть людям в глаза, мучаешься.

Люди, способные чувствовать такой стыд, отказываются от еды, теряют сон, случается, что в отчаянии они кончают жизнь самоубийством. Стыд — это человеческое достоинство, заставляющее изнутри признать свою вину и вынести себе наказание. В такие часы и мысли в голову не идут, и слова как будто теряются. Не утереть слезы из глаз и влагу из носа. Человек уподобляется жалкому псу. Он не только не может смотреть людям в глаза, но и вообще ничего не видит. Тот, кто знает о таких терзаниях, но вместо того, чтобы великодушно простить виновного, усиливает его страдания, лишен человечности и милосердия.

Люди, которых я вижу сейчас, не стыдятся ничего и не умеют краснеть. «Я же признал свою вину, чего еще?» — говорят они. Или оправдываются: «Ладно, я опозорился, но ведь и ты так поступаешь». Или говорят: «Вот такой-то и такой-то сделали то-то и то-то, но ходят по земле как ни в чем не бывало. Я же по сравнению с ними, можно сказать, ничего плохого не совершил. К тому же у меня была причина так поступить». Вместо того чтобы устыдиться содеянного, они обеляют себя.

Как нам назвать такого — человеком стыдливым или не ведающим стыда? Назвать стыдливым не позволяют хадис и слова, сказанные мудрыми...

Как нам понять, есть у этих людей иман или нет его?!

Хадис —
предание о
поступках и
изречениях
Мухаммеда.

СЛОВО ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ

1. О достоинствах человека суди по тому, каким путем он идет, а не по тому, как ему удалось завершить его.

2. Как ни прекрасна мысль, пройдя через человеческие уста, она тускнеет.

3. Сказав мудрые слова самонадеянному невежде, порой обретаешь утешение, но чаще всего от них не остается и следа.

4. Твори благо разумному, глупого оно только портит.

5. Сын своего отца для других — враг. Сын человеческий — твой брат.

6. Достойный, попросив многого, довольствуется малым, ничтожный просит малого, но останется недовольным, даже если получит больше, чем просит.

7. Тот, кто трудится для своего блага, уподобляется животному, которое пасется только для себя; того, кто трудится, выполняя человеческий долг, Всевышний метит своей любовью.

8. Кто отравил Сократа, кто спалил Жанну д'Арк, кто казнил Гайсу, кто закопал нашего Пророка в останках верблюда? — Толпа. Толпа безрассудна. Сумей направить ее на путь истины.

9. Человек — дитя своего времени. Если он плох, в том виноваты и его современники.

10. Будь в моих руках власть, я бы отрезал язык тому, кто твердит, будто человек неисправим.

11. Остаться одиноким — все равно что умереть. Все беды падут на голову одинокого. В миру много порочного, но и утешение, и веселье существуют в нем же. Кто с достоинством выдержит первое? Кто устоит перед вторым?

12. Кому из нас не приходилось бывать в беде? Теряет надежду только слабый. Верно, что в мире нет ничего неизменного, но ведь и зло не вечно. Разве после суровой зимы не приходит полноводная цветущая весна?

13. Если некто молчит в гневе — значит, всю силу гнева он затаил в себе. Извергающий черную брань — обычно хвастун или трус.

14. Успех и счастье опьяняют человека. И только один из тысячи умеет сохранить хладнокровие и разум.

15. Если хочешь, чтоб дела твои ладилась, берись за них разумно.

16. Высокая должность — все равно что высокая скала. На нее и неторопливая змея вползет и быстрокрылый сокол взмлет. Недоброжелатели начинают хвалить тех, кто еще не достиг вершины, а эти, легковверные, радуются их словам.

17. Мир — океан, время — веяние ветра, ранние волны — старшие братья, поздние волны — младшие братья. Поколения сменяются чередой, а кажется — незыблем их покой.

18. Простолюдин, прославившийся умом, — выше царя, вознесенного удачливой судьбой. Юноша, продающий свой труд, — достоиннее старца, торгующего своей бородой.

19. Сытый попрошайка — дьявол во плоти, ленивый суфи — лицемер.
20. Плохой друг — все равно что тень: когда солнце над головой, от нее не избавиться, когда тучи сгущаются, ее не сыщешь.
21. Будь откровенен с тем, кто одинок, поддерживай хорошие отношения с теми, у кого много друзей. Будь осторожен с беспечным, стань опорой обездоленному.
22. Бесполезны и бесплодны: бессильный гнев, любовь без верности, учитель без ученика.
23. Пока ты добиваешься цели, добра тебе желают все, но как только ты достигаешь ее, твой доброжелатель — лишь ты сам.

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЕ

Дети мои, утешение сердца моего! Вот написал несколько слов о человеческих деяниях и завещаю написанное вам как память. Прочтите со вниманием, вникните в суть этих слов — и ваши сердца преисполнятся любовью. Любовь человека неотделима от его разума, человечности, знаний. Исходной, изначальной причиной этих свойств являются те совершенства, которые даются человеку от рождения — крепкое здоровье, прекрасная внешность, все остальное зависит от благородства отца и матери, от мудрых наставников и добрых друзей. Устремленность и понятливость порождаются любовью. А разум, человечность и знания будят в человеке интерес к науке.

Ребенок по доброй воле не тянется с ранних лет к учебе. Приходится его принуждать или привлекать до тех пор, пока у него не возникнет жажда знаний. Ребенка, имеющего стремление к знаниям, можно считать человеком, можно питать надежду на то, что он будет стремиться познать Бога, понять себя и окружающий мир, что он научится приобретать добро, не поступаясь честью, и будет избегать зла. Иначе ему суждено пребывать в невежестве, в лучшем случае получит он весьма поверхностные знания. Скверно, что многие родители, дурно воспитавшие своих детей, затем отдают их на попечение мулл, ибо пользы от этой учебы нет. Развращенные сызмальства дети не могут иметь интереса к знаниям, религии, почтения к своим наставникам. Не получится из них полноценных людей, добросовестных мулл, истинных мусульман. Самое сложное — воспитать в них человечность. Потому что Аллах — это путь истины, а искренность и правдивость — враги зла. Разве друг явится на приглашение, посланное через врага? Не добьется истины, если в душе нет любви к ней. Человеческие знания добываются любовью к истине, жаждой открытия для себя природы и сути вещей. Это не Божие всезнание. Любознательность и стремление к наукам дают человеку знания, лишь соразмерные его рассудку.

Но прежде всего надобно возлюбить Аллаха. Известно, что Наука — один из ликов Всевышнего, потому и любовь к Науке — признак человечности и искренности. Не достигнуть вершин Науки, занимаясь ею для стяжательства, ради корыстных, низменных целей. Пусть богатство, всеобщее уважение и слава сами найдут человека, только тогда они смогут стать достойным украшением его. А преклонение перед ними принижает человека независимо от того, добьется он успеха или нет.

Если ты обрел любовь к истине, желание учиться, — найди в себе внимательный слух и искреннее прилежание. Исповедующие ислам прежде всего должны знать, в чем заключается истина имана, ибо иман — это

не слепое поклонение. Скажем, поверили мы в Бога, в то, что слова Корана — изъявление его воли, что Мухаммед Мустафа, да будет благословенно его имя, является посланником его. Что нам дает такая вера? Ты веруешь в Бога ради него или ради своего спасения? Аллах велик, и он не пострадает от твоего неверия. Если ты утверждаешь, что вера твоя необходима тебе самому — хорошо, значит, ты веруешь. Но если это — вера ради веры, пользы от нее тебе не будет. Твоя вера окажется поистине праведной, принесет пользу, когда ты сам этого жаждешь. Нужно знать, какими усилиями достигается осознанная, разумная вера...

Ты сказал, что веришь в Бога, в его лики и имена. Тогда ты должен знать его имена, понять величие сущности каждого из восьми его ликов, назвавшись мусульманином, почитать себя рабом Всевышнего и стараться подчинить свои помыслы его воле. Не тверди невежественно, что невозможно уподобиться Богу. Действительно, нельзя в точности воспроизвести творения Всевышнего. Но подражай во всем делам его, следуй указанным им путем. Вот светлейшие лики Аллаха: **Ж и з н ь, Н а у к а, М о г у щ е с т в о, П р о в и д е н и е, Ч у т к о с т ь, Ж е л а н и е, С л о в о, С о з и д а н и е.**

Создатель наделил человека этими качествами, но не в таком абсолютном совершенстве, каковым он сам ими обладает.

Можем ли мы называться мусульманами, направляя данные нам, пускай мизерные, но все же способности не по назначению, не употребляя их в угоду Всевышнему? Нужно знать, каким образом уподобить свои действия восьми величайшим качествам Аллаха, ибо природа Аллаха такова, что не нуждается в нашем описании, этого требует наш разум, нуждающийся в ясности представления Бога в восьми упомянутых ликах. Не зная их, нам не составить представления о Всевышнем. Поскольку мы знаем Аллаха по мере его проявлений, познать его окончательно не дано никому. Даже мудрейшим из мудрых не разобраться в его деяниях, не то чтобы постичь внутреннюю сущность его природы. Аллах всемогущ, наши возможности ограничены. Измерить конечным бесконечное — невозможно. Стараясь закрепить в сознании понятия о нем, мы твердим: «Аллах есть, Аллах един». Но сами понятия «есть», «един» не соответствуют непостижимой сущности Аллаха, ибо любое возможное в действительности явление не минует измерения «един». Применимо оно ко всему мирозданию, которое находится во владении Аллаха, о чем поведано нам в Писании, где также упоминаются восемь неизменных ликов и девяносто девять благостных имен Аллаха, выражающих неповторимый образ и действия его.

Я же хочу повести речь о четырех ликах. Первые из них — **Н а у к а и М о г у щ е с т в о**, остальные являются неотъемлемой составной

частью, дополняющей и объясняющей сущность этих двух. Отмечу еще один из шести ликов — Ж и з н ь.

Мы говорим: «Аллах есть, Аллах един». Характеризуем и воспринимаем его как Могущество Науки. Задумаемся, имеют ли реальную силу понятия «есть», «един», «могущество», «наука»? Не приходится сомневаться в том, что могущество науки — реальная сила: где Жизнь, там и Ж е л а н и е. А там, где Наука, Желание тоже неизбежно. Наука сама по себе ничего не дает. Все на свете приводится в движение могуществом Всесильного. Одним из свойств, присущих Желанию, является С л о в о, то есть речь. Разве Слово может обойтись без буквенных знаков и голоса? Только слово Аллаха беззнаково и безголосно. Но коли есть п о т р е б н о с т ь г о в о р и т ь, значит есть с п о с о б н о с т ь с л ы ш а т ь сказанное и в и д е т ь з р и м о е, не так ли? Аллах слышит и видит не так, как мы — ушами и глазами, что является господствующим преимуществом, то есть Могуществом Науки.

Следующий из его образов — С о з и д а н и е, то есть претворение в жизнь. Если считать, что Созидание — один из ликов Аллаха — пребывает в непрерывном претворении, не освобождаясь от этого, не обособляясь, как Наука и Могущество, а находясь в подчинении и принуждении, это указывало бы на его бессилие и зависимость. А зависимость не к лицу Аллаху. С о з и д а н и е утверждает М о г у щ е с т в о. Отсюда следует — благодаря Науке и Могуществу находят единение все восемь ликов Аллаха. Наука безмерна и совершенна. Могущество — всемерно и безупречно. О мастере судят по его делам. Ни одному смертному не дано объять разумом, каким колоссальным трудом сотворено и какой могущественной силой собрано в единое целое все, что видим и ощущаем.

Если у земного существа р а з у м является его властителем, а сила служит ему во всех его деяниях, напрашивается вывод: не те ли свойства служат и Аллаху? Наука и Могущество должны восприниматься единым понятием — «Всезнающее Могущество», иначе одно из них окажется ведущим, другое — ведомым. Что тоже противоречит учению Аллаха.

В таком случае может оказаться, что восемь ликов Аллаха, не сливаясь в единый образ, превратятся в разные и самостоятельные лики. Все эти свойства исходят от одного Создателя, все вместе они олицетворяют единый и неповторимый образ Аллаха. Усматривать преднамеренность их соединения для создания могущественного образа было бы ошибкой.

Сила человека заключается в его разуме и знаниях. Могущество Всевышнего выражено в Науке и Милосердии. Милосердие не упоми-

нается в числе восьми его ликов, оно поясняется смыслом следующих его имен: Всемиловитый, Милосердный, Всепрощающий, Любящий, Оберегающий, Отпускающий грехи, Благодетельный, Дарующий, Покровительствующий, Доброжелательный. Эти имена Аллаха подтверждают мои доводы. Логику моих слов также подтверждает удивительная гармония сотворенного мироздания. Ведь все на свете создано так, что одно служит интересам другого. Неживые тела не чувствуют боли и служат пищей одушевленной твари; животные поддерживают жизнь разумных существ — людей; животные освобождены от ответа перед Страшным судом, а человек наделен разумом и властвует над всем. В том, что Бог создал человека способным держать ответ на Страшном суде, проявились его справедливость и любовь к человеку. Он создал образ человеческий отличным от форм червей, птиц, прочей живности, наделил человека лучшим сложением, поставил на две ноги, высоко расположил голову, чтобы он мог обзрывать окружающий мир; чтобы он не пригибался и не брал пищу, как животное, дал ему две руки, которые служат голове; чтобы он мог наслаждаться ароматами, дал ему нос; чтобы он мог видеть употребляемую пищу, дал ему глаза; чтобы защитить их от опасности, дал веки; ресницы даны, чтоб уберечь веки от трения; брови — чтобы отвести от глаз стекающий со лба пот; язык дан для того, чтобы люди могли общаться, понимать друг друга и трудиться сообща. Разве это не свидетельство любви к человеку? Если кто-то любит тебя, разве ты не обязан отвечать ему тем же?

Вдумайся. Солнце испаряет влагу, превращает ее в тучи, проливаясь на землю животворным дождем, они дают жизнь семенам, травам и цветам, радующим человеческий глаз и сердце; созревают всевозможные плоды, сахарные тростники, поддерживающие жизнь на земле; реки стекают в моря и озера, утоляют жажду животных и птиц, служат обиталищем для рыб. Земля одаривает человека хлебом, хлопком, коноплей, плодами и ягодами, хранит в себе ископаемые богатства; птицы дают человеку пух, мясо, яйца; животные — молоко и шкуру; вода — рыб, рыбы — икру, пчелы — мед и воск, черви — свой шелк. Производя эти богатства, никто и ничто на свете не скажет: «Это мое!». Все предназначено для блага человека. Фабрики и машины, созданные невероятным трудом, служат на радость и пользу человеку.

Разве это не проявление любви Всевышнего к человеку? Разве не долг человека отвечать любовью на любовь?

Чтобы человечество из-за своей ненасытности не истребило виды животных и не причинило ущерба последующим поколениям, Аллах заставил ту же человеческую жадность оберегать животных; звери и

птицы надеются на свою силу, крепкие ноги и быстрые крылья, находят убежище в глубине вод, обитают в высоких скалах, хоронятся в лесах; все живое стремится к размножению и наделено инстинктом самосохранения и заботы о потомстве. Все создано не в расчете на то, чтобы животное, развиваясь, совершенствовалось до уровня человека, а чтобы обеспечить человека неиссякаемым источником питания. Во всем мы находим проявление доброты и справедливости.

Мы не задумываемся над тем, что доброта и справедливость — есть условия шариата. Считаясь мусульманами, мы должны быть верными последователями Аллаха, но разве мы следуем ему неукоснительно? Разве для нас недостаточно этих ярких, подобных небесным светилам, доказательств заботы Аллаха о человеке?

Нам нравится видеть благодеяния других. Но себя мы не обременяем лишней заботой о ближних. Разве это не грешно?

Кто допускает зло, не препятствуя ему, тот не может считаться истинным мусульманином. Или же он мусульманин наполовину.

Где тот праведный путь, указанный Всевышним? Этого многие не знают. Я не встречал мусульманина, который бы внял словам Пророка: «Задумайся о деяниях Аллаха», или следовал бы молитве:

«Люби Аллаха, и он возлюбит тебя»;

«Твори людям добро, ибо Аллах любит творящих добро»;

«Верующие в Бога творят благие дела, им уготовано место в раю».

Коран изобилует подобными аятами, но никто из нас не пытается вникнуть в их суть, нет у нас ни желания, ни достаточных знаний для постижения этих истин.

«Есть люди, которые веруют в Аллаха, считают своим святым долгом творить людям добро, ибо знают, Аллах не любит злонамеренных». Об этом свидетельствуют следующие слова Пророка, да благословит его Аллах: «Кто несправедлив, тот не имеет совести. Не имеющий совести, не имеет веры».

Отсюда мы уясняем, что вера не может возникнуть сама по себе, она рождается справедливостью и благонаравием. Но справедливости и добродетели не добиться одними молитвами и слепым поклонением. Доказательства тут не требуются. Ты видишь мусульман, усердно молящихся и соблюдающих строгий пост, однако этого недостаточно.

С п р а в е д л и в о с т ь — мать всех благодеяний. Понятия совести и чести исходят от справедливости. Справедливый человек непременно задумается и спросит себя: «Почему я одобряю добрые дела других, а сам не спешу принять в них участие?». Разве это не свидетельство его справедливости и честности? Разве это не начало благих дел? Но почему, заботясь о людях, он не проявляет такой же заботы о Создателе?

Стремление к благотворительности порождается умением довольствоваться малым. Не теряйте чувства справедливости, не уставайте творить добро. Без справедливости нет ни веры, ни человечности. Как учит Аллаяр суфи, один порок рождает сто других.

Понятие о Всевышнем сложилось в нашем сознании как о Знающем, Милосердном, Справедливом. Если признаки Знания, Милосердия, Справедливости присутствуют в тебе, это означает, что ты имеешь стремление к познанию, ты — истинный мусульманин и обладаешь высокой человечностью. Известно, что жауанмарт воплощает в себе три таких качества, как правдивость, благонамеренность, разум. Правдивость олицетворяет Справедливость, благонамеренность — Милосердие, а Разум, как мы знаем, — одно из имен Науки. Этими свойствами, но в малой мере, наделен человек; долг его — довести их до совершенства, использовать на благо, помнить о них, беречь их в себе. Достичь этого можно, имея искреннее желание и неустанно трудясь. Этими тремя качествами обладает Пророк, за ним — святые, ученые и истинные мусульмане; эти качества направлены на служение Всевышнему, проповедуются Пророком и приняты святыми с любовью. Но их любви хватило только на то, чтобы проявить заботу о загробной жизни. О мирских радостях они забыли или не брали их во внимание.

Ученые же думают и заботятся о земной жизни. Суждения святых и ученых противоречивы, хотя они недалеко ушли друг от друга в своих убеждениях, хотя обе стороны рассуждают в пользу учения Аллаха. Но ведь любой спор должен закончиться удовлетворением!

Наука и Разум, как и человеческая природа, не терпят насилия над собой, им противны неискренность, они учат нас быть добрыми, искренними, благодетельными, что и есть М и л о с е р д и е.

Но я думаю, что и святые, и ученые ищут удовлетворения в спорах ради своего тщеславия.

Если бы человечество для своего совершенствования избрало тарикат, путь, указанный святыми, мир бы пришел в запустение. Кто бы тогда пас скот, кто бы остановил врага, кто бы шил одежду, кто бы сеял хлеб, добывал богатства земных недр?

Отказавшись от благ, дарованных Всевышним, разве мы не рискуем оказаться недоброжелательными, неблагоприятными и неблагодарными, впадая тем самым в тяжкий грех?!

Избравшим этот путь грозит полное исчезновение или они окажутся жертвами кафилов, самые невыдержанные из них бесславно сойдут с избранного ими пути.

Если этот путь предначертан лишь для половины мусульман, то напрашивается вопрос: разве существует половинчатая истина? Истина

*Жауанмарт —
благодетельство.*

*Тарикат — здесь
направление в
религии, испове-
дующее духовное
самосовершенство
путем
строгой воздер-
жанности и
полного смире-
ния.*

должна быть единой для всех. Разве может быть выборочная истина? Выборочная справедливость? В таком случае у народа не может быть и самой жизни. Ибо жизнь есть высшая истина. Без жизни не может быть совершенства.

Не все святые презрели земные блага. Известно, что трое приближенных Пророка — Хазрет Гусман, Габдурахман ибн Гауф, Сагид ибн Абдукас — славились своими богатствами.

Строгую воздержанность святых можно объяснить их неуверенностью в своей силе, опасением соблазниться мирскими радостями, что, несомненно, ослабило бы их веру. Или же это вызвано желанием отвлечь внимание людей от накопительства примером своей воздержанности, в расчете на то, что люди, видя их смирение, откажутся от пагубных влечений, корыстных целей и изберут к благим свершениям путь любви. Если это предпринято из самоотверженной любви к людям, то их жертвы неоправданны, путь их опасен и неверен. Добиться истины подобным путем могут только люди, преданные своей вере, достигшие вершин науки, обладающие могуществом власти, редким мужеством, духовной непреклонностью. Собрать в одном человеке эти качества почти невозможно, их обладатель может оказаться и непревзойденным мошенником.

Стремление отличиться, возвыситься над другими портит человеческую натуру. Невежда, объявивший о своем вступлении на путь тариката, тем самым признается в безнравственности.

Мыслитель и ученый — суть одно, но в познании обнаруживается их отличие. Признанная в миру внешняя наука преподносится нам в виде наставлений. Достижшие наибольшего успеха в своих наставлениях называются учеными.

Ничто не создано без причины, возможно, служители подобного учения одержимы жаждой постижения тайн могущества Аллаха, что никому не возбраняется, или они занялись наукой такого склада из безграничной любви ко Всевышнему? Но уместно ли говорить именно о такой любви, коль человеку не дано познать самого Аллаха?

Только любовь, порожденную ясным пониманием, безмерной верой, чувством благодарности и признательности ко Всевышнему за тех существ, что сотворены им с любовью, наделены способностью любить и сострадать, можно назвать любовью ко Всевышнему.

И только те достойны звания ученого, кто стремится постичь Аллаха соразмерно своему рассудку, кто ищет первопричину всех явлений и предметов. Они добиваются истины, справедливости, блага в интересах человечества, для них не существует в жизни радости и удовольствия помимо их труда. Не будь этих мыслителей, идущих верным

путем, наступило бы всеземное крушение. Эти истинные ученые являются костяком всех человеческих творений, их умами приводится в порядок все, что есть на земле. Их деятельность направлена на земное благоденствие, как говорится, земная жизнь — есть возделанная нива для жизни загробной.

Не всякий ученый — мудрец, но всякий мудрец — ученый.

Традиционная вера приобретаетс с помощью наставлений ученых, но благодаря просвещению мудрых она перерождается в истинную веру. Добиваются этого мудрецы, постигшие высший смысл мусульманства. Познавшие мирские науки, не знают основ религии, хотя они добиваются истины и сумели раскрыть для себя тайны Вселенной и человеческого бытия. Из семи условий шариата они способны признать лишь Аллаха, не могут отличить сторонников Аллаха от его противников. Пусть они не являются нашими духовными пастырями, но они заслуживают нашу признательность, ибо, как сказано Пророком в хадисе, лучшими из людей считаются те, кто приносит пользу окружающим.

Эти люди не знают ни сна, ни покоя, ни развлечений, они находятся в неустанном поиске полезных для человечества открытий, они добыли электричество, подчинив человеку энергию молнии, научились держать связь друг с другом на огромных расстояниях, заставили огонь и воду выполнять колоссальную работу, непосильную тысячам людей, они совершенствуют человеческий разум, учат нас отличать добро от зла. Несомненно, мы во многом обязаны им.

Теперешние муллы — противники ученых, что свидетельствует о невежестве священнослужителей или о превратности их помыслов, ибо по природе своей человек тяготеет ко злу. Многие из их учеников, заучив несколько молитв на арабском или персидском языках, считают, что могут участвовать в спорах, гордятся этим и вместо пользы причиняют людям вред, сбивая их с пути громкими призывами и пустым бахвальством. Иные из них вредят не из злого умысла, а подчиняясь природному инстинкту. Отрадно видеть, когда кто-то из них вняв правдивому слову, возвращается к совести. Разве назовешь совестливым того, кто препятствует правде? Самодовольство, тем более необоснованное самодовольство, портит человека. Если правда именуется еще истиной, а истина — есть Аллах, нужно не противиться ей, а постараться понять и рассудить справедливо. Подобное заблуждение чревато опасностью отчуждения от религии.

Когда великий Пророк, да благословенно будет его имя, сказал, что «грядет день, равный по своей продолжительности году», богословы спросили его: «Сколько же будет молитв в тот день?». И получили ответ: «Об этом будут знать ученые того времени». Не хотел ли Про-

рок этими словами дать понять, что вместе со временем будут меняться, обновляться и каноны религии?

В наши дни методы обучения в медресе безнадежно устарели, оказались не только бесполезными, но и вредными. В соответствии с этим в Турции уже открылись новые учебные заведения, где помимо богословия преподаются военная дисциплина и другие науки. Наша молодежь многие годы отдает пустой зубрежке в медресе, и оттуда выходят невежественные, неразумные, не приспособленные к труду люди, которые и в дальнейшем живут обманом да ложью. Учение мулл не приносит ничего, кроме вреда.

Красота мироздания облагораживает человеческий разум. Случается, что из-за нужды и нехватки человек теряет свой человеческий облик, звереет. Не иметь стремления к постижению мировой науки — признак невежества, что осуждается и Кораном.

Между богатством, накопленным для того чтобы возвыситься, и богатством, которое копят для того, чтобы иметь возможность помочь страждущим и не быть в зависимости от других, есть большая разница.

Мы не стремимся овладеть знаниями в целях наживы. Напротив, используем богатства на пути к овладению знаниями. Искусство — вот подлинное, неиссякаемое богатство, учиться ему — самое благородное дело. Знания должны служить справедливости и отвечать требованиям Закона Божьего. Человек обязан быть благодетельным и не только восхищаться благотворительностью других, но и самому неустанно творить добро.

Говоря о муллах, хочется особенно предостеречь вас от ишанов. Их учение ложно, пагубно. Многие из них невежды, не знают подлинных законов шариата, а избирают путь богослужения, пытаются учить других при всей убогости собственных знаний, учение этих искусителей человечества вредно даже для псевдорелигий. Они находят себе опору среди глупцов, слова их — ложь, свидетельство их учености — четки, чалма и больше ничего!

Так знайте же, дети мои! Путь Всевышнего беспределен. И никому не дано преодолеть его. Тот, кто решился пойти по этому пути, считается истинным мусульманином. Если конечная твоя цель — обогащение, это уже не Божий путь, это свидетельство твоей ограниченности. Что за непостижимая уму алчность, алкать богатства всего мира?! Если ты намерен делиться с другими своими деньгами, скотом, знаниями, другими благами — это и есть путь Всевышнего, единственный путь, не знающий предела. Избравшие его считаются истинными рабами Бога, они могут питать надежду приблизиться к Богу. Какая надежда может быть у иного пути?

Способности и намерения некоторых людей направлены на улучшение внешнего вида, они заботятся о своей одежде, следят за походкой, считая сие занятие высоким достижением. Стараются выставить себя напоказ, как на торгах, вызывают зависть у глупцов, чей ум только в глазах. Глядя на них, одни изводятся, снедаемые завистью, другие выбиваются из сил, подражая им. Кому какая выгода от этого? Сколько усилий потрачено только на то, чтобы понравиться окружающим своей внешностью! Достоинства человека содержатся не в наружности, а в чистоте его помыслов, неприукрашенной внутренней сущности, по которым и распознает нас Аллах. Разве прибавится ума у этих поклонников зеркал? Разум человека совершенствуется безграничной, неиссякаемой любовью к добру.

Совершенным мастерством своим Аллах создал мироздание и человека, чтобы тот мог расти и продолжать род людской. Святой долг каждого из нас — множить число своих друзей. Это зависит от сердечности, благорасположенности к окружающим, что вызовет ответное чувство, или хотя бы не желайте зла другим, не пытайтесь возвыситься над другими словами или делами.

Возвыситься духовно можно иными путями.

Во-первых, умение сохранить достоинство даже во время великих испытаний облагораживает человека.

Во-вторых, самовосхваление, выпячивание собственных достоинств могут только навредить.

В-третьих, злонамеренность, принижение, оскорбление самолюбия других порождают ответную враждебность.

Причина желания отличиться перед другими — хвастовство, оно порождает зависть, одна зависть влечет за собой другую.

Отсутствие же этих пороков приносит человеку умиротворение, а в умиротворенной душе рождается стремление.

Существуют три порока, способные унижить весь человеческий род, которых следует избегать. Это: невежество, лень, злодеяние.

Невежество — есть отсутствие знаний, без которых ничего нельзя добиться; отсутствие знаний равняет человека со скотом.

Лень — злейший враг; бесталанность, безволие, бесстыдство, бедность — порождение лени.

Злодеяние — враг человечества; причиняя зло другим, человек отдаляется от людей, уподобляясь дикому зверю.

Противоядие от этих пороков — человеколюбие, желание всеобщего благоденствия, твердость духа, справедливость, глубокие всесторонние знания. Направь свои знания на путь, указанный Аллахом, ибо Аллах, не ленись, огромными усилиями и старанием создал гармо-

ничный совершенный мир. Твое дело тоже должно быть сделано с усердием и добрыми намерениями. Все, что создано Аллахом, имеет свое назначение. Плоды твоего труда тоже должны быть обращены на пользу людям. Иначе — любой труд бесполезен. И вера твоя — тщетна.

Известно, творения Аллаха не создавались без трудностей, и ни один предмет не создан без назначения. Все имеет свою цель, свою причину. Человек, имеющий тягу к знаниям, обязан помнить — любое дело должно вершиться целенаправленно.

Пророк, да благословит Аллах его имя, оставил нам такие слова: «Прежде чем взяться за дело, надобно иметь цель и стремление».

Но вот вы решили совершать отныне омовения, читать молитвы, соблюдать посты. Но не грешно ли заботиться только о внешнем соблюдении обрядов? Если ваша душа чиста, соблюдение обрядов богослужения отражает вашу духовную жизнь, внешняя упорядоченность лишь украшает и облагораживает вашу веру. Не поэтому ли мудрецы утверждали, что вера одна, что она освящена многотерпением, без сдержанности она тускнеет, а возможно, даже обречена на гибель. Сказано это к тому, чтобы невежды, думающие лишь о соблюдении обрядов, не забывали о главной задаче — вере.

У меня есть основание думать, что они убеждены: достаточно им совершить обязательные элементы обрядов, чтобы считаться мусульманами. Это не так, обряды являются всего лишь стражами веры. Но что проку от стража, который только бдит, не заботясь о сохранности и благополучии охраняемого предмета? Что станет с верой без бдительности? Разве подлинная цель — не сохранность и чистота охраняемого предмета?

Не способные разобраться в смысле обрядовых знаков, прислушайтесь! Самое главное в них — намаз. Но прежде чем приступить к нему, вы должны совершить омовение. Омывание совершается после очищения от скверны. Помните об этом! Эта процедура должна закончиться проведением влажными руками по ногам — некоторые из знаков носят символический характер.

Избавившись от скверны, вы совершаете омовение, очищая невидимые стороннему глазу части тела, что, разумеется, совершенно неинтересно знать посторонним, но этими действиями вы показываете людям, что ваша душа безгрешна и вы приводите свой внешний облик в соответствие с внутренним состоянием. При полном очищении и спокойствии вы приступаете к намазу.

Намаз — это молитвы, заклинания.

Легкое прикосновение мокрыми пальцами к шее и ногам означает, что они уже омыты и чисты.

Приступая к молитве, вы касаетесь пальцами ушей — это означает, что вы не смеете перед Аллахом воздеть руки выше. Это движение выражает ваше признание — Аллах превыше всего, и вашу мольбу к нему: не дай потонуть в мирской суете, протяни руку помощи.

Склоненная голова и сложенные на груди руки — знак того, что вы стоите не просто как раб перед вельможей, не как простолюдин перед падишахом, а как более слабое, ничтожное создание, и выказываете этим свое признание справедливости и непомерному могуществу всемудрого Аллаха.

Обращение лицом к Кыбле — поклонение предполагаемому месту посещения Всевышнего, хотя мы знаем, что не может быть на земле места, достойного его пребывания. Это надежда на то, что ваши молитвы достигнут слуха Всевышнего.

Чтение намаза начинается с суры Фатиха. Это продолжительная и содержательная молитва.

Поклоны, совершаемые положив руки на колени, — знак того, что мусульманин предстал перед ликом Аллаха.

Первое прикосновение лбом к земле означает, что человек вышел из земли, второе — что он вернется в землю же. Обращение лицом к небу — знак надежды и мольбы на воскрешение после смерти.

Вы заканчиваете молитву еще одним поклоном и словами приветствия ко Всевышнему и его Пророку, да благословит Аллах его имя, а также пожеланием всем мусульманам мира, единства и благополучия.

Так что же мы уяснили для себя из этого С л о в а?

Кыбла — мусульманская святыня, куда мусульмане обращают лицо во время молитвы.

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ

Да, безусловно, наши предки уступали теперешним людям в образованности, учтивости, ухоженности и опрятности. Но обладали они двумя достоинствами, которых у нас теперь нет.

Изживая в себе недостатки, доставшиеся нам от предков, мы потеряли эти достоинства. Если бы мы имели в характере своем решимость и усилия, направленные на приобретение новых качеств, приложили к тому, чтобы сохранить старые, возможно, мы встали бы в ряд с другими народами. Поскольку нет решимости характера, вновь приобретенное более благоприятствует развитию в нас свойств демонических, нежели человеческих. Это есть одна из серьезных причин утраты нами национальных достоинств.

Ел басы — глава народа.
Топ басы — глава общины.

О каких качествах мы говорим? В стародавние времена были люди, которые звались «ел басы», «топ басы». Они решали споры, управляли жизнью общества. Простой народ, худо-бедно, занимался своими делами. Не принято было оспаривать решения «ел басы» и «топ басы» или бегать от одного к другому. Говорят: «Возьми альчик, если он удобен для твоей руки, сделай из него битую», «Когда каждый сам себе бий — не ужиться и на бескрайних просторах, когда есть глава общины — не сгореть и в огне». Люди, признав эту истину, приносили жертву святым духам и, помолясь, отдавали бразды правления всеобщему избраннику, которого старались поддерживать во всем, скрывая его недостатки и славя достоинства. Относились к нему с должным почтением, слушались и неукоснительно повиновались, тогда и влиятельные лица не переступали пределов благоразумия. Как им было не заботиться о людях, когда все были братьями и достояние у них было общее?

И второе — люди свято берегли и дорожили единством. Стоило кому-то призвать на помощь, упомянув при этом имена предков, как все бросались на выручку, забыв об обидах и раздорах, охотно шли на уступки и жертвы. Говорили тогда в народе:

«Кто не умеет простить вину ближнего, того чужой обидит»;

«Братья ссорятся, но не отрекаются друг от друга»;

«Если шестеро погрязли в раздорах — потеряют то, что в руках, если четверо пребывают в согласии — на них небесная благодать нисходит»;

«Кто ищет верного пути — находит казну, кто ищет раздоров — находит беду».

Где теперь этот благородный дух общности и радение о чести?

Они были обеспечены людской стойкостью, совестью, доблестью. Мы лишились их.

У теперешних дружба — не дружелюбие, а вероломное коварство.

Вражда — не отстаивание истины, а просто неумение жить в согласии.

СЛОВО СОРОКОВОЕ

Почтенные, вот о чем я хочу спросить вас. Как это получается, что о покойниках мы не говорим дурного, а среди живых не видим достойных?

Отчего старики живут в согласии с молодыми, а между собой враждуют, хотя число их сверстников с каждым днем становится все меньше?

Стоит кому-то уехать на чужбину, как все тут же начинают любить его как родного. Но как только он возвращается, мы вынуждаем его бежать от нас. Почему?

Почему, увидев хорошего человека из чужого рода, люди распинаятся перед ним, восторгаясь его достоинствами, а в своем роду не замечают тех, кто превосходит чужаков в мудрости и благородстве?

В чужом краю расхваливают свой аул, вернувшись, превозносят достатки чужого аула. Как это так?

Почему родители ласковы, заботятся о детях, пока они маленькие, но охлаждаются к ним, как только они взрослеют?

Почему родичей трудно собрать, когда радость, горе или другое достойное собрание, а как запахнет воровством или разбоем, они тут как тут?

Почему родичи досаждают и обижаются на тебя, когда твоя лошадь приходит первой на скачках?

В старину люди помнили, если кто-то хотя бы раз помог им добраться до места, они вспоминали об этом с благодарностью до последних дней своих. Нынче люди быстро забывают о добрых делах. Почему?

Почему байский сын, обеднев, не стыдится воровства, а идти в услужение к другому баю считает для себя зазорным?

Почему хорошие людей не могут ужиться в одном роду? А двое подлецов почему-то всегда становятся друзьями?

Почему тот, кого ты считаешь другом, кому ты даришь коня, отворачивается от тебя, получив стригунка от твоего недруга?

Почему иной не ценит друга, с которым живет в согласии, а за врага, который в кои-то веки исполнил единственную его просьбу, готов отдать жизнь?

Почему многие не желают добра друзьям, а если кому-то из двух друзей повезет, они становятся заклятыми врагами?

Почему одни ищут человека, который бы дал им разумный совет, но избегают тех, кто знает их дело до тонкостей?

Почему иные в гостях ведут себя так, будто пригнали с собой весь свой скот, а принимая гостей в своем доме, делают вид, будто далеко отогнали все свои стада?

Люди ищут покоя, но стоит ему воцариться, как им тут же становится скучно. Почему?

Почему народом всегда правят ловкие дельцы? И почему, как правило, они бедны?

Почему младшие жены бывают строптивыми? Почему злодеи бывают смелыми? Почему иные бедняки бывают спесивыми?

Почему людей сдержанных, живущих мирно, называют безвольными, а тех, кто распущен, хвастлив, драчлив, считают удальцами?

Почему казахи не слушают праведных слов, не находят для этого времени, но будут охотно внимать сплетням и грязным наветам и не уйдут, не выслушав их до конца, хоть все дела их пойдут прахом?

1897

СЛОВО СОРОК ПЕРВОЕ

Тому, кто вознамерился учить, исправлять казаха, нужно обладать двумя преимуществами.

Первое — иметь большую власть, пользоваться огромным влиянием, чтобы, запугивая взрослых, забирать у них детей и отдавать в учение, направляя одних по одному пути знаний, других — по другому, а родителей заставляя оплачивать расходы. Девочек достаточно было бы обучать религиозным наукам, чтобы они были сильны хотя бы в этом. В таком случае можно было бы надеяться: когда состарившиеся родители отойдут от дел, молодое поколение пойдет по правильному пути.

Второе — нужно владеть несметными богатствами, чтобы подкупом брать детей у родителей и отдавать их в учение, как было сказано выше.

Никто не обладает властью, способной запугать нынешних людей. Никому не дано богатство, которого хватило бы на то, чтобы задобрить всех родителей.

Не запугав или не подкупив казаха, невозможно уговорить или убедить его в чем-либо. Невежество, доставшееся от отцов, впитавшееся с молоком матери, пройдя сквозь мясо, достигло костей и убило в нем человечность. Между собой у них какие-то ужимки и кривляния, шепотки да двусмысленные намеки, ничего более увлекательного на ум им не приходит. Они пытаются думать, но им некогда сосредоточиться на своей мысли. Говоришь с ними — они и слушать со вниманием не могут; глаза их бегают, мысли разбредаются.

Как жить?

Как нам быть дальше?

СЛОВО СОРОК ВТОРОЕ

Одна из причин пристрастия человека к порочному — безделье. Когда б он возделывал землю, занимался торговлей, разве мог бы он вести праздную жизнь? Ездит из аула в аул на выпрошенной у кого-то лошади, живет на дармовщину, разносит сплетни и слухи, хитростью и коварством подстрекает других или сам идет на поводу у подстрекателей, скитаясь без дела и без пользы. Тот, кто стремится к благополучию, кто привык жить своим трудом, сочтет такую жизнь унижительной. Разве он оставит свое дело, чтобы бродяжничать бесцельно?

Тот, у кого заводится хоть мало-мальский скот, не довольствуется этим, не бережет то, что имеет, а отправляется на поиски радостей, оставив пастухам и детям заботу о стаде, которое становится добычей воров, хищников, гибнет в непогоду. Он стерпит эту утрату, но будет не в силах отказаться от участия в тайных заговорах, сплетнях, мелких дрязгах. Желая обрести значимость и вес в обществе, он считает обязательным для себя быть причастным к мерзким и злым козням, грязным нашептываниям, ничтожному пакостничеству. Достигшие кое-какого достатка бросают свое добро на попечение других — ты, мол, присмотри, пригляди, сами же предаются суесловию, дармоедству, праздному шатанию.

Нынче люди не дорожат высоким умом, всеобщим уважением или богатством; умение писать жалобы, умение ловко обвести кого-то вокруг пальца — вот что в почете. Кому удастся это, будь он беден и сир, всюду уготованы почетное место, жирный кус мяса и упитанный конь. Такому мошеннику легко улестить простоватого бая, заявив лицемерно: «Вы только велите, ради вас я хоть в огонь готов пойти». И этого достаточно, чтобы, не ударив пальцем о палец, быть сытым, одетым, ездить на хорошем коне и пользоваться всеобщим уважением.

Бай не думает об утерянном покое, не считает своих расходов. Прежде чем говорить с кем-то, он будет держать совет с проходимцем, который стелется перед ним мелкой иноходью, страшась потерять доверие бая, тревожась, как бы не завелись у владыки другие советчики. «Аллах с вами, — говорит он угодливо, — неужто вы сами не додумались до такой простой вещи?». И начнет подсказывать хитрости одну гнуснее другой, внушает баю подозрительность к другим. В конце концов бай теряет доверие к себе окружающих. Если умный человек не соглашается с баем и отворачивается от него, прохвост тут как тут: «Вот видите? Не я ли говорил вам, что это его козни?». И вовсе подчинит своей воле наивного бая.

Вот на что теперешние люди тратят свой ум и свои желания.
Вот чем они живут.

СЛОВО СОРОК ТРЕТЬЕ

Человек наделен от природы телом и душой. Нужно знать, какие из свойств тела и души даны от рождения и какие приобретаются в результате труда.

Необходимость есть, пить, а также спать — произвольные потребности. Желание что-то увидеть и узнать — задатки произвольного инстинкта, но разум и знания являются приобретением человеческого труда. Слушая ушами, видя глазами, прикасаясь руками, пробуя на язык, вдыхая носом, человек получает представление о внешнем мире.

Полученные ощущения, приятные они или неприятные, воспринятые пятью указанными органами чувств, располагаясь в памяти в заданной закономерности, создают определенную образность.

Получить приятное впечатление от хорошего и отвращаться от плохого — естественная способность человека. Сначала эти задатки очень слабы. Человек развивает и усиливает эти способности. Без внимания и развития они притупляются, исчезают или остаются в зачаточной стадии, оказываются ни для чего не пригодными.

Тот, кто много слушает и видит, черпая знания извне, имеет многое: он способен трезво рассуждать и отличать полезное от вредного. Человека, способного анализировать события и факты, относят к людям умным.

Невежда, не способный мыслить, не приученный трудиться, пытается свалить свою нерадивость на Бога. «Что делать, если Бог не наделил умом?» или «Нас с тобой Бог создал неодинаковыми», — говорят они.

Разве Бог велел ему не вслушиваться, не всматриваться, не запоминать слышанное и виденное? Разве сказал ему: «Ешь, пей, развлекайся, довольствуйся похвальбой и превращайся в животное, растеряв душевные сокровища?».

Другие говорят: «Может, ум и взаправду дело наживное, но способностями наделяет природа. Наделенный способностями, приобретает и ум. Неспособные остаются неразумными» И это неверно.

Способности есть и у детей, это бесспорно. Мы уже говорили, что сначала способности человека очень слабы и нуждаются в дальнейшем развитии и совершенствовании. Даже ремесло, которым человек занимается с желанием, изо дня в день становится более совершенным. Если не возвращаться к приобретенным навыкам, ты можешь утратить их, ты и сам не заметишь, что стал другим человеком. Разве умение и мастерство, покидая тебя, предупреждают об этом заранее? Попытка вернуть их потребует еще больших усилий, чем прежде.

Душевные способности настолько разнообразны и многогранны, что описать здесь все их невозможно. Сила души способна удерживать долгое время навыки приобретенного мастерства, но без усердия они

теряют свою ценность, и со временем может иссякнуть и сама сила, удерживающая их. Приобрести ее заново невозможно.

Сила души обладает тремя особенными свойствами, которые нужно ценить и беречь в себе, потому что без них человек превращается в животное.

Первое из них называется «подвижным элементом». Что это такое? Это свойство помогает не только осознать увиденное и услышанное, но побуждает живо осмыслить, что из чего проистекает и куда ведет. Без этого свойства бесполезно много чтение, оно ничего не даст. Не сделав вовремя, не подумав вовремя, не сказав вовремя, опаздывая всюду, будешь всю жизнь жалеть и огорчаться: «Какая жалость! Там-то, тогда-то надо было поступить так-то!».

Другое свойство называется «притягательной силой однородного». Узнав что-то новое для себя, начинаешь думать и сравнивать с подобными вещами. Во всем ли у них есть сходство? Или только в отдельных элементах? И пока не уяснишь себе причины сходства, не расспросишь, не проверишь свои предположения, не найдешь успокоения.

И третье. Называется оно «впечатлительностью сердца». Если сумеешь сберечь сердце от превратностей четырех пороков — самодовольства, корыстолюбия, легкомыслия и беспечности, полученные извне ощущения четко отразятся в зеркальной непорочности сердца. Эти впечатления будут питать ум и запомнятся надолго. Если не убережешь чистоту сердца, потускнеет зеркало души, все в нем будет видеться смутно или в искаженном виде. И понятия твои обо всем на свете сложатся неверно.

Все, что добывается трудом и находится вне тебя, называется богатством. Не зная всех перипетий и тонкостей ведения хозяйства, трудно удержать в руках свое добро. Так же трудно убереечь нажитое духовное богатство — ум и знания, от которых может быть и немалый вред. Не зная этого, потеряв бдительность, можно легко лишиться приобретенного.

Все на свете имеет свою меру. В том числе и хорошее. Великое дело — знать меру всему. Умение думать — похвально, но некоторые люди, чрезмерно увлекшись, запутываются в мыслях, теряют здравый рассудок.

В желании есть, пить, одеваться, развлекаться, любить, наслаждаться, обогащаться, добиваться власти и даже в проявлении осторожности и хитрости, направленной на то, чтобы не быть обманутым, нужно знать меру. Все, что сверх меры, — есть зло.

Древние мудрецы говорили: «В том, чего упорно добиваемся, мы находим зло». Да будет известно тебе — в двух свойствах духовной силы, называемых «притягательной силой однородного» и «подвижным элементом», кроется все то добро и все то зло, что существует на свете. Властолюбие, эгоизм, гнев, ложь — все, что порочит человека,

берет начало в этих истинах. Такую силу нужно уметь направлять на совершенствование хороших и полезных качеств, нужно подавлять порочное в его зародыше.

Разум отличает полезное от вредного, но даже силой разума не одолеть этого зла. Одолеть его может только тот, кто соединит в себе силу разума и силу воли. Сумевший сосредоточить в себе разум и волю подобен быстроногому скакуну — ему подвластно все.

Если же эти качества не развиты или одно из них присутствует, а другого нет, то духовная мощь понесет тебя, как необъезженный, неуправляемый скакун, бросая и на скалы, и в воду, и в пропасть. Ты безволен. Несешься не разбирая дороги, полы твоего халата распущены, глаза устремлены к небу... И до скончания дней твоих не избавишься тебе от бесчестья.

СЛОВО СОРОК ЧЕТВЕРТОЕ

Ничтожнейший из людей тот, кто не имеет стремления. Но стремления бывают различные. И те, кто стремится к чему-либо, отличаются друг от друга по способностям и силе воли. Талантливые или бездарные, все они не прочь услышать похвалу в свой адрес. Они ждут ее, заслуженную или нет, все равно.

Люди общаются с людьми своего круга, делятся с ними сокровенными мыслями. И скорее всего ждут похвалы от тех, кто живет рядом с ними и знает их, а не от незнакомых и далеких людей.

Одни стремятся к почестям. Другие алчут богатства. Неважно каким образом — скарედностью или хитростью. «Кто добыл богатство, тот безгрешен» или «У имущего лик светел», — говорят они и знают, что никто их за это не осудит. Видят в богатстве свое главное достоинство и честь. Судя по их извращенным нравам, так оно и есть, но если смотреть с позиций человечности — это один из отвратительных пороков.

Одни хотят прослыть храбрецами, святыми, баями, другие — не чураются славы хитрых, ловких, всезнающих. Чванятся худой славой, пытаются даже из нее извлечь выгоду.

Все стремятся к чему-то, стремятся читать, но не по книгам, а по лицам людей. Смотрят, точно прощупывают биение пульса, и определяют: «А... сегодня в цене то-то и то-то, а вот на этом деле можно недурно заработать».

Чтобы постичь науку по книгам, нужно, говорят, прежде всего очистить от скверны душу, помыслы, и только потом приступать к чтению.

Если предпочитаешь учиться по лицам, продолжай начатое, не старайся очиститься — ведь никому не видно, что там у тебя за душой. Говорят, чем больше складок и зазубрин в ней, тем неязвимее и прочнее благоденствие.

Вот и суди теперь, кто чему учится и к чему стремится.

СЛОВО СОРОК ПЯТОЕ

Доказательством существования Единого и Всемогущего Бога является то, что многие тысячелетия на различных языках люди говорят о существовании Бога, и сколько бы ни было религий, все считают, что Богу присущи любовь и справедливость.

Мы не создатели, а смертные, познающие мир по созданным вещам. Мы — служители любви и справедливости. И отличаемся тем, насколько лучше один другого осознаем творения Всевышнего.

Веруя и поклоняясь сами, мы не вправе сказать, что можем заставить верить и поклоняться других.

Начало человечности — любовь и справедливость. Они присутствуют во всем и решают все. Это — венец творения Всевышнего. Даже в том, как овладевает жеребец кобылицей, проявляется любовь.

В ком господствуют чувства любви и справедливости, тот — м у д р, тот — у ч е н. Мы не способны придумать науку, мы можем только видеть, осязать созданный мир и постигать его гармонию р а з у м о м.

1898

Перевод *К. Серикбаевой*

ВЛАСТИТЕЛЬ - СЛОВО

Почему трудно переводить Абая?

Дотошные лингвисты могут меня поправить, однако мне кажется, что в поэзии Абая наиболее употребляемое слово — СӨЗ. Убедиться в этом несложно.

Возьмем его знаменитое стихотворение «Поэзия — властитель языка». Слово «сөз» автор употребил пятнадцать раз — «сөздің патшасы» («царь слова»), «сөз сарасы» («отборное слово»), «бөтен сөз» («чужое, чуждое слово»), «сөздің басы» («начало слова»), «сөз жақсысы» («избранное слово»), «сөз қадірі» («достоинство слова»), «ақыл сөз» («умное слово») и т.д.

Читаем другое стихотворение — «Науки не освоив, не кичись». Слово «сөз» встречается здесь двенадцать раз: «шын сөз» («истинное слово»), «сөз мәнісі» («значение слова»), «көптің сөзі» («слово большинства»), «жақынның сөзі» («слово близкого») и т.д.

Далее можно не считать: на «сөз» вы наталкиваетесь едва ли не в каждом стихотворении — «өлең сөз» («стихотворное, поэтическое слово»), «сөзі тәтті» («слово сладкое»), «сөз ұғарлық» («понимающий слово») и т.д.

«Сөз» по-русски означает СЛОВО.

Абай восхищается Словом, без устали обыгрывает его, раскрывает его глубинную суть, призывает ценить его, не употреблять все, не забавляться им, познать его истину, отличать от слова ложного, пустого, не засорять речь неуместным, чужим словом, сетует на то, что ныне слово упало в цене, его не понимают, ему не внимают, убеждает читателя вслушиваться в слово разума, проникнуться словом мудрых.

Нетрудно также понять, что у Абая — как почти все его слова — оно объемное, многоликое, многозначное. Оно не просто слово. Это и язык, и речь, и назидание, и речение, и наставление, и молва, и стих, и мудрость. Слово плоское, серое, однозначное, бытовое Абая не прельщает. Чужды ему витиеватые, высокопарные, напыщенные, велеречивые, цветистые, как лоскутное одеяло, пенящиеся, как перебродивший айран, «красные словеса». Он без конца напоминает: его слово — «без блеска-сверка», с первого раза, на слух, его не каждый воспримет, не каждый поймет; просит: не брезгуйте моими словами; подчеркивает: всего дороже те, в которых заключен глубокий смысл; внушает: его слова спесивцам недоступны, их поймет только прозорливый, лишь тот, кто сердцем жив, душой открыт.

Почитание поэтического слова, в котором заключены потаенные суть, достоинство и мудрость, — один из главных мотивов поэзии Абая.

Он знал: его стихи не всем по нутру, они необычны, непривычны. Степь за многие века выработала свои поэтические каноны, свой эстетический вкус, свои прочные традиции, своеобразный культ устной речи, ритмизованной, с устойчивыми рифмами, густо перемешанной пословицами, поговорками, ловко или не очень сплетенной из псевдовозвышенных, мнимокрасивых словес. Абай сознательно разрушает эти каноны, ломает сложившиеся традиции, отвергает былые, тысячекратно воспетые на все лады «восточные» темы, привносит в казахскую поэзию свежие краски, новые слова, насыщает их многозначным глубинным смыслом.

Абай говорит — передаю его слова в подстрочном прозаическом переводе:

Мои стихи не о драконах, не об Али-Хазрете,
В них «дев прелестных, луноликих» не найдешь.
И старость не клян, и смерть не воспеваю,
И жигитов к бесстыдству не зову.

Здесь Абай высмеивает старых акынов и их основную тематику: сказы о сподвижниках Пророка, о мифических существах — «айдахарах-драконах», о гуриях, «девах со золотым подбородком», о загробной жизни, а также их страсть к неумеренному пышному словию и высокопарности.

Не унижать достоинства искусства, ибо поэзия — владительница языка. Таково поэтическое, эстетическое кредо Абая. Значимость творчества Абая для своего народа лучшие его представители «с чутким сердцем и душой» подметили прозорливо. В некрологе, помещенном в «Записках Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества» (1907), Алихан Букейханов сказал удивительно точно и емко: «Абай был самородок, вынесенный судьбою в безвременье его родины...».

Философы утверждают: процесс творения — самоограничение от Бога. Гёте уточняет: «В умении себя ограничить проявляется мастер». Самоограничение в этом смысле свойственно и Абаю. Оно проявляется в подборе и отборе поэтических средств, в жесткой экономии словесного материала, в уплотнении мысли, в густоте метафорической образности. И именно потому, полагаю, у читателя создается устойчивое ощущение, что Абаем написано значительно больше того, что вместилось в два скромных томика. Читателя Абая каждый раз неизменно охватывает чувство новизны. Магия его поэзии в ее многомерности и полифоничности. С творчеством Абая я, например, знаком со школьных лет, читал его стихи бесчисленное количество раз, писал о нем, цитировал, сравнивал и сопоставлял, делал подстрочные переводы, конспектировал его гаклии — философские эссе, и все равно каждый раз открываю его для себя заново, невольно поражаюсь глубиной той или иной строчки, свежестью слова, метафоричностью, образностью. И потому кажется, что Абай бездонен, безграничен, огромен, всеобъемлющ.

Не кажется — так оно и есть.

В 1913 году ученый, литератор, просветитель Ахмет Байтурсынов опубликовал в газете «Казах» статью об Абае, в которой он, пожалуй, один из первых раскрыл всю духовную значимость казахского поэта — «главного, ведущего». Ахмета Байтурсынова, прочитавшего стихи Абая впервые в рукописи еще в 1903 году, больше всего поразили их новизна, их отличие от всего созданного казахскими поэтами до него. «Слов мало, а значение их многомерно, глубоко», — писал он. Без предварительной подготовки или без специального комментария — читай хоть тысячу раз — некоторых слов не понять. Да, слова Абая трудны для понятия рядового, простого читателя, но это не вина Абая, не недостаток его, а беда читателя, не доросшего до восприятия его поэзии.

Таков Абай. Такова его муза, сложная, далеко не всегда и всем доступная, загадочная. Таково его Слово, многоликое, многоплановое, многокрасочное.

И говорю об этом подробно лишь потому, что пытаюсь объяснить, почему поэзию Абая так трудно переводить на другие языки, почему она до сих пор не звучит достойно по-русски, в чем причина переводческих неудач, чем вызвана бескрылость его поэтических переложений.

II

И в самом деле, что нет до сих пор Абая, достойно звучащего по-русски, — прописная истина. О том говорим и на то жалуемся на всех перекрестках добрых полвека. И каждый раз, когда разговор заходит об очередном сборнике стихов Абая на русском языке, издатели и редакторы хватаются за головы: на каком переводе остановить выбор, из чего выбирать, чьему переводу отдать предпочтение. И на переводчиков сетовать вроде нельзя. Есть старательные, бережные, аккуратные поэтические переводы М.Петровых, Вс.Рожественского, М.Тарловского, Л.Озерова, Ю.Нейман, О.Румера. Читаешь их — вполне прилично, весьма близко, похоже, узнаваемо. Начинаешь вникать в перевод, сравнивать с оригиналом — ай, не то, не Абай все же, чего-

то не хватает, нет того обаяния, того поэтического шарма, той естественности и многослойности, того дыхания, той мудрости, что в подлиннике. Нет, и все. Хоть плачь! И даже слова вроде те, точно переведенные, и ритмомелодика сохранена, и рифмы подобраны, подогнаны, и намек на национальный колорит присутствует, и все же не то, не звучит, не играет, не влечет, не завораживает. Что-то невидимое, неосознаваемое ускользает, уплывает, растворяется и, как говорит Абай, «изъяны всюду выпирают».

Должно быть, по этой причине некоторые литераторы, философы, знатоки и почитатели Абая — я свидетель — отказываются писать предисловия к сборникам казахского поэта на русском языке. Понятно, хочется сказать о значимости, о своеобразии, о величии поэта, а переводы его стихов этого не подтверждают, скорее наоборот. Даже лучшие переводы — всего лишь тень, силуэт оригинала. Цитировать подстрочники — тоже не дело. Слишком далеки они от аула Поэзии.

На многочисленных встречах с читателем этот вопрос — «Почему нет Абая в русском переводе?» — задается непременно и неизменно. Бывало, и я задавался этим вопросом. Не имея ни малейших данных (кроме искреннего желания) для воссоздания Абая на русском языке, я в разные годы пытался сделать — хотя бы — подстрочные переводы отдельных его стихотворений, и вскоре убедился, понял: почти безнадежное дело, напрасные потуги, мука мученическая. Едва ли не каждое слово Абая противится, сопротивляется, не поддается толмачеству, вызывает уйму синонимов, которые даже все вместе не создают адекват оригинала, поневоле сбиваешься на косноязычный, многословный пересказ, на бледный, громоздкий комментарий, а подстрочник обретает столь неудобочитаемый вид, что от стыда горят уши и от бессилия впадаешь в тоску и уныние.

Вот знакомые мне с детства строки:

Бойы бұлғаң	а 4
Сөзі жылмаң	а 4
Кімді көрсем, мен сонан,	б 7
Бетті бастым	в 4
Қатты састым	в 4
Тұра қаштым жалма-жан.	б 7

Прочтите, взгляните в одну лишь строфу этого язвительного, остро сатирического стихотворения. Обратите внимание на ритмомелодику, на схему рифмовки. Для знающего казахский язык здесь все ясно, понятно, благозвучно, мелодично. Образно. Запоминающе.

Итак, начнем переводить строку за строкой.

Бойы бұлғаң... Хм-м... как же это передать по-русски? Бой — рост, статья. Бұлғаң — нечто такое, что качается, шатается, вихляет. Да-а... труднопереводимый словесный образ. Характеристика с отрицательным оттенком. Едко. Язвительно. Насмешливо. Ну, просто неприятный тип этот «бойы бұлғаң». Та-ак... Как же, однако, это сказать по-русски? Прямой перевод — «телом изгибающийся... шатающийся...». Понятно, Абай намекает на довольно распространенный аульный типаж того времени — хвастун, ловкач, наглец, вертопрах, шатун, гуляка. Смысл, оттенок — праздный, выхваляющийся, слоняющийся, воображала, кривляка, задавака, бездельник с претензиями. Все верно. Но я же не могу нанизывать все эти определения на одну куцую строчку. Нельзя же к одному слову писать страничный комментарий. Так можно сходу отпугнуть переводчика-поэта. Надо на чем-то остановиться. На чем? Какое определение предпочесть? Какие слова оставить в тексте, а каким — место в сноске, чтобы гипотетическому поэту-переводчику было ясней, чтобы что-то подсказать, намекнуть на что-то. Пожалеуй, празднотающийся. Да, очень близко. Подходит. Но какое неуклюжее слово! Неблагозвучное. Громоздкое. Не представляю, как его можно втиснуть в поэтическую строку. Ладно, напишу-ка «праздний гуляка». По крайней мере, смысл такой. Напи-

сать-то написал, а на душе нехорошо, беспокойно, кошки скребут. Ну, какой же это «бойы булғаң»? Разве «праздний гуляка» — адекват?

Вдохнешь и начинаешь «толмачить» дальше. Утешаешь себя: в конце концов это ведь не художественный, не поэтический перевод, а всего лишь корявый подстрочник. Небось, сойдет и так. Дам несколько дополнительных красок, оттенков, синонимов, и пусть переводчик-поэт ломает себе голову.

Вторая строка — «сөзі жылмаң». Ясно, сөзі — его слова, его речь. Жылмаң — нечто скользкое, маслянистое, не ухватишься, не удержишь. Такова речь праздного гуляки — пустая, скользкая, неопределенная, трепливая. Да, этот тип, слоняющийся по аулам, юрок, болтлив, проворен, скользок, словоблуд, пустобай, пустомеля, склонен к сплетне. А как хорошо, ловко эти две рифмующиеся строчки — бойы булғаң, сөзі жылмаң — сочетаются, рифмуются! Как они крепко пригнаны друг к другу! Всего четыре слова, две коротенькие строчки, а уже сотворен, вылеплен образ, типаж, дана характеристика, ты зримо представляешь его, шатуна-трепача, оболтуса, праздного гуляку со скользкой речью. Если бы по-русски можно было сказать «скользкоречивый» или «скользкословный», я был бы совсем недалек от «сөзі жылмаң». Но «скользкословный» я пишу в сноске, а в текст подстрочника ставлю «пустой трепач», ощущая при этом ожог неудовлетворения.

Далее чуть проще, понятней. Абаи говорит: как только он видит праздных гуляк, пустых трепачей, то он сильно теряется (конфузится, смущается), закрыв лицо (ладонями) бежит от них куда глаза глядят. Но сказано это в стихах, в стройных строках, в строгом ритме, в рифмах. А подстрочник этой строфы выглядит так:

Праздных гуляк,
Пустых трепачей,
Если увижу их, я от них,
Лицо закрыв,
Сильно теряясь,
Бегу немедля, тотчас.

И я, автор подстрочника, смотреть на это уродство не могу. Мне самому противно от этого убогого монстра. Правда, я снабдил эти шесть строчек комментариями, указал на какие-то нюансы и варианты, определил размер, схему рифмовки, даже количество слогов в каждой строке сосчитал, и все же не могу себе представить, как, каким образом, каким чудом неведомый мне поэт-переводчик, не владеющий казахским языком, не чувствующий ментальность оригинала, может из этой нелепости вылепить стих, вдохнуть в эти строки жизнь, воссоздать, возродить на другом языке разъятую, расчлененную, умерщвленную поэзию. Это ведь все равно, что из пепла (о, ужас!) воссоздать живой облик человека.

И так слово за словом, строка за строкой, строфа за строфой, стихотворение за стихотворением добросовестный «подстрочник» толмачит, «буквалит», объясняет, толкует абаевский речестрой, досадуя на свое бессилие и испытывая брезгливость к своему же уродливому творению. А что может сотворить на основе такого, с позволения сказать, материала поэт-переводчик? Пусть самый чуткий, самый талантливый. Будь он хоть о семи пядей во лбу... А мы еще удивляемся: почему нет Абая на русском языке. Почему его поэзия не звучит по-русски.

Образы Абая пронизаны национальным мироощущением, национальным мировосприятием. Их бессмысленно воссоздавать буквально, их можно только транспонировать, трансформировать в другой языковой лад, в иную плоскость восприятия, в иную сферу представлений.

Берем строку:

И выправит их Творец.

Но если быть точным, у Абая сказано: «попадутся в ТЕЗ Создателя». Тез — архаизм. Так называется станок, в котором выпрямляют, придают нужные формы уинам, жердям юрты. Абай говорит о том, что Создатель всех поставит на путь истины, всех выпрямит в своем «тезе». Обычно такими деталями при переводе сплошь и рядом жертвуют.

Едва ли не к каждой строке Абая приходится давать объяснения. Подстрочно переводишь: «У бая лошадку себе вымогает», а в сноске разжевываешь: «склоками, сутяжничеством он добился того, чтобы заново пересчитали (инвентаризовали) дома (юрты, кибитки, очаг) для обложения налогом, и тем самым высудил себе у бая коняшку».

Абай пишет «мал», и подстрочник «буквалит» — скот, однако поэт-переводчик обязан помнить, что скот в казахском языке — нередко синоним богатства, достатка, состояния, благополучия.

В обличительных стихах Абая часто встречается слово «пысық». Означает оно: шустрый, ловкий, оборотистый, бывалый, проныра, пройдоха, плут, мошенник, верткий и т.д.

Такое же объемное слово «тасыр» — чванливый, кичливый, самоуверенный, тупой, глухой, грехотун и т.д.

То же самое с нежным, коротким словом «жар» — любимая, возлюбленная, супруга, невеста, жена или — поскольку в казахском языке отсутствует категория рода — любимый, желанный, супруг, жених, муж.

Абай пишет «күпілдектер», а переводчик начинает перебирать четки синонимов: пустозвоны, трепачи, горлопаны, горлохваты, шушуны, самодовольные, спесивые, чванливые, пустобаи.

Даже маленькая частица у Абая, и та функциональна, требует к себе внимания, иначе смысл слова не будет раскрыт полностью.

— Мұның қалай, батыр-ау!

Означает эта строка:

- Что же случилось, батыр?
- Как понять тебя, батыр?
- Что это значит, батыр?
- Ну, что же с тобой, батыр?

Все дело, однако, в частице «ау». Она придает фразе, обращению к батыру доверительную, с легкой усмешкой, интонацию — смельчак, храбрец, герой, приятель, дружище, друг мой. И пренебречь этой частицей при переводе нельзя.

Нередки у Абая фразеологизмы. Для переводчика это всегда камень преткновения. Ограничусь лишь двумя примерами:

Из тех ты, что пять отдавая,
Шесть умеют взять обратно.

Это своеобразная парафраза известной казахской поговорки «Берменге бесеу көп, аларманға алтау аз» — «Пять — много дающему, шесть — мало берущему». А. Гатов перевел, на мой взгляд, находчиво:

— Умеешь, уплатив пятак,
С него взять сдачи пять целковых.

Еще одна проблема при переводе Абая — это множество заимствованных, «инородных» слов, искусно и художественно оправданно вкрапленных в поэтическую ткань. Что это за слова? Во-первых, архаизмы, ныне почти повсеместно вышедшие из упо-

ребления: бергек, жыға, тез, өлекші, райыс, кән, көйт, құрбәт, дәнәкү и др. Вторых, арабизмы: ғыззәт, сұхбат, нәфритлі, ғибратлі, ақыл-мизан, аят, хадис, мехнат, ғадауат и т.д. (сюда, видно, следует отнести и ряд религиозных терминов и наименований: махлук, мақан, махшар, фәни, бақи, дәһрі). В-третьих, фарсизмы: бадалық, шаһ-баз, баж. В-четвертых, русизмы: закон, виноват, адвокат, интернат, прошение, самородный, счет, судья, военный, коренной, здравомыслящий и другие.

В оригинале все эти заимствованные слова совсем не случайны, у них своя художественная функция, определенная нагрузка, они то возвышают речь, придают ей своеобразную изысканность, торжественность, то окутывают стих в соответствии с темой в религиозно-мистический флер, то конкретизируют, иллюстрируют сугубо современную мысль. Но как быть при переводе? Оставить их в русско-арабско-персидском облики? В исконной форме вплести их в русский перевод и давать объяснения в сносках? Или перевести их на современный русский язык, придать им общедоступное звучание и тем самым нивелировать абаевские строки?

У меня нет однозначного ответа.

В своей поэзии Абай нередко говорит об очень сложных философских абстракциях, нравственно-этических категориях. Такие стихи и прозой перевести мудрено, а в подстрочнике не сразу-то и разберешься, что к чему. Вот, к примеру, в стихотворении (своеобразный поэтико-философский трактат) «Сизый туман — грядущие времена» Абай рассуждает о соотношении понятий «я» и «мое», о душе, о разуме, о плоти, о бессмертии. И свои думы поэт излагает в классически отточенных стихах в форме традиционного казахского одиннадцатисложника с рифмовкой а-а-б-а. Я долго колдовал над подстрочником.

«Я» — разум и душа, «Мое» есть плоть.
«Я» и «Мое» — понятия разновеликие.
Для «Я» судьбой предначертано бессмертие,
«Мое» обречено, и пусть, с тем согласись.

Думаю, смысл вполне ясен. Но как это изложить стихами, да еще максимально близко к оригиналу? В. Звягинцевой это удалось в большой степени.

«Я» — разум промолвит. Плоть скажет: «Мое!» —
Различно у плоти с душой бытие.
Бессмертное «Я» никогда не умрет.
«Мое» — это только земное жилье.

Да, Абай трудно поддается воссозданию на другом языке. Иногда кажется, он вообще непереволим. Неподступный. Недоступный. Неприступный. Непостижимый. Невыразимый. Руки опускаются. Отчаяние берет. Даже самый старательный подстрочный перевод, с вариантами, комментариями, историко-бытовым экскурсом, — отвращает. Ибо убивает поэзию. Остается искаженная — при неверном свете — уродливая тень, кощунственное отражение в кривом зеркале. Упорному, дотошному «подстрочнику» лишь изредка удается воссоздать смысл и общий рисунок, графический облик той или иной строфы Абая. Например:

Коль бедняк — смутьян,
Гордыней обуян —
Несчастнее на свете бая нет.
От прихлебателей,
От вымогателей,
От захребетников спасу нет.

Эти буквально переведенные строки, на мой взгляд, передают не только содержание оригинала, они намекают на форму, на размер, на ритм, на схему рифмовки. В таких случаях мне кажется, что автор подстрочника выполнил свою функцию. В определенной степени облегчил задачу поэта-переводчика, которому предстоит теперь в эти строчки вдохнуть жизнь, озарить живым огнем поэзии. Однако кто знает, может, это только мне, «подстрочнику», так кажется, на самом же деле я вовсе не облегчил задачу поэта-переводчика, а, наоборот, усложнил ее, невольно загнав его в жесткую структуру и ограничив его возможности для вольной фантазии. Может, поэт-переводчик предпочитает организованному, упорядоченному, максимально приближенному к оригиналу подстрочнику обыкновенную грубую, сырую глину, из которой ему сподручнее лепить все, что только ему заблагорассудится?..

Не знаю. Спор давний, старый. Я же пишу о своих впечатлениях, о своем опыте подстрочного перевода тридцати стихотворений Абая.

Так, резюмируя, в чем заключаются трудности при переводе Абая на русский язык? Какие подводные камни подстерегают переводчика на каждом шагу?

Это, по моему разумению:

— насыщенность, густота, спрессованность мысли в абаевской поэзии, образность, метафоричность, афористичность;

— сугубо национальный дух, ментальность;

— многозначность, многоплановость почти каждого абаевского слова;

— обилие историко-бытовых реалий;

— созерцательная, назидательная, степенно-возвышенная тональность, обращенность к собеседнику с чутким сердцем и душой;

— загадочность, трагизм одинокой, непонятой окружающими и оттого страдающей души.

Можно, конечно, назвать и другие камни преткновения. У меня же сложилось ощущение, что зазвучит Абай по-русски еще не скоро.

III

Так как же быть? Сидеть сложа руки? Смириться? Есть ли вообще выход? Или так и останется Абай — национальная гордость, национальная святыня — в узких национальных рамках?

Академик Д. С. Лихачев как-то сказал, что Пушкин до сих пор изучен слабо, осмысление Пушкина, мол, только начинается.

И это при беспредельной всемирной пушкиниане!

Весь мир и поныне изучает Гёте. Едва ли не во всех уголках земного шара исправно функционируют гётевские общества. Гётеаны — целый Монблан. И исследование этих высот не прекращается ни на миг.

Что же тогда говорить о нашем Абае?

По сути дела, мы находимся лишь у подножия горной вершины. У нас до сих пор даже нет по-настоящему канонического абаевского текста. Диву даешься различиям в его текстах разных изданий.

Да, Абай велик. Абай — титан. О том сказано и написано немало. В восторгах недостатка нет. Нельзя, однако, десятилетиями стоять у подножия и благоговейно взирать на горную вершину. Надо настойчиво одолевать перевал за перевалом, гряды за грядой и подняться на вершину. Тогда лишь откроется нам ее величие во времени и пространстве.

Думаю, когда-нибудь зазвучит Абай, как ныне говорят, адекватно и на русском, и на других языках мира. Само Время позаботится о своих гигантах. Забвение им не грозит.

Имеются многие пути для постижения Абая. И ни от одного нельзя отрешиваться. В том числе и от постижения его поэзии на русском языке через подстрочник. На мой взгляд, это наименее благотворный и плодотворный путь, мудрено расслышать Абая через косноязычного посредника, трудно по зыбким ориентирам, по сомнительным вешкам добраться на ощупь до сокровенной тайны его смуглоликой музы, однако и на этом пути не исключены открытия. Кое-какой опыт уже накоплен.

И все же... Трюизм: поэзия переводится поэзией, судьба отражается в судьбе. Душа переливается в душу. И лишь так достигается высшая гармония. Значит, нужен равновеликий талант. Или, скромнее, созвучный, соразмерный. Талант, способный услышать, понять, почувствовать и прочувствовать душу абаевской поэзии в оригинале, пропустить ее через свое сердце и воспроизвести ее на другом языке, в облики другой словесной оболочки. Это, пожалуй, единственный, идеальный путь. Воссоздал же Абай, облекая в безупречную казахскую форму, стихи Пушкина и Лермонтова. Я не исключаю, что именно русскоязычный казахский поэт, дерзкий и бесстрашный, преодолев робость, воссоздаст когда-нибудь достойно Абая на русском языке.

Возможно, открытия ожидают нас на пути переложения, парафразы, медитации «по мотивам», поэтических фантазий «на тему». И подобные формы не стоит исключать. И они могут послужить ступенькой в трудном постижении Абая.

Вот, скажем, Бахытжан Канапьянов написал небольшой цикл под названием «Мотивы Абая».

Не знаю, как я жил до нынешнего дня,
И пройдено и видено немало.
В любви и в спорах сердце отпылало,
Покой в моей душе. Былого нет огня.

Что в этой жизни остается для меня?
Мне, грешному поэту, не пристало
Себя Аллаху посвящать, стихи кляня,
Аллаха мое сердце не искало.

Приумножать стада, увольте, не хочу,
И степью управлять, увы, не по плечу.
Не облегчить людские мне страданья,

И свои мысли, и живую свою речь —
Все это в СЛОВО остается мне облечь.
Тебе, о человек, мои признанья!..

Понятно, это еще не сам Абай. Эти строки навеяны прилежным чтением Абая — и стихов его, и философской прозы. Все это — очень знакомое, дорогое, абаевское.

Это именно мотивы Абая, чутко услышанные, через сердце пропущенные его далеким потомком, нашим современником. И такая форма поэзии имеет право на жизнь. Она передает дух великого поэта. Она приучает исподволь русского читателя к поэзии Абая, подготавливает его душу для будущего восприятия и постижения подлинного казахского гения.

Абай вечен. Абай бесконечен. Он стоит в ряду гигантов духа. Он олицетворяет целый народ.

Бесконечно его постижение.

И путь к нему долог и тернист.

1991

Герольд Бельгер

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО ОБ АБАЕ	8
ПОЭЗИЯ	
БУДЬ РАЗБОРЧИВ В ПУТИ СВОЕМ	
«Пока не знаешь — молчи» Перевод <i>М. Петровых</i>	15
«Будь разборчив в пути своем» Перевод <i>Вс. Рождественского</i>	16
«Если смолоду честь не терял» Перевод <i>Е. Курдакова</i>	17
«В приютской школе много вас» Перевод <i>С. Ботвинника</i>	18
«Удлиняются тени скорее» Перевод <i>М. Дудина</i>	20
«К наукам я холоден в юности был» Перевод <i>Ю. Кузнецова</i>	20
«Бестолково учась, я жизнь прозевал» Перевод <i>А. Штейнберга</i>	21
ТИХОЙ НОЧЬЮ ПРИ ЛУНЕ	
Весна Перевод <i>П. Шубина</i>	23
Лето Перевод <i>А. Жовтиса</i>	25
Осень Перевод <i>Е. Курдакова</i>	26
Зима Перевод <i>Вс. Рождественского</i>	27
«Тихой ночью при луне» Перевод <i>Ю. Нейман</i>	27
«В ночной тиши луна царит» Перевод <i>Ю. Кузнецова</i>	28
«Всадник с беркутом скачет в ранних снегах» Перевод <i>С. Липкина</i>	29
«Ноябрь — преддверие зимы, пора в аул, пора!» Перевод <i>М. Шубина</i>	30
«Разражаются серые тучи» Перевод <i>М. Дудина</i>	31
«Быстрый беркут любую добычу возьмет» Перевод <i>Ю. Кузнецова</i>	31
ШЛЮ, ТОНКОБРОВАЯ, ПРИВЕТ	
«Язык любви живет без слова» Перевод <i>М. Дудина</i>	33
«Словно месяц, изогнутый в небе ночном» Перевод <i>Вс. Рождественского</i>	33
«Хоть Солнце и Луна вдруг засияют вместе» Перевод <i>М. Дудина</i>	33
«Шлю, тонкобровая, привет» Перевод <i>М. Шубина</i>	34
«Где ж ты, пламя юности моей?» Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	35
«Ты — зрачок глаз моих» Перевод <i>М. Петровых</i>	36
«Бегут, струятся косы по спине» Перевод <i>Ю. Кузнецова</i>	38
«Заплетенная круто коса за спиной» Перевод <i>М. Дудина</i>	38
«Чувства пылкие твои» Перевод <i>Ю. Кузнецова</i>	39
«Холод, жар... Молод, стар» Перевод <i>М. Петровых</i>	39
«И краснеть, и бледнеть» Перевод <i>М. Тарловского</i>	40
«Милый мой, дорогой» Перевод <i>М. Петровых</i>	41
«Душа моя унижена» Перевод <i>М. Дудина</i>	41
«Ах, что за жребий ждет меня!» Перевод <i>Д. Бродского</i>	42
Ответ девушки Перевод <i>М. Шубина</i>	44
«Наши девушки нежной цветут красотой» Перевод <i>Вс. Рождественского</i>	45

ПОЭЗИЯ — ВЛАСТИТЕЛЬ ЯЗЫКА

«Поэзия — властитель языка» Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	47
«Поэзия — царица языка» Перевод <i>Ю. Кузнецова</i>	48
«Стихами для забавы — не грешу» Перевод <i>М. Дудина</i>	50
«Не для игры я стал стихи писать» Перевод <i>Ю. Кузнецова</i>	51
«Этих воплей шум пустой» Перевод <i>Е. Курдакова</i>	51
«Всем пресытиться может душа» Перевод <i>Вс. Рождественского</i>	52
«Птицы-песни во всех направленьях летят» Перевод <i>А. Готова</i>	53
«Красивою песней под струнный звон» Перевод <i>Вс. Рождественского</i>	54
«Случаются мгновения: тревога» Перевод <i>М. Дудина</i>	54
«Гляжу: все едут на базар» Перевод <i>М. Дудина</i>	55

ВРЕМЯ — ПРЯДИ ТУМАНА ВДОЛЬ ГРЕБНЕЙ ГОР

«Верить людям, что хвалят тебя, не спеши» Перевод <i>Э. Шехтмана</i>	57
«Природа смертна, вечен человек» Перевод <i>Л. Озерова</i>	57
«Не бейся, сердце, чересчур» Перевод <i>М. Дудина</i>	58
«Я много разных слов сказал» Перевод <i>М. Дудина</i>	58
«Время — пряди тумана вдоль гребней гор» Перевод <i>А. Штейнберга</i>	59
«Когда баран войдет в ручей » Перевод <i>М. Дудина</i>	60
«Сердце — море, а радость его — жемчуга» Перевод <i>М. Дудина</i>	61
«Рос ты быстро, стремясь в небосвод голубой» Перевод <i>Ю. Казакова</i>	61
«Ты рос. Ты вверх тянулся смело» Перевод <i>М. Дудина</i>	62
«Вот мотыльков беспечный рой» Перевод <i>Е. Курдакова</i>	62
«В мирных звуках часов безотрадное есть» Перевод <i>Э. Шехтман</i>	63

ТУЛПАРА В СКАЧКЕ НЕ ОБГОНИТ КЛЯЧА

«Наконец волостным я стал» Перевод <i>Д. Бродского</i>	65
«Грязный в словах и делах» Перевод <i>П. Карабана</i>	68
«Управитель начальству рад» Перевод <i>Вс. Рождественского</i>	70
«Звереев бай» Перевод <i>П. Карабана</i>	72
«Бай живет и охраняет свой скот» Перевод <i>М. Зенкевича</i>	73
«Собаку я выкормил из щенка» Перевод <i>А. Жовтиса</i>	73
«Хвастун, наглец» Перевод <i>П. Карабана</i>	74
«Тулпара в скачке не обгонит кляча» Перевод <i>М. Дудина</i>	75

ИЗМУЧЕН, ОБМАНУТ Я ВСЕМИ ВОКРУГ

«О, казахи мои! Мой бедный народ!» Перевод <i>С. Липкина</i>	77
«Вот и старость. Скорбны думы, чуток сон» Перевод <i>Д. Бродского</i>	77
«Много слов говорил я в былом далеке» Перевод <i>Ю. Кузнецова</i>	79
«Умру. И стану вновь землей» Перевод <i>М. Дудина</i>	79
«Вот и старость... Свершиться мечтам не дано» Перевод <i>А. Готова</i>	80
«Восьмистишия» Перевод <i>Л. Озерова</i>	81
«Не верь хвалам: лукавит подлый век» Перевод <i>Ю. Кузнецова</i>	86
«Измучен, обманут я всеми вокруг» Перевод <i>П. Карабана</i>	86

«Жигиты, дорог смех, не шутовство» Перевод <i>А. Гатова</i>	87
«Я сам здоров. Душа моя болит» Перевод <i>М. Дудина</i>	90
«На сорок лоскутьев тоскою» Перевод <i>М. Петровых</i>	90
«О порыв души огневой» Перевод <i>Вс. Рождественского</i>	91
«Человек — ничтожной плоти тлен и прах» Перевод <i>Е. Курдакова</i>	91
Мотивы Абая <i>Б. Канпьянов</i>	92
I. «Не знаю, как я жил до нынешнего дня»	92
II. «Не изменить судьбы, увы, не изменить»	92
III. «О мой народ, послушай речь поэта»	93
БАЛЛАДА	
«Красотка-девушка у хана жила» Перевод <i>М. Петровых</i>	95
ПОЭМЫ	
Искандер Перевод <i>Е. Винокурова</i>	99
Мазгуд Перевод <i>Е. Винокурова</i>	105
КНИГА СЛОВ Перевод <i>К. Серикбаевой</i>	112
<i>Г. Бельгер</i>	
ВЛАСТИТЕЛЬ-СЛОВО	
(Почему трудно переводить Абая?)	179

Литературно-художественное издание
Серия «Слово седьмое»

АБАЙ
СТИХИ,
ПОЭМЫ,
ПРОЗА

Перевод с казахского

В оформлении книги
использованы работы *Евгения Сидоркина*

Оформление серии *Андрея Таловикова*

Редактор *С. Гусакова*
Корректор *В. Харченко*
Художественный редактор *Ж. Болатев*
Технический редактор *А. Соколова*
Верстка *А. Таловикова*

ИБ №8472

Сдано в набор 06. 03. 2002.

Подписано в печать 10. 08. 2002.

Формат 84x108 1/16

Бумага офсетная легкомелованная.

Печать офсетная.

Гарнитура Gill Sans

Усл. п. л. 20,16+0,64 форзац.

Усл. кр.-отт. 84,16.

Уч-изд. л. 9,96+1,0 форзац.

Заказ 536.

Тираж 10000 экз.

ЗАО «Издательство «Мектеп»

480009, г. Алматы, пр. Абая 143.

Телефон отдела реализации: (3272) 42-19-68.

Полиграфкомбинат корпорации «Атамұра»

480002, г. Алматы, ул. Макатаева, 41.

А13 Абай.

Стихи, поэмы, проза / Сост. Г. Бельгер. — Алматы:
Мектеп, 2002. — 192 с. — (Серия «Слово седьмое»).

ISBN 9965-16-145-3

Словом великого Абая, призывающим нас беречь в себе духовное начало, задаваться вопросами, стремиться к знаниям, обозначена новая серия книг издательства «Мектеп».

И естественно, что первой книгой в этой серии стал сборник Абая. Он составлен известным казахстанским писателем, переводчиком, литературоведом Герольдом Бельгером. Его статьей «Почему трудно переводить Абая?» заключается книга. И все те вопросы, которыми задается автор статьи, стояли и перед издательством при подготовке сборника. Чей перевод лучший, в чьем переводе Абай предстанет наиболее точно? В некоторых стихотворениях предлагаются переводы нескольких авторов. Присутствуют в сборнике и «Мотивы Абая» — переложение абаевской прозы в изысканую стихотворную форму сонета. Сборник достаточно полно представляет творчество «первого поэта» казахов. Это стихи, поэмы и сложная философская проза — «Книга слов».

В серии «Слово седьмое» будут выходить книги познавательного характера. Тематика их разнообразна: история, география, историческая география, литература, культура нашего народа, народа Казахстана.

А 4702250000—213 Доп. реш. – 02
404 (05) - 02

ББК 84 (5 Каз.)

Имущественные права на издание принадлежат
6005- ЗАО «Издательство «МЕКТЕП»

© Гусакова С., идея и разработка серии, 2002

© Бельгер Г., составление, статья, 2002

© Таловиков А., оформление серии, знак серии, 2002

© Сидоркин Е., иллюстрации, 2002

ISBN 9965-16-145-3